LA

VIE ÉTERNELLE

SEPT DISCOURS

PAR

ERNEST NAVILLE

Ancien professeur de philosophie à la Faculté des lettres de Genève

QUATRIÈME ÉDITION

AUGMENTÉE DE RÉSUMÉS

Dieu a créé les choses pour qu'elles fussent.
THOMAS D'AQUIN.

D. H. VERNHET
Missionnaire
ST AFFRIQUE (AVEYRON)

PARIS

LIBRAIRIE JOËL CHERBULIEZ
10 RUE DE LA MONNAIE

LIBRAIRIE AUGUSTE DURAND
7 RUE DES GRÈS

1864

ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ

Семь Лекций

ЭРНЕСТ НАВИЛЬ

Член-корреспондент Института Франции (Академии моральных и политических наук),
бывший профессор философии в Женевском университете.

Четвертое издание

Дополненное краткими изложениями (Resume)

«Бог сотворил вещи, чтобы они были» — Фома Аквинский

ПАРИЖ

1864 г.

Перевод 2025 г. - Школа Христианской Мудрости
School Christian Wisdom www.scwi.top

СОДЕРЖАНИЕ

- ПРЕДИСЛОВИЕ
- Первая Лекция. СМЫСЛ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА – 3
  - Краткий обзор первой лекции – 15
- Вторая Лекция. МАТЕРИАЛИЗМ – 15
  - Краткий обзор второй лекции – 30
- Третья Лекция. МЫСЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА – 30
  - Краткий обзор третьей лекции – 43
- Четвертая Лекция. ЕВАНГЕЛИЕ – 44
  - Краткий обзор четвертой лекции – 54
- Пятая Лекция. ЕВАНГЕЛИЕ ПЕРЕД НАУКОЙ И ВЕРОЙ – 55
  - Краткий обзор пятой лекции– 68
- Шестая Лекция. ХРИСТИАНСКОЕ УЧЕНИЕ О ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ – 69
  - Краткий обзор шестой лекции– 78
- Седьмая Лекция. ВЕРА – 79
  - Краткий обзор седьмой лекции – 92

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий том составлен из речей, записанных с помощью стенографии и пересмотренных автором. Эти речи были впервые произнесены в Женеве в ноябре и декабре 1859 года перед аудиторией, насчитывавшей около тысячи человек, в которой были представлены различные социальные слои человеческого общества и религиозных убеждений нашего времени. Они были повторены в Лозанне, в аналогичных условиях, в январе 1860 года, с усовершенствованиями, навеянными первым опытом. Переработка, которой они были подвергнуты, никоим образом не изменила их первоначального характера; читатель имеет перед собой устную речь, записанную в письменной форме, а не литературное произведение, задуманное и выверенное специально для публикации.

Впрочем, я могу привести здесь следующие строки, помещённые на первой странице одной книги, изданной в прошлом столетии, и точно выражающие мою собственную мысль:

«Моим намерением, когда я составлял эти речи, не было издавать их для широкой публики. Потребовалось не меньше, чем одобрение и, если осмелюсь сказать, настойчивые просьбы нескольких просвещённых лиц, чтобы я преодолел известное отвращение, в котором, вероятно, больше самолюбия, чем скромности… Всё, чего я желаю для этих слабых трудов, — это чтобы Творец всякого блага соизволил их благословить, и затем — чтобы они заслужили разумную критику, которая, указывая мне на допущенные ошибки, научила бы меня исправлять их и делать лучше».

Женева, июнь 1861 г.

Лекции о вечной жизни стали предметом не только разумной, но всегда доброжелательной критики, за что я здесь выражаю признательность их авторам.

Январь — апрель 1863 г.

Настоящее, четвёртое издание, было тщательно исправлено во всех частях и дополнено кое-где важными вставками.

Чтобы слушатели и читатели могли лучше уловить общий ход мысли в тексте, к новому изданию приложены резюме, выделяющие главные идеи и их логику.

ЭРНЕСТ НАВИЛЬ

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ

вернуться к содержанию >>>

СМЫСЛ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Господа,

Ваш взгляд нередко обращается к берегам нашего озера, к этому любимому озеру, что омывает стены Женевы и подножия лозаннских холмов. Не случалось ли вам, глядя на эти ныне многолюдные и приветливые берега, мысленно представить себе тот же самый пейзаж во времена, когда сюда впервые добрались пионеры цивилизации, когда ни одно человеческое жилище не отражалось ещё в зеркале вод, когда на этих холмах, всё ещё покрытых тёмным покрывалом девственных лесов, никогда не звучала песня сборщика винограда?

А может быть, уносясь мысленно в беспредельные дали будущего, вы задавались вопросом: каким будут эти берега, когда некий путник, забредший сюда из далёких времён, придёт, быть может, установить местонахождение исчезнувших наших городов, перекопать

землю в поисках следов нашей современной цивилизации? Всё меняется, всё уходит, всё обновляется на этих землях — обиталище человека. Но озеро и горы остаются. Всё те же Альпы — те самые, мимо которых мы проезжаем с такой быстротой, что невольно хотим назвать их вечными. Три тысячи лет назад, как и сегодня, восходящее солнце озаряло их в золотистом утреннем тумане; и через три тысячи лет, как и сегодня, если Владыка природы не изречёт Своего повелительного слова, заходящее солнце будет освещать их последними отблесками своей славы. Этот контраст между преходящим и постоянным, столь очевидный в мире природы, в не меньшей степени существует и в мире мысли. Каждое поколение приносит с собой заботы, которых не знало предыдущее, и которые будут забыты будущими. Мы горячо обсуждаем интересы, неизвестные нашим отцам, и даже не подозреваем о тех вопросах, которые более всего будут волновать наших потомков.

Наука о природе умножает свои открытия; физика современной эпохи вырывает у материального мира тайны, неведомые нашим предкам; промышленность поражает нас всё более удивительными применениями завоеваний науки. Не знаю, прогрессирует ли всегда политический порядок, но он, без сомнения, постоянно в движении и является ареной бесконечных перемен. Всё это — ближние берега, где всё изменяется. Но на горизонте души возвышаются одни и те же вопросы, постоянные проблемы, подобные мысленным Альпам.

Таков вопрос, который я предлагаю вашему размышлению:

Куда мы идём? Почему мы поставлены на землю? Исчерпывается ли наше существование настоящим порядком вещей? Какова его цель? Каков его законный конец?

Жизнь коротка; стоит немного удалиться от точки отправления — и уже виден белеющий на горизонте противоположный берег. За пределами этого промежутка, который можно перейти в четыре шага, — что нас ждёт, чего следует бояться, на что надеяться?

Этот вопрос, без сомнения, стоит того, чтобы о нём задуматься. Чтобы его забыть, требуется поразительная, почти невероятная легкомысленность. На деле, его не забывают — он всегда где-то глубоко в душе каждого. Но жизнь отвлекает нас, и мы не смотрим в лицо проблеме, которую не можем стереть. У каждого — свои дела, и нужно жить. Мы думаем о тысячах вещей: следим с интересом за успехами промышленности, за финансовыми спекуляциями, узнаём о событиях — что говорить — даже о самых ничтожных политических слухах, с любопытством, в котором афинские граждане уже не имеют монополии. Как тут найдётся время, чтобы заботиться о далёком будущем? Так, под гнётом житейских забот, слишком часто спит, словно задавленный, зародыш высоких мыслей, которые должны бы составлять обычную заботу разумной природы.

И всё же, против этого лихорадочного рассеяния, ведущего к забвению самых серьёзных вопросов, у нас не в дефиците предостережений. Я скажу вам здесь лишь банальные общеизвестные истины; я этого не скрываю, но и не жалею об этом. Мне часто казалось, что, если пословицы — это мудрость народов, то общеизвестные банальные истины — это мудрость всего человечества

Кто не повторял сотни раз другим и себе самому то, что я вам сейчас говорю? Кто не знает, как ничтожны все эти вещи, которые нас так увлекают? Мир полон людей, жалующихся на жизнь, злословящих её, при случае даже клевещущих на неё; но мы относимся к этой жизни так же, как мизантроп Мольера к той возлюбленной, чьи недостатки он любит перечислять, но от которой не может оторвать сердце. Да, мы верим в жизнь, мы снова и снова верим в её обещания, в её чары, и, быть может, мы никогда не верим в них больше, чем тогда, когда нам нравится изображать разочарованных. Что ж, против этой зачарованности нужно противопоставить ясное, отчётливое понимание всей непрочности нашего нынешнего существования, всей наивности нашей привязанности к тому, что называют реальностью.

Здесь мне не нужно искать новых слов — достаточно выбрать. Убеждение в текучести всего сущего, в ничтожестве настоящей реальности — вот главный источник, из которого всегда черпала вдохновение высокая поэзия, великая риторика, серьёзная философия — все эти голоса, через которые человечество обращается к самому себе.

Послушайте эти слова двухвековой давности: «Всякое измеримое бытие — ничто, ибо всё, что измеряется, имеет свой предел, и когда достигается этот предел, последняя точка всё уничтожает, словно ничего никогда и не было. Что такое сто лет? Что такое тысяча лет, если одно лишь мгновение способно их стереть? Умножьте свои дни, как олени, что по преданию живут веками; проживите столько, сколько эти дубы, под которыми отдыхали наши предки, и которые ещё будут давать тень потомкам. Накопите в этом, казалось бы, огромном пространстве почести, богатства, удовольствия — что вам от этого приобретения, если последний дыхательный вздох смерти, слабый и тихий, в одно мгновение разрушит всю эту суету, как карточный домик, жалкую игрушку детей? И что вам пользы, что вы столько написали в этой книге, заполнив страницы красивыми буквами, если один единственный штрих должен всё это стереть?»

«И даже штрих оставил бы хоть след, тогда как этот последний миг, что сотрёт всю нашу жизнь, исчезнет сам вместе с прочим в бездне небытия; не останется на земле ни одного следа того, кем мы были… Что же такое моя суть? Я вхожу в жизнь, чтобы скоро из неё уйти; я показываюсь, как другие, — и должен исчезнуть. Всё зовёт к смерти; природа, как будто завидуя благу, которое нам дала, часто напоминает, что не может на долго оставить нам ту малую материю, которую она нам одолжила, которая не должна оставаться в одних и тех же руках и должна вечно переходить из одних форм в другие. Этот постоянный приток рода человеческого — дети, которые рождаются и растут — словно подталкивают нас плечом и говорят: отойдите, теперь наша очередь. Так же, как мы видим других проходящих мимо, так и другие увидят, как мы проходим, и они обязаны показать тот же самый спектакль своим преемникам. Что же остаётся от нас? Если я брошу взгляд вперёд — безбрежное пространство, где меня нет; если назад — страшная цепь, где меня уже нет; и какое ничтожное место я занимаю в этой бездне времени!»

«Я — ничто; такой малый промежуток не способен отличить меня от небытия; меня сюда послали лишь для количества — и без меня спектакль был бы сыгран так же… И если глубже подумать, не вся продолжительность жизни отличает нас от небытия: лишь одно мгновение всегда нас от него отделяет. Сейчас мы держим одно — и оно исчезает, и вместе с ним исчезли бы мы, если бы мы спешно не схватились за следующее, и так далее, пока не наступит то, до которого мы уже не дотянемся, как бы ни старались, — и тогда мы рухнем, лишённые опоры… Образ этого мира проходит, а моё существо — ничто. Меня уносит с такой быстротой, что кажется, будто всё ускользает. Всё действительно уходит, господа; и пока мы здесь собрались и думаем, что стоим на месте, каждый продвигается по своему пути, каждый отдаляется от ближнего, ибо каждый неумолимо движется к последнему расставанию». (Боссюэ, Проповедь о смерти.)

Я не стану ослаблять силу этих слов никакими комментариями; не собираюсь писать здесь примечания к Боссюэ.

И впрямь, нынешняя жизнь не может избавить нас от заботы о будущем. Даже если бы земное существование было полным, достигало своей завершённости, — для того чтобы сделать нас серьёзными, было бы достаточно одной смерти и постоянного бегства всего, что к ней ведёт. Вот чему учит нас размышление. А опыт говорит с нами ещё более сурово. Если мы засыпаем на подушке равнодушия, то причина тому — отнюдь не недостаток потрясений, способных нарушить наш сон. Сколько полных, завершённых жизней мы знаем? Много ли вам встречалось таких, к которым можно было бы отнести прекрасный стих Лафонтена: «Ничто не омрачает её конец — это вечер прекрасного дня».

Такие вечера редки, столь редки, что, когда они случаются, вызывают удивление. Пойдите, господа, на кладбище. Посчитайте могилы детей, юношей, девушек! Когда Андре Шенье понял, что ему осталось только склонить голову под отвратительное лезвие революции, и почувствовал, как внутри бурлит поток мыслей, чувств, поэзии, которые он хотел бы излить, он приложил руку к своему лбу и воскликнул: «А ведь там всё-таки что-то было!» И кто из нас не знал какой-нибудь из тех жизней, прервавшихся раньше времени? Кто не хранит в памяти образ одного из тех существ, полных будущего, сияющих надеждой, устремлявшихся с любовью к жизни — жизни, которая внезапно была у них отнята?

Какая грусть — в этих ударах смерти! И какая ирония! Полезный человек уносится прочь, предмет самой пламенной привязанности срезается на цвету, тогда как иные существования — такие тяжёлые для самих себя, столь обременительные для окружающих — кажутся неспособными завершиться когда-либо. Не нужно на этом настаивать. Кто из вас не носит в своей душе воспоминаний, говорящих с ним более красноречиво, чем я бы смог? Кто из вас не был бы готов встать, если потребуется, и засвидетельствовать один из этих беспорядков, связанных со смертью? Беспорядок? Что это значит? Если мы говорим о беспорядке — значит, в нас живёт чувство порядка. Если мы жалуемся на тьму — значит, у нас есть хотя бы смутное ощущение света.

Так вот: этот порядок, которого требует наше сердце, наша совесть, этот порядок, который мы — такие слабые, такие жалкие — способны хоть немного постичь, хоть отчасти предугадать, — неужели ни на небе, ни на земле не существует никого выше нас, у кого было бы достаточно разума, чтобы понять его во всей полноте, и достаточно силы, чтобы его осуществить? Неужели за звуками диссонанса, что причиняют нам страдание, никогда не последует гармония? Неужели за тьмой никогда не увидим мы света? Вот как жизнь и смерть, бег времени и его неизбежный предел объединяются, чтобы разрушить чары нашей легкомысленности и обратить наше внимание на вопрос: куда мы идём? Какой смысл нашего существования?

Но чтобы ещё яснее показать всю важность этого вопроса, давайте теперь обратимся внутрь самих себя; внимательно исследуем нашу природу, составим своего рода инвентарь нашей души. Нет ни одной способности нашего духа, ни одной потребности нашего сердца, которая, будучи внимательно рассмотрена, не вызвала бы у нас этот вопрос: «Завершается ли смысл существования человека здесь, на земле?»

Начнём с примера, который, на первый взгляд, кажется как можно более далёким от нашей темы. Зал, в котором мы находимся, по самому своему устройству напоминает о своём первоначальном назначении: это — концертный зал. Это обстоятельство наводит меня на мысль о стремлении человека к наслаждениям, даруемым прекрасным искусством. Из всего этого обширного мира моё внимание обращается к тому сложному искусству, в котором в некотором роде заключаются все остальные, — к поэзии. То, что создают живопись и музыка с присущими им средствами, поэзия делает по-своему. Она стремится выразить идеал, то есть посредством наших чувств сделать доступным для души нечто более высокое, более богатое, более захватывающее, чем природная реальность.

Стремление к идеалу — это сущность искусства, это единственное оправдание существования поэзии. И в этом стремлении проявляются две глубоко разные направленности. Есть такая поэзия, которая лишь приукрашивает настоящую жизнь, создаёт обманчивый её образ, что манит нас, но скоро разбивается о действительность, оставляя в сердце лишь разочарование и отвращение. Я не говорю о развращённом воображении, которое украшает порок, возвеличивает грех и набрасывает блестящий покров поэзии на скверну и грязь человеческого сердца. Я говорю лишь о том романтическом складе ума, который, лишённый всякого чувства бесконечного и замкнутый в земные горизонты,

сочиняет из земных элементов целый искусственный мир, по сравнению с которым реальная жизнь кажется тяжёлой, а долг — скучным.

Идеал, в этом случае, — рассеянный свет, нечто вроде фосфоресценции, исходящей от самих предметов, без высшего источника, откуда он бы излучался. Такое искусство — утончённое удовольствие, возможно, благородное, но мимолётное и тленное. Но разве нет другой поэзии? Да, конечно, есть иная. Есть поэзия, которая верит в источник света, стремится подняться к нему и, созерцая приходящую красоту здешнего мира, постигает вечную красоту, вся земная красота — лишь бледное её отражение. Послушайте грека Платона: «Человек, узрев земную красоту, вспоминает подлинную, у него вырастают крылья, и он жаждет вознестись к ней; но, будучи бессилен, он, как птица, поднимает глаза к небу». (Платон, «Федр» и «Пир»).

И далее великий ученик Сократа прославляет «эту чудесную красоту, которая является конечной целью всех трудов мудреца, красоту вечную, свободную от роста и упадка, красоту, причастную которой становятся все прочие красоты, но таким образом, что ни их появление, ни их исчезновение не прибавляет ей, не убавляет, и ничуть не изменяет её». Он показывает душу, охваченную божественной любовью, «начинающую с красот здешнего мира и, взирая на высшую красоту, непрестанно восходящую к ней, проходя, так сказать, через все ступени лестницы» — и восклицает в завершение: «Что даёт ценность этой жизни — это созерцание вечной красоты». Значит, существует идея красоты, которая придаёт ценность нашей жизни, потому что она становится для нас залогом более высокого существования.

Существует поэзия, которая не хочет быть просто развлечением для ума, а возвышает жизнь, озаряя её высшим светом; поэзия, которая, вместо того чтобы отвратить от реальности и долга совести, преображает реальность и обожествляет долг. Идеал, в таком случае, — отблеск света свыше; искусство становится одним из звеньев золотой цепи, соединяющей небо и землю. Вот две весьма различные манеры понимать искусство, идеал, поэзию. И литературная критика не исполняет свою задачу, если не восходит до таких великих проблем. Где же истина? Идеал — это блуждающий огонёк, который гаснет, осветив мрачным сиянием болото, породившее его? Или идеал — это луч, сходящий с небес, чтобы осветить землю? Вот он — наш вопрос, и он поставлен, заметьте, в том самом измерении, которое поначалу могло бы показаться ему наименее близким. Перейдём теперь к исследованию другого из элементов нашей природы.

Более двух тысяч лет назад философ Аристотель написал в начале одного из своих самых знаменитых сочинений следующие слова: «Всякий человек по природе стремится к знанию». Я рассматриваю это стремление к знанию, которое столь явно составляет часть устройства нашего духа, и спрашиваю: направлено ли оно исключительно на нужды нынешней жизни, ограничено ли оно рамками нашего нынешнего существования? Так могло бы показаться, если бы наука была просто служанкой промышленности, снабжающей её посредством своих исследований, расчётов и открытий орудиями для укрощения стихий и покорения природы. Но так ли это на самом деле?

Говорят, геометрия возникла у египтян из необходимости восстанавливать границы участков земли после разливов Нила. Желание не теряться в огромных равнинах, по которым они кочевали со своими стадами, побудило халдейских пастухов к астрономическим наблюдениям. У меня нет причин возражать против таких утверждений. Необходимость — мать изобретений; не время сейчас это отрицать, и тем более спорить о практической пользе науки. Вагон, который нас везёт, словно бы воплощает в себе, в своём стремительном движении, накопленный труд нескольких поколений учёных, а ещё более стремительный телеграфный провод, оповещающий наших друзей о нашем прибытии

заранее, всем показывает, чего стоит для человечества даже самый отвлечённый научный поиск.

Да, безусловно, наука — основа промышленности. Человек действует лишь в той мере, в какой он знает, и овладевает природой лишь настолько, насколько он сумел её познать. Естественно, что некоторые практические нужды пробуждают ум человека. Но можем ли мы в этом порядке вещей найти всю цель и достаточное объяснение умственной работы? Нет, господа. Если бы человек занимался наукой только ради полезных результатов, то чудеса современной индустрии никогда бы не появились. Наука приносит практическую пользу только тогда, когда её развивали в течение долгого времени бескорыстно. Чтобы привести лишь один пример — теория электричества никогда бы не возникла, если бы её начали разрабатывать только после того, как был предвиден современный телеграф.

Надо вернуться к изречению Аристотеля: стремление к знанию — это изначальный элемент нашей природы. Мы унижаем себя, когда подчиняем поиск истины целям, менее возвышенным, чем сама истина. И наше стремление к знанию — по самой своей природе бесконечно. А теперь поставим рядом с этим внутренним, не имеющим границ, стремлением — результаты, которых мы достигаем. В этой материальной вселенной, объясняемой опытом и истолковываемой расчётом, бесконечность ускользает от нас с обеих сторон.

Вооружите своё зрение самым мощным телескопом — думаете ли вы, что увидите конец Вселенной? «Видимая нам часть мира — всего лишь едва различимая черточка в необъятной груди природы» (Паскаль). Возьмите самый сильный микроскоп — увидите ли вы первые элементы материи? Наше воображение теряется в этих мыслях. Бесконечность великого и бесконечность малого — ускользают от нас. «Края всех наших изысканий тонут в ослеплении», — говорит Монтень. А что же представляют собой наши чувства, с помощью которых мы вопрошаем природу? Лишь несколько окон, прорезанных в тюремной стене, позволяющих нам видеть, быть может, только самую малую часть существующего.

«Нет света для слепого — для него светило дня лишь тщетно трудится» (Лафонтен, Смерть и умирающий). Лишите нас слуха — и вся магия звуков исчезнет. А кто скажет, сколько сторон вселенной навсегда останутся для нас неизвестными, о которых мы даже не можем составить ни малейшего понятия, потому что нам не хватает соответствующих органов чувств, мы слепы и глухи к ним. Всюду — вопросы. Всюду — тайны. Величайшие проблемы не порождаются возвышенными умозрительными размышлениями; они возникают в полёте насекомого, в последнем стебельке травы, в каждой молекуле воздуха, который мы вдыхаем, в каждой пылинке земли, по которой ступаем.

Наука развивается, она делает ценные завоевания, и многие ею опьянены; но со всех сторон она упирается в непреодолимые границы, и мудрец, всё яснее сознающий ничтожность того, что он знает, в сравнении с бездной того, чего не знает, часто склонен подытожить свои поиски знаменитой фразой: «Я знаю только то, что ничего не знаю» (Сократ). Так обстоит дело с природой, с видимой вселенной, которая, кажется, и была нам особенно вручена для исследования. А что же тогда сказать о вопросах, лежащих за пределами опыта: о происхождении и конечном предназначении вещей, о тайне духовного бытия? Создано ли стремление постичь такие тайны ради одной только этой жизни? Не кажется ли, что эти проблемы тем сильнее волнуют нас, чем менее их решение касается наших насущных интересов?

Может быть, стремление разогнать тьму, окружающую начало и конец нашего существования, — это искусственная потребность, порожденная деятельностью мысли, которая, однажды начав движение, выходит за пределы своего предмета и мчится в пустоту? Самое возвышенное любопытство — неужели это лишь незаконное излишество ума? Нет, господа. Первые вопросы, которые когда-либо задавало себе человечество — именно вопросы такого порядка. Скажем это — и скажем во славу нашего рода: когда не

было известно ни одного закона физики, когда химия ещё не родилась, мудрецы уже спрашивали: что является началом всех вещей? что есть конечная цель вселенной? Таково свидетельство истории древнейших времён. И эта история зарождающегося человечества повторяется среди нас.

Прислушайтесь к вопросам детей: они наивны, но порой эта наивность становится возвышенной. Разве вы не слышали, как в кругу их узкого ещё мышления вдруг вырывается один из тех «почему», которые затрагивают и превосходят всю нашу метафизику? Мы созданы, чтобы познавать. Мы жаждем полного света. И повсюду натыкаемся на тайны, повсюду сталкиваемся с этим смутным стеклом, о котором Павел из Тарса говорил восемнадцать веков назад (1Кор.13:12). Факт налицо: непропорциональность между порывом нашей мысли и результатами, которых мы достигаем, настолько очевидна, что её невозможно отрицать. Что же из этого следует?

Должны ли мы заключить вместе с Плинием, что «природа человека — ложь, ибо в ней соединяется крайняя нищета с величайшей гордыней»? И назовём ли мы болезненным ослеплением тот взор духа, который стремится к свету? Или скажем: наша душа предчувствует своё высокое предназначение, и потому, если мы не удовлетворяемся тусклыми огнями, смешанными с тьмой, то это лишь потому, что мы созданы для полного света? Вот в чём снова суть нашего вопроса: мыслящий дух и наука поднимают его так же, как раньше — искусство и жажда идеала.

Мы ищем прекрасного и истинного — мы ищем также и добра. И в этой новой сфере проблема, которой мы заняты, встаёт перед нами со всех сторон. Мы стремимся к святости, и те, кого мы считаем наиболее продвинувшимися по пути к ней, — те первые и жалуются на то, как далеко они ещё от цели. Ложно ли это стремление? Раз мы ищем моральное добро, которого не можем полностью достичь, — следует ли заключить, что само это стремление напрасно и его нужно оставить? Или, напротив, — что стремление это законно, но его цель за пределами этой жизни? Я не буду задерживаться на этом рассуждении: тема слишком велика, а время поджимает; нужно выбрать главное, и я хотел бы сосредоточить ваше внимание на вещах банальных — банальных, как и истина.

Мораль, как говорят об этом обычно, требует воздаяния. «Будь добрым — и будешь счастлив», — говорит нам внутренний голос. Это — высказывание справедливости, которая утверждает, что в нормальном состоянии счастье человека должно быть соразмерно добру, которое в нём есть. Но осуществляется ли эта справедливость вокруг нас? Нам уже набили уши жалобы, которые повсюду звучат по этому поводу. Увы, мы слишком хорошо знаем: если речь идёт о радостях этого мира — то они не даны в удел тем, кто строго соблюдает вечные законы морали. Богатство, влияние, власть — не связаны неразрывной связью с честностью, правдой и самоотверженностью. Но не будем останавливаться на этом низком взгляде.

Говорят, в нынешней жизни есть компенсации этим вопиющим несправедливостям судьбы — и будто бы этих компенсаций достаточно. Разве добродетель не несёт в себе своё вознаграждение — во внутреннем чувстве, которое её сопровождает? Разве порок не черпает из того же источника неизбежное наказание? Господа, блага этого мира — это ещё не счастье, и, без сомнения, состояние совести ценнее любой удачи. А самый надёжный способ быть счастливым в этой жизни — это идти в порядке и в добре. Я этого не отрицаю. Но эти самые компенсации, сколь бы реальны они ни были, — в силах ли они отменить вопрос о будущем? Моралисты много говорили о радостях доброй совести; но слишком часто пренебрегали её страданиями — я говорю: страданиями праведной совести. Долг — требовательный наставник. Совесть становится тем чувствительнее, чем более она очищена. То, что прежде казалось дозволенным, больше таковым не кажется. Появляется щепетильность, странная для мира, мучительная для того, кто её в себе носит. Мы с трудом

поднимаемся по горной тропе — и по мере того как продвигаемся, вершина будто отдаляется, и как бы бросает вызов путнику.

Какие источники боли! Да, священной боли, во много раз предпочтительнее удовольствий жизни, — но всё же боли. О, если долг — это всё, без объяснения, без надежды, без будущего — то долг есть благородный наставник, но это наставник с тяжким ярмом и тяжёлым бременем. Много говорят об ужасах раскаяния, и чаще всего имеют в виду те страшные случаи, когда воспоминание о преступлении преследует виновного, как тень, отравляет его дни и лишает сна ночами. Да, совесть говорит — но она умеет и молчать, и слишком часто забывают о её молчании. Внутренний голос — горд: пренебрегая им, мы отгоняем его прочь. Совесть черствеет, моральное бытие понижается постепенно, и наступает ночь.

Солнце исчезает, мы зажигаем свечи. Нет радости — ищем удовольствия. В этой тьме, без сомнения, сверкают вспышки, совесть, возможно, пробуждается внезапными муками, но всё же: сколь много притуплённых совестей, которые позволяют утвердиться жизни вне всяких норм и добра, жизни, которую, в конце концов, можно сносить. Такова — страшная сила, которая дана нам. Взвесьте всё это: с одной стороны — мучения тонких, чувствительных совестей, с другой — успокоенные совести, души, уснувшие во зле. Что мы скажем? Справедливость не осуществляется в этом мире — но неужели она никогда не осуществится? Жажда святости — неужели она никогда не будет утолена? Души, погружённые в сон, — неужели они никогда не пробудятся?

Подумайте: разве вопрос о будущем не заслуживает того, чтобы быть поставленным серьёзно? Нужно ещё указать на одну трудность, довольно редко высказываемую, но которая всё же существует. Говорят, — Нет никакой справедливости, в том смысле, в каком вы её понимаете; но вы неправы, что вообще так ставите вопрос. Мораль обходится без всякого воздаяния. Если ты находишься в порядке — этого достаточно; твоё стремление обрести счастье в исполнении долга — в глубине души всего лишь скрытое эгоистическое желание. Нужно любить добро ради самого добра, не из какой-либо иной причины.

Добродетели достаточно самой себя, ей не нужно никакого взгляда в будущее. Это, пожалуй, возражение, которое больше других вызывает уважение к тем, кто выдвигает его серьёзно. Ответим кратко. Нет, вовсе не эгоизм заставляет меня утверждать, что счастье должно быть соразмерно добру. Да, я хочу этого и для себя, и я не властен изменить свою природу, которая заставляет меня этого желать. Но моё "я" здесь почти ни при чём, поскольку я выношу тот же приговор и по отношению к другим, как и по отношению к себе. Там, где добро и счастье расходятся, даже если вопрос меня лично совершенно не касается, внутренний голос поднимается и восклицает: Здесь — беспорядок, и этот беспорядок должен быть исправлен.

И затем, господа, я опасаюсь этих "высот добродетели", где добродетель опирается только на саму себя. Если желание счастья — это первичный, основополагающий элемент нашей природы (а кто мог бы это отрицать?), то я боюсь, что, лишённое надежды, это желание обратится с яростью к самым низменным наслаждениям жизни; и что, с высот абсолютного бескорыстия, человек в какой-нибудь день не скатится в грязь чувственных удовольствий. «Человек, — говорит Паскаль, — не ангел и не зверь; и несчастье в том, что тот, кто хочет быть ангелом, становится зверем».

Рассмотрим теперь само по себе это стремление к счастью, которое мы соотнесли с идеей справедливости. Есть люди, которые отрицают долг; но, как мы только что сказали, никто не отрицал нашего желания быть счастливыми. Возникает вопрос: направлено ли это стремление исключительно на земные вещи? Это всё тот же вопрос, который вновь и вновь к нам возвращается. В настоящей жизни есть радости, и слишком часто мы проявляем по отношению к ним двойную ошибку — безумную привязанность и преступную

неблагодарность. Есть радости в природе, в семейном очаге, в деятельности, увенчанной успехом — радости законные, чистые… и всё же, в глубине души ощущение жизни печально.

Я мог бы обратиться к тому римскому императору, который, достигнув вершины наивысшей власти, какой только знала земля, умирал, произнося эти слова: «Я был всем — и стану ничем» (Марк Аврелий). Я мог бы привести и другие слова, вложенные в уста царя: «Суета сует, всё суета» (Екклесиаст 1:2).. Я мог бы перелистать страницы литературы и показать вам поэтов, которые стремились воспевать лишь безумные радости и шумные наслаждения, но порой вплетали в свою фривольную или виновную весёлость мрачные элегии. Вы знаете того певца, который пускается на поиски счастья под руководством Надежды. Счастье — всегда впереди нас, но там, где нас нет: то в деревне, то в городе; то в Азии, то в Африке — оно всё ускользает; и где же оно наконец?

«Ты видишь его, вон там, вдали,
Там, вдали, среди облаков?
— Ах! — скажет усталый старик, —
Слишком напрасных было дорог.
Дети, бегите туда, за облака,
Бегите, бегите, удвойте шаг —
Чтобы найти его там, вдалеке…»

Хочется увенчать себя розами, хочется петь и смеяться, легко срывать цветы жизни… и всё же из глубины сердца поднимается печаль, укоренённая в самой нашей природе. Поэзия — это, конечно, не стенание. Но лира поэта была бы узка и бедна, если бы на ней не звучала струна меланхолии.

Оставим, если хотите, королей и поэтов, императоров и певцов. Обратимся к более спокойному суждению о нашей судьбе. Послушаем мыслителя, наделённого серьёзной добросовестностью — добродетелью философов: «В начале жизни, наша природа, пробуждаясь со всеми своими потребностями и способностями, встречает мир, который, как кажется, предлагает безграничное поле для удовлетворения одних и развития других. Увидев этот мир, в котором, по-видимому, заключено счастье, наша природа устремляется вперёд, полная надежд и иллюзий. Но такова участь человека, что ни одна из этих надежд не сбывается, ни одна из иллюзий не оказывается оправданной. Пока длится молодость, несчастье скорее удивляет нас, чем пугает; нам кажется, что то, что с нами происходит — это аномалия, и наша уверенность от этого не рушится».

«Пусть даже эта аномалия повторяется, мы не разочаровываемся. Но, в конце концов, — либо какой-то сильный удар вдруг открывает нам глаза, либо, по прошествии жизни, накопленный опыт берёт верх, — и нам открывается горькая истина. Тогда исчезают надежды, которые смягчали наши беды; на смену им приходит горькое возмущение, делающее их ещё тягостнее; тогда из глубины сердца, подавленного болью, из глубины разума, раненного в самых сокровенных убеждениях, неизбежно поднимается этот печальный вопрос: зачем же человек был помещён в этот мир?»

«И не думайте, господа, что только страдания жизни вызывают у нас этот вопрос: он возникает и из наших радостей, потому что природа человека оказывается обманутой как в одних, так и в других. В первый момент удовлетворения своих желаний мы наивно, или, вернее, невинно верим, что счастливы; но если это счастье продолжается, то вскоре его первоначальный шарм увядает; и там, где вы думали найти полное удовлетворение, вы ощущаете уже только частичное, затем ещё меньшее, и, наконец, всё иссякает, превращаясь в скуку и отвращение. Таков неизбежный конец всякого человеческого счастья; таков неотвратимый закон, которому не может уклониться ни одно из них».

«Если же в момент торжества одной страсти вас охватывает другая, то, будучи увлечены новой, вы, правда, избегаете разочарования в прежней; и именно так, в очень насыщенной и бурной жизни, вы можете достаточно долго прожить, не замечая суетности земного счастья. Но этот самообман не может длиться вечно. Наступает момент, когда эта неистовая переменчивость в стремлении к счастью, порождённая разнообразием и неопределённостью наших желаний, наконец, замирает, и наша природа, как бы собираясь в единое целое, сосредотачивает всю свою потребность в счастье на одном единственном предмете, которого жаждет всем своим существом».

«И вот тогда, какова бы ни была эта страсть, приходит неизбежно горький опыт, ранее отсроченный случайностью: едва достигнуто это счастье, столь страстно и исключительно желанное, как душу охватывает страх его недостаточности; напрасно она изнемогает, пытаясь найти в нём то, что мечтала; само это стремление омрачает его и лишает красоты: тем, чем оно казалось — оно не является; тем, что обещало — не исполняет; всё счастье, какое могла дать жизнь, пришло, а стремление к счастью не угасло».

«Итак, счастье — лишь тень, жизнь — обман, желания наши — коварная западня. Здесь не к чему возразить — это доказательство убедительнее самого несчастья; ибо в страдании вы ещё можете себя обмануть, обвинив в своей участи дурную судьбу и оправдав природу вещей, тогда как здесь — именно природа вещей уличается в жестокости: сердце человека и все радости жизни поставлены друг перед другом — и сердце человека остаётся неудовлетворённым. Отсюда и рождается этот печальный взгляд вглубь самого себя, который возвышает зрелого человека до мысли о его предназначении, побуждает его задуматься о нём и спросить: что оно есть? Причём он чаще рождается не из страданий, а именно из опыта радостей жизни». (Жуффруа, Философские размышления, стр. 399–403)

Таков голос личных разочарований, итог жизненного опыта. Но есть в нашем сердце скорби более благородные, чем печали, вызванные уязвлённым эгоизмом. Мы не одни в этом мире, и мы не все подобны тому Сганарелю у Мольера, который, наевшись и напившись, хотел, чтобы все в его доме были пьяны. Есть души, которые живут жизнью других, страдают от их боли и воплощают ту прекрасную мысль римского поэта: «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо» (Теренций).

Да, в этот самый час, когда мы спокойно собрались в этом зале, — повсюду, близко и далеко, на поверхности земного шара происходят тысячи и сотни тысяч ужасных поступков и сцен глубочайшей скорби. Знаете ли вы, сколько сейчас в этом городе больных в муках, умов, терзаемых тревогами, страшнее болезни, душ, раненных в самых дорогих чувствах, обманутых в самых законных надеждах? А вдали, что мы слышим? Самые мрачные страницы истории не содержат ничего такого, что не происходило бы сейчас где-то в мире. В той Америке, что гордится своей свободой, детей разлучают с матерью и продают поштучно, когда не удаётся продать мать с детьми вместе.

В рабочих кварталах старого света целые семьи обречены на тяжкий труд, который далеко не всегда спасает их от голода — матери страха и советницы преступления. Сцены войны, резни и ужаса, пусть и смягчённые цивилизацией, время от времени наводящие ужас на нашу Европу, продолжаются с первобытной жестокостью в далёких странах Азии и Африки — там это обычное состояние целых народов.

Но есть уши, открытые для стонов сотворённого. Есть души, которые страдают от этого даже в самых благополучных личных обстоятельствах. Есть сердца, достаточно благородные, чтобы кровоточить — насколько позволяет слабость природы — от всех ран ближних. И поймите: нет счастья для эгоиста, а без взгляда надежды, направленного за пределы этого мира, его ещё меньше для преданных сердец. И всё же — мы жаждем счастья. Неужели это — только иллюзия? Цветок юности, который бесповоротно увядает к

полудню жизни? Что означает эта боль, неотступно следующая за нами, охватывающая нас в тысяче обличий, и столь жестоко контрастирующая с устремлениями нашей души?

Если мы не предназначены к счастью, зачем тогда эти вспышки радости, которые пронизывают нашу жизнь? Что значат эти лучи, теряющиеся во тьме, эти предвкушения, оканчивающиеся горечью? Неужели нет нигде обители, где нас ждёт радость — радость, способная утешить скорби наших страданий и разочарование наших наслаждений? Наш вопрос встаёт повсюду. Вокруг вас — удары смерти и непостоянство всего сущего; внутри вас — ваши способности, ваши желания, вся ваша природа — всё поднимает этот вопрос: исполняется ли предназначение человека здесь, на земле?

Эту проблему легкомыслие забывает, равнодушие со временем начинает презирать — мы все это знаем, и нас это уже не удивляет. Но что действительно поражает и печалит — так это то, что серьёзные люди, размышляющие, считающиеся в мире мудрецами, стремятся избавить нас от заботы о будущем, стереть в нашей душе знаки нашего достоинства. Самое горькое — что находятся учёные мужи, которые возводят наше легкомыслие в систему, нашу равнодушие — в теорию. Некоторые писатели и учёные нашего века, слишком пристально вглядываясь в движение человеческих мнений в истории, испытали головокружение: изменчивость всего заслонила от них то, что остаётся неизменным. И вот их слова:

«Мысли и верования — переменные продукты цивилизации — увлекаются временем в бездну прошлого. Этот непрерывный поток человеческих идей представляет собой красивое и удивительно интересное зрелище для мудреца; но искать в нём что-либо большее, чем удовлетворение утончённого любопытства, бессмысленно. Разум, стремящийся постичь истину, бросается в пустоту — и встречает лишь химеры. Религия и философия, когда они говорят нам о будущем и о великолепии иной жизни, — это цветы жизни, но земные цветы. Не лишайте нашу природу этих прекрасных снов — это было бы её увечить. Но примите эти сны за то, чем они являются: не ищите в фантазиях воображения прочной истины, на которую можно было бы опереть своё существование. Такая иллюзия допустима лишь для умов, отставших от своего времени; в наши дни она — удел ограниченных и заурядных людей».

Так говорят люди, обладающие даром обольщения — благодаря таланту и громкому имени. Но послушаем теперь голоса с другой стороны интеллектуального горизонта. В Франции распространилась новая доктрина под названием позитивная философия. Зародившись в уме выдающегося человека, изложенная им в огромных томах (которые, думаю, немногие прочли), она была затем популяризирована в сочинениях, более доступных широкому кругу, и завоевала последователей повсюду — в научных обществах, среди молодёжи университетов, а, как говорят, даже и в мастерских Парижа, среди рабочих этой столицы. Распространяется ли она и у нас? Не знаю. Но, на всякий случай, я называю её и укажу на неё.

Прогресс, — говорит позитивная философия, — есть основной закон человечества. В силу этого закона человек проходит различные стадии интеллектуального развития, так же как и телесного. Человечество началось с религии: это — период детства. Постепенно поднимаясь, оно дошло до метафизики. И, наконец, совершив новый шаг, оно должно отказаться от метафизики, как и от религии, оставить эти сферы умозрения и ограничиться лишь тем, что положительно — то есть физическими и социальными фактами, доступными опыту и расчёту: вот конечная цель прогресса. Наука о природе и её удивительные применения: телеграфы, железные дороги, пароходы; социальная наука: конституции — творимые или разрушаемые — вот удел человечества, и этим надо довольствоваться. А за пределами этого? — там царство невинных грёз, которыми тешатся умы, отставшие от времени.

Так вот — наряду с благородной жалобой отчаяния, не надеющегося приоткрыть завесу над нашей судьбой, наряду с грубой насмешкой, спрашивающей, можно ли иметь достоверные вести с того света и кто может быть их посланником, наряду с этими жалобными или шутливо-похоронными голосами, — мы встречаем слова учёных и улыбку остроумных умов, за которыми скрывается та же самая суть. И этот отказ от великих вопросов, этот «прогресс», сводящий человека к границам лишь земного существования, выдают за свет разума и дух века! Надо, говорят, оставить людям прошлого, монахам средневековья, их наивное стремление заглянуть за гроб. Природная наука, промышленность, политика — вот единственные мысли, достойные зрелой мудрости людей нашего времени.

Я восхищаюсь прекрасными изобретениями нашего века и некоторыми его достижениями. Но если нам предлагают сделать мерилом наших мыслей не истину и добро, а именно современность — я отказываюсь склоняться перед этим молодым идолом. Если кто-то осмеливается утверждать — а такие утверждения звучат! — что недостойно просвещённого человека стремиться хоть как-то приоткрыть тайны будущего, — я протестую.

Почему вы здесь, господа? Почему вы собрались в этом зале, если не для того, чтобы засвидетельствовать, что вы не считаете недостойными вашего внимания эти важные мысли, которыми мы будем заниматься? Чтобы показать, что шумы земные не заглушили в вас того голоса, который в тишине внешнего мира шепчет в глубине души о вечных вопросах? Обратимся к этим вопросам, столь же древним, как и человеческий дух, и таким же вечным. Переступим через ту преграду, которую подозрительная «наука» пытается воздвигнуть на нашем пути. Не позволим себе остановиться — особенно перед этим холодным и надменным скептицизмом, что стремится обольстить нас внешним изяществом и видом превосходства.

Есть сомнение, полное тревоги, устремлённое к поиску, беспокойное. Есть и грустное сомнение — но грусть эта серьёзна в своём смирении. Такое сомнение я уважаю — не только потому, что вообще уважаю совесть ближнего, но с тем уважением, смешанным с сочувствием, которое человек испытывает к состояниям, знакомым ему самому. Но вот этот горделивый, высокомерный скептицизм — довольный, презрительный, всегда готовый назвать серьёзную веру признаком заурядности (оставляя в стороне людей, которые его представляют, и имея в виду не столько определённую доктрину, сколько тенденцию) — этот скептицизм я, скажу прямо, презираю.

Я презираю его, потому что он — не просто смерть веры, а самоубийство разума; потому что он разрушает основы морали, разрушая вместе с верой и само различие добра и зла; потому что делает труд мысли бесцельным, превращая его в утончённую игру — и этим унижает одно из самых благородных свойств человеческой природы; и, наконец, я презираю его, потому что самодовольная улыбка этих людей, находящих удовольствие в пустоте и изоляции, печалит и ужасает меня, как некое таинственное извращение моей собственной природы. Что до меня, господа, то я бы хотел всегда стучаться в дверь Истины; или если, утомившись бесплодными попытками, пришлось бы потерять надежду, то я бы захотел сесть у этой закрытой двери — в печали сердца, чтобы хотя бы сама моя печаль свидетельствовала: я чувствую себя созданным для истины — и если должен отказаться от неё, то этот отказ противен моей природе. Но я не для того пришёл к вам, чтобы сеять уныние. Я пришёл с доверием и надеждой предложить вам рассмотреть проблему человеческой судьбы.

† † †

Краткий обзор первой лекции вернуться к содержанию >>>

Вопрос о судьбе человека и его будущем за гранью смерти — вечный, актуальный для любого серьёзного ума:

- Снаружи (извне) — проблема возникает из-за:
  - ✓ Неумолимого течения времени и разрушительной силы смерти (все движется к концу, жизнь не даёт полного удовлетворения).
  - ✓ Случайного характера смерти (многие умирают прежде, чем достигнут зрелости, что рождает чувство беспорядка и порождает вопрос о будущем, где порядок будет восстановлен).
- Внутри нас:
  - ✓ Чувство идеала — либо просто психологический феномен, либо предчувствие высшего, божественного мира.
  - ✓ Неудовлетворённая жажда знания, выходящая за рамки практического, указывающая на стремление к свету и истине.
  - ✓ Желание святости, которое не может быть полностью достигнуто на земле.
  - ✓ Потребность в справедливости — сознание требует равновесия между добром и счастьем, что не полностью реализуется в нынешнем мире.
  - ✓ Желание счастья — душа настроена на счастье, но жизнь не удовлетворяет этого полностью.

Несмотря на глубину этих вопросов, некоторые философские школы стремятся отвергнуть их:

- Критическая школа считает религиозные верования лишь предметом любопытства.
- Позитивизм учит, что человеческий разум уже прошёл религиозную и метафизическую стадии, и теперь должен заниматься лишь эмпирическими объектами — природой и человеком.

Такое мировоззрение порождает скептицизм, который может быть либо серьёзным и достойным уважения, либо высокомерным и презрительным.

† † †

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ вернуться к содержанию >>>

МАТЕРИАЛИЗМ

Господа, На нашем первом собрании мы поставили следующий вопрос: чего может ожидать человек, на что он вправе надеяться по ту сторону настоящей жизни? На этот вопрос мы, прежде всего, встречаем чрезвычайно ясный по своей краткости ответ: «ничего». Это ответ материализма. Сегодня я намерен рассмотреть его. С этой целью необходимо вкратце коснуться некоторых общих соображений о жизни природы.

Насколько простирается человеческий опыт, ни один из элементов, составляющих Вселенную, не появляется и не исчезает. В пределах поля нашего наблюдения не существует ни сотворения, ни уничтожения, ни одной материальной частицы. Эти частицы — атомы, как бы мы их ни называли — проявляются в виде различных сочетаний, соединений, которые возникают и исчезают, уступая место новым комбинациям. Газ, освещающий улицы нашего города, при сгорании производит воду; вода, в свою очередь, в огромной лаборатории природы вновь производит газ. Но это движение соединения и разложения особенно поражает нас, когда мы наблюдаем его в классе живых и организованных существ, к которому принадлежим и мы.

Вы знаете тот слой плодородной почвы, который подобен эпидермису нашей планеты, в котором укореняются растения и из которого мы получаем пропитание — до того момента, когда, отдав дань природе, возвращает Вселенной ту малую долю материи, которая была нам временно предоставлена. От этого слоя плодородной земли до самых развитых животных, до человека (если рассматривать его тело), — идет непрерывное, никогда не прерывающееся движение всех атомов. Растение впитывает питательные вещества из почвы. Это растение становится овощем, служащим вам пищей, или же его съедает животное, которое позже окажется на вашем столе и превратится в собственную субстанцию вашего тела. Таким образом, материя нашей планеты, по крайней мере, её внешняя оболочка, постоянно переходит из одной формы в другую; и те же элементы, которые составляют живых существ сегодня, — это именно те, которые составляли живых существ две тысячи, три тысячи лет назад, и даже в самые отдалённые периоды, какие только можно себе представить.

Когда вникаешь в эти факты с определённым вниманием, в уме начинают возникать странные мысли. Если я скажу вам, например, что дерево, которое вы сегодня утром бросили в свою печку, возможно, содержит молекулы, когда-то находившиеся в балках дворца Соломона, или что какой-либо современный человек носит в волосах своей бороды те же атомы, что некогда вились чёрными кудрями на челе Ахилла, — вы, возможно, сочтёте такие предположения недостойными серьёзности этой аудитории. Однако они лишь в яркой форме выражают неоспоримые выводы науки. Всё становится для нас предметом удивления, как только мы, размышляя, разрушаем силу привычки, заставляющей нас считать простыми тайны, которые окружают нас со всех сторон. Один древний греческий философ — Эмпедокл — возможно, имел более или менее смутное представление об этих истинах, когда заметил, что за пиршественным столом мы едим под другой формой плоть наших друзей и близких, и сказал, говоря о себе: «Я тоже когда-то был юношей и девушкой, деревом, птицей, немой рыбой в глубине моря».

В этой всеобщей циркуляции элементов тел наблюдение открывает нам постоянные и строгие законы. Эти законы и их следствия составляют предмет тех наук, которые поражают нас своими великолепными открытиями: механики, физики и химии. Материализм утверждает, что вне материи и законов, ею управляющих, ничего нет, и что, следовательно, физика, механика и химия вполне достаточны, чтобы объяснить всё: появление мысли — так же, как и пламени, чувства человеческого сердца — так же, как цвет и вес предметов.

Это учение весьма древнее; но и его опровержение столь же древнее. Мыслители всех эпох проводили черту между явлениями, которые изучают физики, и теми, в которых проявляется жизнь, — и которые составляют предмет изучения естествоиспытателей. Механика, физика и химия не в состоянии объяснить весь мир. Существует мнение, по меньшей мере, заслуживающее уважения — ведь его преподавал грекам Аристотель, а я сам слышал его из уст знаменитого де Кандоля, — согласно которому наука в таких пределах не может объяснить даже травинку и погибает при столкновении с червячком. Но мы не можем здесь затронуть все проблемы философии природы; обратимся непосредственно к человеку.

Под именем материализма мы встречаем две доктрины, приходящие к одному и тому же выводу, но которые всё же следует различать. Первая из них, достаточно распространённая в древности, утверждает, что души состоят из особого вида материи. Эта материя душ — тонкая, разрежённая, лёгкая — и именно этим она отличается от обычных, грубых тел. Это некий разрежённый воздух, это светящиеся атомы. Послушаем, что говорит Лафонтен:

«Я бы истончал кусочек материи
Так, что трудно было бы даже понять,
Сущность атомов, выжимка света —
Что-то подвижней пламени опять;

Ведь если из дров пламя рождается,
Может пламя — душой оказаться?»

Эти милые стихи прекрасно выражают теорию, преобладавшую в античном материализме. Каков её вывод? В момент распада тел, души, являющиеся лишь самой утончённой их частью, возвращаются, как и всё остальное, в общий круговорот. Отсюда идея своеобразного «оборотного фонда душ» (простите мне этот термин), переходящих от одного индивида к другому, но без памяти, без сознания, без личности. Личности умирают — и умирают без возврата, но души сохраняются; одно поколение оживает в следующем: ничто не теряется. Это своего рода бессмертие, осуществляемое здесь, на земле; по ту сторону настоящей жизни — ничего нет.

Эта точка зрения сегодня полностью оставлена, и это один из самых убедительных триумфов философии. Часто упрекают философию в том, что она топчется на месте, что всё время обсуждает те же проблемы, что и две тысячи лет назад, и не продвинулась к их решению. Этот упрёк несправедлив — по крайней мере, в отношении предмета, который мы рассматриваем. Сегодня не найти ни одного учёного, который осмелился бы утверждать, что души — это особый вид тел. Прогресс анализа и размышления показал, насколько тщетно стремление утончить материю до такой степени, чтобы превратить её в дух. Почему, собственно, говорят о разрежённой, тонкой материи? Потому что не осмеливаются утверждать, что души имеют форму — пирамидальную или сферическую, — что они имеют определённый цвет — коричневый или синий.

Иными словами, не смеют приписать им свойства обычных тел. Но напрасно пытаются избежать этого результата. Сколь бы вы ни утончали тело, пока оно существует, оно сохраняет все свойства материи. Оно уже не видно невооружённым глазом? — Принесите микроскоп, и оно вновь предстанет перед вами с формой и цветом. Уменьшите его ещё — в воображении. Я тогда в воображении же приношу более мощный микроскоп — и всё более мощный, пока ваша утончённая материя не достигнет размеров горы Салев. У неё будут части, промежутки — и, по выражению великого Лейбница, в неё можно будет войти, как в мельницу. Сделаете ли вы из этого душу?

Очевидность этих соображений заставила современный материализм искать позицию менее уязвимую. Он рассматривает умственные и нравственные явления как результат деятельности организма, как проявление — в некоторых особых обстоятельствах — свойств, присущих обыкновенной материи. Обратимся к сравнению. Когда воды нашего озера поднимаются под действием северного ветра, возникает волна, и на её гребне вспыхивает сверкающая пена; вы видите определённое явление — волну и её видимую форму. Затем наступает штиль, вода возвращается к своему спокойному и привычному уровню; что остаётся от волны? — ничего, кроме того факта, что она была. Вода существует и остаётся; волна проходит и исчезает.

В доктрине современного материализма наше умственное и нравственное бытие имеет такое же существование, как и волна, появляющаяся на поверхности воды лишь на мгновение. Существует одна только материя. При определённых условиях она производит свет и тепло; в других условиях, реализуемых в растении, она порождает жизнь; в иных условиях — реализуемых в животном и, на более высоком уровне, в человеке — она производит чувство, мысль, волю. Все эти явления — не более чем временный результат всё более развитого организма. Когда этот организм распадается в смерти, что происходит? Духовные явления прекращаются вместе с совокупностью молекул, которая их производила, а материя нашего тела вступает в новые комбинации, наделённые иными свойствами. Такова доктрина, требующая нашего внимания.

Для простого здравого смысла, от которого мы и оттолкнёмся, человек, рассматриваемый в своей полной природе, предлагает наблюдению два рода фактов, по сути различающихся. Мы находим в нём форму, цвет, вес — свойства тел, проявляющиеся нашим внешним чувствам. Но, наряду с этими осязаемыми свойствами, мы обнаруживаем в человеке радость, страдание, страх, надежду, желание — явления, которые не проявляются ни слуху, ни зрению, ни осязанию, а доступны только тому внутреннему чувству, которое мы называем сознанием. Эта граница — глубокая. Отсюда — общепринятое различение между душой и телом, духом и материей, физическим и нравственным. Двум классам явлений соответствуют две различные науки.

Учёные, изучающие наше тело, его форму, строение, законы его жизни — развивают физиологию. Учёные, изучающие явления души, её устройство и законы её внутренней жизни — развивают психологию. Эти две науки используют разные методы. Они соприкасаются во многих точках, поскольку душа и тело тесно соединены, — но средства исследования, находящиеся в распоряжении физиологов и психологов, разделены пропастью. Никогда, ни при каких обстоятельствах, одно из двух направлений исследования человеческой природы не может заменить другое.

Соберите всех философов мира; дайте им века на размышления — но только на размышления в рамках их научных методов — и затем попросите их описать желудок или анатомию мозга. Если они мудры, они промолчат; если же нет — выслушаете бесплодные гипотезы, являющиеся законной мишенью насмешек со стороны естествоиспытателей. А теперь соберите всех физиологов мира; щедро выделите им то же время, что и философам; снабдите их скальпелями невероятной тонкости, чудесными микроскопами, несравненными весами — и затем попросите их объяснить вам смысл слов: «желать», «бояться», «надеяться». Если бы эти физиологи не были людьми, если бы они не знали значения этих слов, как вы и я, благодаря внутреннему свидетельству сознания — и совершенно независимо от их специальных исследований — им было бы абсолютно невозможно даже понять поставленный вопрос.

В этом отношении послушайте одно признание, которое я переписал из предисловия к одному из последних трактатов по физиологии, опубликованному в парижской школе: «Животное целиком принадлежит физиологу. Благодаря различным функциям, необходимым для его сохранения, человек тоже является животным, но животным разумным. Он думает, размышляет, хочет; он ощущает добро и красоту; он сопротивляется своим потребностям и управляет ими, вместо того чтобы им подчиняться. Существуют науки двух порядков: одни имеют своей целью изучение явлений духа, другие занимаются физическими или естественными фактами... Очевидно, что они существенно различаются по характеру своего объекта» (Беклар. «Краткий трактат по физиологии»). Мне не нужно более точного утверждения, и вполне уместно было бы заставить одного из признанных представителей науки о природе засвидетельствовать права науки о духе.

Таким образом, существование человека состоит из двух совершенно разных порядков фактов, и этим двум порядкам соответствуют абсолютно различные методы наблюдения. Понадобились бы весьма веские доводы, чтобы допустить, будто эти явления сознания, которые нельзя ни увидеть, ни услышать, ни взвесить, которые полностью ускользают от наших внешних чувств, являются продуктом или проявлением других явлений, открытых глазу, уху и руке. Как же поступает материализм? Он не отрицает (и как мог бы?), не отрицает различия этих явлений, но настаивает на их связи. Проследим за ним на этом поле; и чтобы сохранить силу позиции, признаем за противником всю ту долю истины, на которую он вправе претендовать.

Я начну с указания на одно учение, которое слишком часто служило интересам материализма; я говорю о ложном спиритуализме.

(Спиритуали́зм (от лат. spiritus — дух) — это мировоззрение, согласно которому духовная реальность первична по отношению к материальной. Спиритуализм утверждает, что нематериальный дух, душа, или Бог являются основой и источником бытия, в отличие от материализма, для которого первична материя.) Прим. Ред.

Вот как он рассуждает: он представляет нам душу, живущую своей собственной жизнью и способную познавать саму себя и в себе самой — совершенно отдельно и независимо от телесных органов. Эту душу, которой он приписывает независимое существование, ложный спиритуализм помещает в теле как капитана корабля: с подзорной трубой, чтобы смотреть вдаль, с рупором и трубами, чтобы слышать и отдавать команды, с вёслами и парусами, чтобы продвигаться вперёд. Душа существует сама по себе и сама в себе самодостаточна; но она использует органы чувств и члены тела, чтобы воздействовать на внешний мир и получать от него сведения. Одним словом, тело — это лишь слуга, к которому душа обращается, когда в нём нуждается.

Это представление разбивается, как хрупкое стекло, при столкновении с фактами. Тело — не просто слуга воли, оно является условием самих проявлений нашей духовной жизни. Все наши способности, чтобы начать действовать, нуждаются в органах и находятся под их воздействием. Рассмотрим этот вопрос с определённым вниманием — он того стоит.

Во-первых, обратите внимание на случайные влияния, которые тело оказывает на душу. Введите в желудок человека определённую дозу алкоголя — он пьянеет, и, как очень верно говорит одна народная фраза, «его разум ушёл». Вы даёте опиум другому — он засыпает, и все проявления его мысли и воли исчезают. Третий выходит из дома в полном здравии и при ясном уме; его ударяет по голове балка, которую он не заметил, или он поскальзывается, и его лоб сильно ударяется о землю: его поднимают без сознания, он приходит в себя в бреду. Приступ лихорадки… но, пожалуй, излишне множить примеры.

Наша душа также подвержена более устойчивым влияниям, не связанным со случайными обстоятельствами, а вытекающим из самой организации тела. У каждого из нас есть определённый темперамент, то есть особенный способ, которым совершаются жизненные функции; этот темперамент определяет его характер. Этот человек по природе весел; другой — по природе склонен к зависти, гневу. Один физиолог говорит нам: это темперамент желчный, или сангвинический… Не вдаваясь в обсуждение значения этих терминов, зафиксируем очевидный факт: определённое телесное устройство неизбежно навязывает каждому человеку не то или иное действие, но ту или иную предрасположенность. Воля либо подчиняется этим предрасположенностям, либо сопротивляется им — но предрасположенность как таковая существует, как неоспоримое свидетельство постоянного, скрытого, глубокого воздействия наших органов на душу.

И это ещё не всё. Центр нашей жизни — чувство собственного бытия, сознание в общем смысле этого слова — разве оно независимо от организма? Разве вы не знаете, что человек теряет сознание под воздействием сильной боли или даже лёгкого недомогания? Он теряет сознание — то есть душа перестаёт быть присутствующей самой себе в результате изменения в теле. Вот больной, вдыхающий эфир или хлороформ; хирург режет его плоть железом или жжёт огнём — а пациент просыпается с вопросом, началась ли уже операция. Он утратил всякую способность видеть, слышать и чувствовать, потому что некоторые окончания его нервной системы были временно нейтрализованы эфиром или хлороформом.

Эти факты общеизвестны. Совершенно напрасно некоторые люди тревожатся из-за успехов физиологии, словно физиология могла бы ослабить позиции духовного начала, обнаружив воздействие материи на дух, о котором якобы прежде никто не знал и которое не наблюдается в повседневной жизни. Посмотрите на человека, проходящего по улице, — человека, который утратил своё человеческое достоинство в излишестве пьянства; посетите дом умалишённых; поговорите с людьми, страдающими от нервного темперамента: немного

размышлений над увиденным даст вам столь же наглядное представление о действии тела на душу, как и у первого физиолога Европы.

Вы поймёте, что стоит думать о том спиритуализме, который представляет нам душу как просто помещённую в теле, которым она произвольно распоряжается, не испытывая при этом никакого влияния с его стороны. Эта ошибочная доктрина провоцирует реакцию, благоприятствующую материализму, — и поэтому было важно чётко отделить её от той причины, которую мы защищаем. Союз души и тела — это не просто союз мастера с его орудием: это союз глубокий, интимный. Во всей сфере нашего опыта определённое состояние органов есть условие фактического осуществления наших способностей. Мы признаём это без всяких оговорок. Надеюсь, господа, меня не обвинят в том, что я приуменьшаю роль физического в нашем существовании или недооцениваю значение материи из страха перед материализмом. Перейдём теперь к другой стороне вопроса.

Тело не есть покорный слуга души: оно часто восстаёт против разума и воли. Но душа также оказывает очень сильное влияние на тело. Я лишь упомяну — не останавливаясь — о явлениях движения. Я хочу — и моя рука поднимается; я хочу — и она опускается. Эта способность управлять членами тела, кажется, обща для человека и животного; но это — лишь малая часть того воздействия, которое наша духовная природа оказывает на наши органы. Вот человек в полном здравии. Его охватывает сильное волнение — это может быть мучительная боль или великая радость. Немедленно весь организм приходит в движение: сердце начинает биться чаще, льются слёзы, желудок сжимается и, возможно, отказывается принимать пищу. Если говорить языком науки, скажем: кровообращение, пищеварение, выделительные процессы — всё нарушено под действием моральной эмоции. Тело, даже в своих глубинных функциях, подчинилось воздействию чувства, мысли.

Предположим, что впечатление тягостное и не проходит. Боль продолжается — это затяжная грусть, одна из тех тёмных тревог, которые цепко присасываются к существованию, не оставляя ни покоя, ни отдыха. Под длительным воздействием этих причин здоровье человека часто ухудшается. Его внешние обстоятельства не изменились; он не страдает ни от холода, ни от голода, ни от переутомления; не произошло никакого несчастного случая — и всё же жизненные функции постепенно ослабевают. И вот он уже болен — болен от тревоги, болен от мысли. Есть болезни духа, происходящие от тела. Но спросите у врачей, сколько существует телесных болезней, происходящих от причин моральных?

Рассмотрим теперь один из самых замечательных фактов нашей природы — привычку. Есть привычки, возникающие под влиянием чувственного раздражения, которому подчиняется воля: явление начинается в теле. Но есть и другие привычки, возникающие без всякого чувственного раздражения — из моральных причин. Ж.-Ж. Руссо заметил, что плотские страсти отнюдь не являются единственной причиной разложения нравов, — тщеславие порождает множество развратников. Обратимся к примеру другого рода. Вы можете встретить в нашем городе восьмилетнего мальчика с сигарой во рту. Если бы я был начальником полиции, я бы запретил эту мерзость, но речь сейчас не об этом.

Вы думаете, этот мальчик взял в рот табачную трубочку, чтобы удовлетворить физическую потребность, вызванную раздражением слизистой оболочки? Ничуть. Он захотел казаться взрослым, и ради этого переступил естественное отвращение, преодолел отвращение и дискомфорт — с настойчивостью, достойной лучшей цели. Постепенно возникнет привычка; чувства начнут требовать удовлетворения; привычка, начавшаяся из моральной причины, укоренится в органах. Воля создаст в теле потребности, которым потом станет рабски подчиняться, повинуясь деспотическому господину, которого сама же себе навязала в юной неосторожности.

Перейдём к моральным привычкам. У нас есть склонности, наклонности, присущие нашей личной природе; они являются фактом нашего первичного устройства и соответствуют тому, что мы называем темпераментом. Это — яркий пример влияния физического на нравственное. Но наши наклонности — не нечто абсолютно фиксированное: они возрастают или ослабевают под влиянием нашего поведения. Склонности усиливаются, если воля им подчиняется; если воля сопротивляется — они теряют силу. Гнев, ревность, как и кротость или настойчивость, — даны нам от природы, но эти природные дары попадают в сферу свободы. Человек вспыльчивый не становится кротким за один раз. Но осмелитесь ли вы утверждать, что человек, уступающий своим страстям, достигает того же результата, что и человек, который им сопротивляется и владеет собой?

Вот и факты: природные склонности ослабевают или усиливаются в зависимости от роли воли. А раз эти склонности — результат скрытого действия наших органов, следует признать, что постоянное волевое усилие может достигать и изменять жизнь тела в её самых глубинных уровнях. Эта мысль поражает, но мы все инстинктивно её принимаем. Не следует судить людей по внешности, — предостерегает баснописец. Но мы неизбежно склонны говорить, глядя на некоторые лица: «вот — кротость», «вот — гнев», «вот — человек искренний», «вот — человек лживый». Мы тем самым признаём, что наше нравственное состояние может изменять облик тела и выдаёт себя через видимые результаты.

Я думаю, что когда наука станет более развитой, она обнаружит в глубинах нашего организма материальные следы тех склонностей, которые мы интуитивно читаем на лице человека. Когда человек умирает, нередко — ради пользы для семейного врача или науки — проводится вскрытие. Если бы врачи знали всё, они, возможно, могли бы прочесть в этом неподвижном теле, как в книге, всю жизнь души, которая его оживляла. Они увидели бы там следы первичных склонностей этой души, но также обнаружили бы и результаты использования ею своей свободы. Все тайны нашего существования — я убеждён — записаны в этом холодном теле. Наше телесное состояние — результат, безусловно, и рождения, но во многом — результат использования нашей свободы; и наши органы, если бы могли говорить, свидетельствовали бы, что в тайне жизни они были соединены с высшей природой, способной сопротивляться их влиянию и изменять их самих.

Беспристрастное изучение нашей природы открывает, таким образом, две истины, разные, но не противоречащие друг другу. С одной стороны, состояние наших органов — это условие осуществления, и даже появления, наших духовных способностей. С другой, — чем больше развивается духовная жизнь, тем яснее она проявляется, как обладающая правом властвовать над телом и как условие состояния самих органов. Мы — поле борьбы двух противоположных начал, но законный исход этой борьбы нам ясно указан. Спрошу у самого материалиста: если воля отказывается от своей роли, если она уступает всем наклонностям, а вскоре — и всем расстройствам телесной машины, — можно ли считать жизнь, скатывающуюся по этому фатальному наклонному пути к чистой животности, нормальной жизнью человека?

Никто не осмелится так сказать. Если же, напротив, воля, подчинённая просвещённому разуму, противостоит заблуждениям плоти, разве не достигает человек тем самым своей цели и предназначения? Кто бы ни отрицал это — нечего было бы ему возразить. Ни одно внешнее слово не достигло бы того, кто, желая опуститься до уровня скота, не услышал бы внутреннего голоса, который противится этому. Но если, по всеобщему признанию, человек осуществляет свою природу лишь тогда, когда подчиняет материю и делает её органом духа, — как же может материя быть всей его природой и единственным источником его жизни?

Против очевидности этих соображений обычно выдвигается следующее возражение: болезненное или старческое расстройство телесной машины устраняет духовные проявления, а значит, якобы доказывает их чисто органическое происхождение. Несомненно (и мы это признали), что расстройство тела может нарушить мысль и даже на время уничтожить моральную ответственность. Но немало примеров того, что дух, хотя и парализованный в действии из-за отсутствия соответствующего инструмента, сохраняет свои силы в полноте и ждёт лишь благоприятных условий, чтобы проявиться вновь. Вот человек в бреду или в состоянии внешнего идиотизма. Наступает кризис — тучи, вызванные расстройством органов, рассеиваются: духовное начало появляется вновь во всей полноте, потому что обрело условия, необходимые для проявления. Разве не видим мы часто, как накануне смерти, в момент, когда тело уже близко к распаду, после продолжительной болезни, душа снова появляется — на мгновение — во всей энергии своих способностей? Разве не видим мы порой, как она сияет тогда ярче, чем когда-либо, словно уже вступила в высшую жизнь?

Подведём итоги. Наше тело находится с душой в теснейшем союзе; но напрасно материализм пытается опереться на эту бесспорную истину. Душа и тело составляют единство нашей личности. В этом единстве обнаруживаются две противоположные силы, способные вступать в борьбу друг с другом. Иногда действие исходит от тела — и душа либо подчиняется, либо сопротивляется; иногда действие начинается с души — и тело либо повинуется, либо восстаёт: это взаимное действие, за пределы которого человеческий взгляд проникнуть не может, ибо он достиг самого корня таинства нашего существования.

Не стоит спрашивать в абсолютном смысле, где кончается жизнь тела и где начинается жизнь души: здесь нет ни начала, ни конца. Человек становится духовным или плотским в зависимости от того начала, которое господствует в его жизни, но он остаётся и душой, и телом во всех наблюдаемых формах своего существования. Душа в чистом виде никогда не открылась другой душе, да и самой себе. А тело в чистом виде — это уже не человек, это труп, и вскоре — «нечто, не имеющее уже имени ни в одном языке». Но когда два элемента, несмотря на свою тесную связь, явно различны и могут вступать во взаимную борьбу, по меньшей мере, странно утверждать, что они — не два, а одно. Тем не менее, это и есть вывод материализма — вывод, противоречащий здравому смыслу.

Я постарался, господа, напомнить вам то, что каждый в какой-то мере уже знал; я пытался при помощи внимательного размышления перевести на язык сознания элементарные данные наблюдения. И теперь я хотел бы — не утомляя вас абстрактными школьными терминами — сказать несколько слов о том, на что способна наука в рассматриваемом нами вопросе.

Наука изучает в деталях и в механизме таинственный и тесный союз двух начал, составляющих человека. Она выявляет и демонстрирует, что нервная система — главный агент функций как животной жизни, так и, в особенности, жизни собственно человеческой. Эта система имеет центр — обычно называемый мозгом; именно туда сходятся впечатления, ставящие нас в связь с внешним миром, и оттуда же исходят волевые импульсы к органам. Физиологии ещё многое предстоит открыть. До сих пор неизвестно, что именно происходит в нервных окончаниях, по ходу нервов и в веществе мозга, когда мы, например, получаем зрительное или слуховое впечатление. Неизвестно, в каком состоянии находится мозг в ту минуту, когда воля становится источником движения. Некоторые учёные, возможно, уже предчувствуют природу этих явлений; но их теории — пока лишь личные гипотезы, ещё не признанные наукой в целом.

Перенесёмся мысленно на несколько лет, а то и столетий вперёд. Предположим, что физиология обнаружила всё, что только можно было искать. Мы будем знать последнее явление нервной системы в ряду впечатлений и первое в ряду волевых актов. Это, согласно

старым теориям, окажется вибрацией особой жидкости или колебанием волокон; или, скорее, в соответствии с современными взглядами, — электрическим или химическим феноменом. Всё это не имеет значения. То, что изучается — будет изучено, и, допустим, изучено полностью и в деталях. Можно будет сказать: такому-то чувству, такой-то мысли, такому-то желанию соответствует вот это волоконное колебание, это электрическое раздражение, эта фосфорная реакция.

Поставим себя в это гипотетическое будущее. Удастся ли науке — даже в таком совершенном виде — укрепить позиции материализма? — Ни в коей мере. Наука лишь покажет во всех подробностях тесное сочетание двух типов феноменов, полностью различных по своей природе, а материализм сделает из этого ложный вывод: раз феномены соединены, значит, они — одного порядка. Мысль, чувство, воля — всегда сопровождаются определённым состоянием материальных органов; следовательно — говорит материалист — мысль, чувство и воля являются свойствами или порождениями материи.

Софизм остаётся тем же, и хотя он перешёл из сферы здравого смысла в сферу науки, он не перестаёт быть софизмом. Он заключается в следующем: эти явления соотносятся друг с другом, тесно связаны — значит, это не два явления, а одно. Когда материализм отождествляет проявления души с телесными феноменами, он перепрыгивает через пропасть, над которой удерживается лишь лёгкостью собственного легкомыслия.

Один философ-медик, Кабанис, написал: «Мозг выделяет мысль так же, как желудок переваривает пищу» — Мозг выделяет мысль! Вы знаете, что означает «выделение»: это действие, при котором железа отделяет от общей массы крови определённые жидкости, необходимые для жизненных функций. Когда мы говорим, что железа выделяет жидкость, можно увидеть собственными глазами — или, по крайней мере, представить — поток крови, текущий к органу, и часть крови, отделяющуюся от него, принимающую новые формы и свойства. Весь этот процесс — одного порядка; он начинается и завершается в сфере внешнего, чувственно наблюдаемого. Но когда нам говорят: вот совершается такое-то химическое или физическое действие — и это есть выделение интеллектуального акта, то есть вот возникла идея — истинная или ложная, доброе или злое желание, акт воли, — разве вы не ощущаете, насколько здесь искажаются слова и насилуется и язык, и сама мысль?

Физиологи занимаются наукой, представляющей величайший интерес. Пусть они остаются в её пределах — эта область богата и требует освоения! Но когда они начинают воображать, что их наука содержит — я не говорю объяснение, но хотя бы зачаток, хотя бы слабый призрак чего-либо, что могло бы объяснить духовное начало через материальное, — я их больше не понимаю, потому что они уже не понимают сами себя. Физиологическая наука, следовательно, не может быть призвана в защиту тождественности духа и материи. В исследовании связей между физическим и моральным она расширяет масштабы проблемы, но не меняет её природы. И теперь я утверждаю: если обратиться к науке в другой её отрасли — в области психологии, — она со всей своей мощью склоняется на сторону подлинного спиритуализма.

Психология обогащает данные здравого смысла и всё глубже разделяет пропасть между внешними феноменами, воспринимаемыми нашими чувствами, и внутренними феноменами, открывающимися сознанию. Она возвышается до таких понятий, которые всё яснее показывают абсолютную разницу между телом и духом. Тело — протяжённо и может быть бесконечно делимо, потому что состоит из частей; любое тело, каким бы малым оно ни было, — это совокупность частей, которые можно хотя бы мысленно разделить. А дух — един и неделим. Иначе вы могли бы представить себе фрагмент души; но вы не можете. Идея трети или четверти души вызывает улыбку — и это законная улыбка, знак абсурда.

Материя — инертна, она сама по себе лишена всякой спонтанности, всякого движения, источником которого она была бы сама. Она пассивно подчиняется силам, управляющим ею, или случайным импульсам, которые она получает. Предположите обратное — допустите, что атомы обладают свободным источником движения, — и тогда вся физика и вся механика рухнут: расчёты этих наук будут сорваны спонтанностью атомов, ускользающих от всякого закона.

Дух, напротив, есть начало активности, силы, — это воля, которая в самой себе содержит силу самоопределения. Это подтверждает сознание; это же подтверждает опыт неудач учёных, стремившихся свести человеческие поступки к таким же неумолимым законам, как в природе. Они постоянно терпят неудачу. Можно — до некоторой степени — предсказать вероятные действия человека; но никто не предсказывает с уверенностью его решения, как астроном предсказывает затмения. В истории можно распознать следы неизменного замысла, что напоминает: судьбы мира — не только в руках человека. Но все философы, пытавшиеся заранее предсказать точную историю будущего, — видели, как факты беспощадно опровергали их теории. Примеры этих поражений можно привести весьма любопытные.

Эти рассуждения не претендуют на новизну — и к счастью. Откройте летописи человеческой мысли: везде и всегда вы найдёте мыслителей, подкрепляющих серьёзной и глубокой наукой тезис об абсолютном различии между материей и духом. Обратимся теперь к относительно молодой науке — подлинной философии природы.

Одна из причин материализма заключается в путанице между свойствами тел, рассматриваемых сами по себе, и свойствами, которые они проявляют для существ чувствующих и мыслящих. Говорят: материя производит возвышенные феномены — такие как свет, тепло, звук. Почему бы ей, на более высоком уровне организации, не производить ещё более высокие феномены — мысль и чувство? «Может ли очищенное пламя не дать нам представления о душе?» — спросил Лафонтен. Он был не одинок в этой мысли. Претензия усмотреть аналогию между самыми тонкими свойствами материи и психическими фактами нередко обнаруживается у учёных, как она проявилась и у баснописца.

Что говорит нам на этот счёт исследование природы, поддержанное всеми достижениями современной науки? Она говорит, что в нашем обычном восприятии мы приписываем материи то, что ей не принадлежит. Поясню. Что остаётся от звука, если исключить ухо? Физики скажут: колебания воздушной среды. Что останется от света и цветов, если исключить глаз? — Колебания среды, более тонкой, чем воздух, — среды, называемой обычно эфиром.

Вы понимаете: вся музыка, со всеми её чарами, сияние света, волшебство красок, которыми украшена вселенная, — всё это есть вибрации, то есть движения. Между этими движениями и существами, способными чувствовать и познавать, существует гармония, которая и есть тайна творения. Но вне этой гармонии высшие свойства материи, строго говоря, не существуют: они лишь потенциальны, и чтобы осуществиться, они требуют существ, способных их воспринять.

Представить себе, что во Вселенной — даже при отсутствии чувствующих существ — продолжают разворачиваться чудеса, и что шёпот творения возносится к небесам, не будучи услышанным, — естественно. Но уточним: устраните глаз и ухо — колебания воздуха и эфира продолжатся, они всё так же будут производить свои физические эффекты в чудесной системе вселенной, и будут способны производить не только те впечатления, которые мы знаем, но и сотни других, нам неизвестных, которые могли бы открыться другим формам организации. Но впечатления существуют лишь для существ, способных их воспринять. Устраните глаз — в абсолютном смысле света больше нет; устраните ухо — все

звуки исчезают. Что останется? — Механизм с тысячей шестерёнок, гигантское движение атомов, приближающихся или удаляющихся друг от друга — и ничего более.

Движение материи и законы, управляющие этим движением, — вот то, что наука всё настойчивее исследует как объяснение всех явлений природы. Попытка превратить высшие и наиболее сияющие свойства тел в ступени перехода от материи к духу — тщетна. Эти свойства принадлежат материи, но при каком условии? — При условии, что существуют живые и чувствующие существа, способные их воспринимать, я бы почти сказал: даровать им бытие.

А теперь, если вам угодно, скажите, что материя производит мысль и волю — я не возражаю. Но при каком условии? — При условии, что уже существуют разумные и свободные существа. Подобно тому, как существует гармония между колебаниями воздуха и ощущением звука, между колебаниями эфира и зрением цветов, — так существует и гармония между телесным строением и состоянием нашей души. Но если вы идёте дальше и утверждаете тезис материализма, то, признав подлинную природу физических явлений, вы должны сказать прямо: то, что мы называем мыслями, желаниями, радостью, болью, пороками и добродетелями — это просто движение, происходящее в определённом направлении и с определённой интенсивностью, и ничего более.

Но на это не решаются, потому что когда идея в корне ложна, довести её до конца оказывается трудно. Остаётся у меня последний аргумент. Я не стану им пользоваться в полном объёме, а лишь укажу на него. Если кто-то хочет, используя научные методы, оспорить здравый смысл и свести две природы, составляющие человека, к одной, — то это будет не победа материализма. Ничто не кажется столь ясным, как понятие материи. Но если мы остановимся и начнём всерьёз размышлять о том, чем являются тела сами по себе, — мы обнаружим, что эта задача невероятно трудна. Вскоре мы признаем, что понятие духа — мыслящего, чувствующего, желающего — то есть самого нас — гораздо яснее, чем идея материи, которая хоть и непосредственно связана с нашим бытием, но не дана нам в сознании напрямую.

Когда, — говорит Платон, — мы выходим из мира чувственного в область мысли, то если зрение нас и покидает, то только потому, что наш глаз, привыкший к слабым и обманчивым отблескам, ослеплён слишком ярким светом. Мы думаем, что знаем предметы лучше, чем себя, тело — лучше, чем душу. Но как мы познаём тела? — по впечатлениям, которые они производят на нас, — и никак иначе. Некоторые философы использовали эту мысль: мы познаём тела, говорят они, лишь через те идеи, которые у нас о них имеются; и они, с помощью изощрённых аргументов, доказывали, что если существование этих идей абсолютно достоверно, то существование соответствующих им тел — по меньшей мере сомнительно.

Я не хочу вдаваться в эти слишком абстрактные рассуждения; я тем более не хочу противопоставлять философскому заблуждению интеллектуальные игры. Но я обращаюсь к тем из вас, кто серьёзно изучал этот вопрос: не легче ли опытной логике установить, отрицая реальность тел, — сравнительно безобидное безумие чистого идеализма, — чем доказать, вопреки здравому смыслу и размышлению, что дух — это всего лишь продукт или свойство материи? Материализм, следовательно, далёк от того, чтобы найти себе опору в высших сферах науки, как это воображают некоторые его защитники. Прислушаемся теперь к свидетельству морального сознания.

Последствие материализма состоит в том, что воля, лишённая всякой инициативы, всякой свободы и, следовательно, всякой ответственности, является лишь рабом органов. Это действительно серьёзная сторона нашего вопроса. Если материализм прав, то конец всему нашему пониманию добра и долга, ибо правила, законы и обязательства существуют только для свободного существа. Наоборот, если в нас есть принцип свободы, то материализм

ошибочен, потому что тела безжизненны и лишены всякого спонтанного действия; мы уже это говорили — это основа всей науки о природе. Я соглашаюсь, что душа слишком часто лишь подчиняется закону органов. Вопрос в том, можем ли мы считать это законным фактом и утверждать, что так должно быть по правилам, по закону. Позволяет ли нам наше сознание заявить, что мы никогда и ни в какой мере не отвечаем за свои поступки? Свидетельство нашего сознания менее достоверно, чем свидетельство органов чувств? Особенно менее достоверно, чем гипотезы учёных? Я не буду долго развивать этот вопрос; мне достаточно привести один пример — одного достаточно, потому что единственный свободный поступок, единственное чувство ответственности опровергают материализм.

Вот человек, который после того, как принял мудрые, хорошие решения, пал под натиском страсти; он уступил искушениям плоти. Обстоятельства благоприятны; подойдите к нему. Убедите его не винить себя за поступки, которые являются вынужденным следствием его темперамента. Объясните ему, что согласно законам физиологии он не мог поступить иначе; что его единственная ошибка — попытка бороться с природой; что если он хочет огорчаться по поводу своих якобы ошибок, то он мог бы огорчаться, видя, как камень падает на землю или вода течёт вниз по реке. Однако, господа, этот человек, сталкиваясь с суровым и несправедливым осуждением, мог бы оправдываться примерно теми же словами, которые вы только что ему предложили. Но то, что вы ему предлагаете, — это не способ смягчить тяжесть его вины, а грубое оправдание, основанное на отрицании его свободы.

Если его сердце ещё трепещет под воздействием какого-либо благородного чувства, если он не отказался от своего качества морального существа, он поднимется в сознании своей оскорблённой достоинства; он напомнит вам, что он — человек, и что «его величайшая мука, когда он падает, — осознание того, что он мог бы устоять», и, отвергая ваше унижающее оправдание, он предпочтет признать себя виновным, чем позволить себя унизить. Таков голос совести. Вместе со здравым смыслом, высшим проявлением которого она является, совесть выступает против материализма даже у тех, кто его исповедует. Вы можете в любой момент поймать сторонников этой доктрины на явном самоотрицании. Одна из категорий учёных, которая по понятным причинам всегда включала немало материалистов, — это медики.

Я говорю это со всей свободой, потому что у нас в стране ситуация иная. Не малым привилегиям для населения является наличие медицинского сообщества, почти все члены которого твердо привержены великим истинам духовного порядка и многие из них исповедуют положительные христианские верования. Я рад констатировать такой обнадеживающий факт для нашей родины. В других странах можно встретить ряд врачей, которые называют себя материалистами. Понаблюдайте за их практикой. Если вы попадёте к доктору, который осматривает пульс, язык, физическое состояние больного, но никогда не задаёт вопросов о моральных причинах, которые могли способствовать ухудшению здоровья, который не спрашивает, испытывал ли пациент какие-либо страдания или тревоги при заболеваниях, затрагивающих нервную систему, если вы попадёте к такому врачу... Господа, ищите другого.

Но именно так не поступают члены медицинского факультета. Что же делает этот врач, называющий себя материалистом? Он не ограничивается выписыванием лекарств. Я слышу, как он советует больному не бороться без надобности с чрезмерно сильными переживаниями, говорит, что тот вправе дать волю выражению своей боли. Я слышу, как в другом случае он призывает больного проявить мужество, не поддаваться себе самому, сопротивляться впечатлениям, выходящим за пределы истины и разума. Что же он делает? Он не играет роль у постели страдающего. Он не говорит с материей. Он не обращается к органической молекуле. Он обращается к разумной и свободной силе, которую он неизбежно предполагает в своём ближнем. Этот материалист — человек; и если бы он

хотел не противоречить себе, если бы он хотел оставаться последовательным в своей доктрине, ему следовало бы переделать своё понимание.

Мы рассмотрели материализм сам по себе. Наше обсуждение не было ни глубоким, ни совсем научным, но оно было искренним. Я готов защищать на языке науки и с её методами все тезисы, которые мы только что рассмотрели. В заключение, чтобы понять последствия исследуемой системы, я не буду спорить; я обращусь к истории.

Материализм так же стар, как и сама философия; он последовательно изложил все свои следствия и предоставляет их нашему рассмотрению. Учение, которое признает только тела, вырабатывает мораль, сводящую всё к удовольствиям тела — как же могло быть иначе? Вы, наверное, слышали об Эпикуре. Эпикур, решительный материалист, вывел из своей теории следствие, которого вы не ожидаете. Умеренность во всём, добродетель почти аскетичная была для него предписанием мудрости и условием счастья: разве это не условие здоровья? Сам он, по-видимому, жил умеренно; но его последователи последовали той наклонной плоскости, на которой учитель удержался — естественному пути материализма; они превратились в людей удовольствий и пышных пиршеств, занимаясь философией ровно настолько, чтобы убедить себя, что есть и более важные дела.

Однако я не буду брать в пример эпикурейцев — это секта более поздняя. Около двух тысяч двести лет назад неверный ученик Сократа основал школу в городе Кирена, на берегах Африки. Нельзя сказать, что он был материалистом; он мало заботился о начале и природе вещей; но лучше всех извлек моральные последствия из учения, которое сводит человека к телу, способному к страданиям и удовольствиям, появляющемуся при рождении и исчезающему при смерти. Вот что говорил Аристипп — так звали этого философа: «Удовольствие — единственное благо для разумного существа, ибо это единственное, что реально». Но берегитесь делать расчёты, которые нам запрещает нестабильность жизни. Не лишайте себя сегодня удовольствия, потому что оно причинит боль завтра. Завтра, возможно, нас уже не будет. «Прошедшее удовольствие уже нет; будущего удовольствия ещё нет; существует лишь настоящее удовольствие, которое нас касается. Надо медленно и плавно предаваться наслаждению, день за днём, без раздумий и расчётов».

Один великий поэт без задней мысли написал эту страницу истории философии в стихах, которые являются самым изящным и вместе с тем самым верным резюме учения Кирены:

«Будем петь и веселиться, — говорит эта безбожная толпа;
От цветка к цветку, от удовольствия к удовольствию,
Будем витать в желаниях наших.
Кто доверится безумному будущему!
Число наших мимолётных лет не известно:
Поспешим насладиться жизнью сегодня;
Кто знает, будем ли мы завтра?»

Так началась школа Кирены; а вот её конец: один из её вождей, звали его Гегесий, проникшись принципами основателя, сделал следующий вывод: человек создан для удовольствия, но встречает боль чаще, чем радость. Страдания случаются часто, удовольствия редки; жизнь печальна и не достигает своей цели. Что делать? Самоубийство — самый надёжный выход. И учитель, посвящая себя своей миссии, сам отказался от сладости смерти, чтобы побудить других, добыть для себя такое большое благо. По словам Цицерона, полиция закрыла школу, потому что после уроков, где жизнь изображалась в мрачных тонах, число самоубийств стало слишком большим.

Материализм имеет свою мораль; у него есть и своя политика; это целое учение. Эту политику развил с большим знанием и ловкостью англичанин Томас Гоббс. Вот как он

рассуждает: поскольку тела — это всё, и вне тел и их свойств мышление встречает лишь призраков, пустые фантомы, порождённые воображением. Человек — это организованная и живая машина. В зависимости от характера впечатлений, поступающих от внешних чувств к мозгу или спускающихся от мозга к концам органов, возникают явления, называемые болью или удовольствием; это единственная основа морального порядка; право, справедливость, долг, порок, добродетель — это слова, и ничего более. Основной закон человека — питаться, жить.

Как возникает общество? В естественном состоянии царит фундаментальное равенство; и философ даёт этому объяснение, которое считает достойным: самый слабый в благоприятной ситуации может убить сильнейшего. Таково первоначальное равенство. Но за этим равенством не следует ни свобода, ни братство. Естественное состояние — это всеобщая, постоянная война, война всех против всех. Плоды земли, поддерживающие жизнь тела, — повод для борьбы и награда победы; пища достаётся сильнейшему. Однако интерес всех, и самих сильных, которые всегда рискуют встретить более сильных или быть убитыми более слабыми, — интерес всех — справедливый разум, как говорит Гоббс, требует мира. Потребность в мире — причина существования общества. Но как достичь цели? На какой основе строить общественный порядок, если вне слов нет ни права, ни справедливости, ни доброжелательности, не соответствующих реальности? На основе силы.

Сохранение общества требует власти, способной противостоять жадности всех. Поэтому нужен неприкосновенный правитель, выше всяких споров; этот правитель должен владеть людьми, мыслями, религией; он должен быть всесильным и непогрешимым. Ведь стоит ему встретить сопротивление — право силы будет оспорено, а сила одна удерживает общество над анархией, над первобытной войной, всегда угрожающей и готовой вспыхнуть вновь. Неважно, в руках ли власть у наследственного монарха, демагога или совета; достаточно, чтобы власть была абсолютной. Гоббс, верный своим принципам, покинул Англию во время революции, потрясшей монархию; он вернулся, когда революция породила своего диктатора. Не обманывайтесь: это не учение послушания, это теория рабства. Страх зовёт силу, и сила отвечает страху.

Теперь я приглашаю вас открыть в истории философии статью о Гоббсе. Вы увидите, что этот человек считается, и справедливо, строгим логиком, умелым доводить мысль до крайних последствий. Он действительно рассуждает правильно; общество Гоббса — это общество материализма. Оно реализуется пропорционально развитию исключительного культа материи. Когда право и справедливость — просто слова, когда общественное мнение — слепое капризное стремление толпы к удовольствию, когда социальная машина работает лишь под импульсом соперничающих жадностей и порождаемых ими ненавистей, когда общество стремится к состоянию, которого не может достичь, не перестав быть собой, тогда сила захватывает власть и захватывает её с общим согласием, потому что, как Гоббс правильно заметил, мир — одна из первейших социальных ценностей. Это так; но утверждать такое состояние как легитимное — несомненно, ужасная доктрина. Это политика материализма; судите по плодам.

Господа, когда речь идёт о правде, надо исключать все посторонние соображения; иначе это будет преступлением. Но если, признав истину, мы находим её в общей традиции нашей страны, почему бы не сказать об этом — и ради чести нашей страны, и чтобы придать дополнительную опору истине, которой никогда не бывает слишком много? Что же до вопроса, который нас занимает, Швейцария и Женева сохранили достойную внимания позицию. В прошлом веке материализм поднимал голову и находил во многих местах Европы сильных покровителей. Вот один факт, и, причем показательный: философ по имени Ламетри, чья вольность в письмах вызвала его изгнание не только из Франции, но и из либеральной Голландии, был принят при дворе короля Фридриха Прусского. Ламетри умер в

Берлине ещё молодым. Король лично написал панегирик этому человеку и заставил прочесть его в Академии своим секретарём по приказу. Этот исторический эпизод характеризует эпоху. Учения, самые вредные для достоинства человека, самые разрушающие его надежды, получали поддержку сильных мира сего, одержимых…

«От этого духа неосмотрительности и ошибки,
От падения царей, зловещего предвестника».

А каково тогда было положение Швейцарии? Город Берн дал миру Галлера — человека огромной эрудиции, выдающегося натуралиста. Цюрих прославился изданием трудов Лаватера. Женева имела среди учёных Чарльза Бонне и Абрахама Трембле, которые также снискали имя в естественных науках. Вот четыре человека, все они занимались исследованиями, которые, сосредотачивая внимание на внешних явлениях, часто приводят ум к заблуждению относительно реальности и прав духовной части нашего существа. Все четверо посвятили свои труды защите идей спиритуализма и религиозных верований...

В то же время один человек покидал город, где мы сейчас находимся — город, память о котором должна была сопровождать его настолько, что он считал честью записывать в титульных страницах своих трудов «гражданин Женевы». Я не забываю, что говорю здесь, в Женеве, и что в этом зале могут находиться ученики и поклонники этого знаменитого писателя; но вы же не захотите, чтобы я пришёл сюда жертвовать желанием угодить вам хоть малой частью своих убеждений. В жизни Руссо слишком много стыда; в его учении — отрицание слишком важных истин для меня; в его произведениях — слишком много строк, которые хотелось бы предать вечному забвению, чтобы я мог присоединиться к тем, кто воздвигает ему статуи. Впрочем, я говорю не о человеке; я не хочу здесь судить его личность. Я говорю о его творчестве как писателя. Какова была эта работа с точки зрения нашего исследования?

Руссо жил в обществе самом блистательном и в то же время одном из самых развращённых в мире, в обществе, где порой требовалась смелость, чтобы заявить о своей вере в Бога или защитить самые элементарные понятия долга. И он отстаивал существование Бога, бессмертие души, справедливость будущего мира; он приписал совести слова, блеск которых никогда не был превзойдён; он открыто исповедовал благоговение, которое внушала ему святость Евангелия. Так, в то время как скромные люди высоко несли среди нас знамя спиритуализма, этот потерянный, но славный ребёнок родины изливал на Европу вместе с потоком своей пламенной речи множество парадоксов, ошибок и софизмов, но также и благородных мыслей и щедрых устремлений.

Нет, господа, материализм не является на нашей земле исконным растением, и нужно надеяться, что он не сумеет здесь пустить корни. Однако мы не могли не почувствовать его нападений; поэтому мне показалось целесообразным уделить этому учению внимание, которое оно заслуживает своими опасностями. Я хотел показать его суть, выявить его слабость и указать на его яд.

† † †

Краткий обзор второй лекции вернуться к содержанию >>>

Материализм рассматривает человека только как тело, отрицает существование после смерти.

- Раньше материалисты считали душу особой тонкой материей, теперь современные материалисты признают лишь одну материю, и дух считают результатом её организации.

Основные положения:

- Чувственные и сознательные явления настолько различны, что здравый смысл всегда различал их — как тело и душу, физическое и моральное.
- Тело и душа тесно связаны, но разные. Считать душу полностью независимой от тела — ложь. Тело — не просто инструмент, а условие работы всех наших способностей.
- Тело влияет на душу (через темперамент, наркотики и т.п.), но душа тоже влияет на тело (воля, привычки, болезни).
- В нашем бытии противоборствуют два начала: сознание требует превосходства духа над материей — значит, материя не может составлять всё существо человека.
- Психология и физиология подтверждают различие тела и души; чисто механистические объяснения не способны объяснить мысли, чувства, волю.
- Материализм несовместим с сознанием свободы и ответственности.

Последствия материализма:

- В морали — гедонизм, ведущий к отчаянию (школа киренейцев).
- В политике — абсолютный деспотизм (Гоббс).

† † †

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ вернуться к содержанию >>>

МЫСЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Господа, Мы уже спорили с тезисами материализма. Но более решительным, чем наши доводы, является протест всего человечества. Поставленный между колыбелью и могилой, человек всегда устремлял взгляд за пределы этого узкого пространства; он ощущал нехватку воздуха и задыхался в этой тюрьме. «Кто же вам доказал, — можем мы сказать философам материи, — кто доказал вам, что вся судьба человека заключена между колыбелью и могилой? Где вы научились считать рождение истинным началом, а смерть — настоящим концом? Тот, кто смог бы раскрыть этот секрет, за четыре тысячи лет человеческой мысли уже нашёл бы это доказательство, ведь человечество всегда верило в обратное, человечество всегда мечтало у колыбели ребёнка и у могилы старца, и оно продолжает верить; и наука не обнаружила ни одного факта, который бы серьёзно это опроверг».

Общее основание всех религий — это забота о порядке, превосходящем нынешний порядок вещей; и религиозные верования встречаются повсюду, где есть люди: «их находили даже у страшных обитателей полюса, живущих в снежных домах, и у тупых дикарей Новой Голландии, которые во всём другом едва ли более развиты, чем обезьяны». Везде ставится вопрос о будущем, и везде он получает ответ. Ответ этот очень разнообразен в зависимости от уровня развития мышления и носит отпечаток цивилизации, в которой он возникает.

Для древних жителей севера Европы, мужественных и свирепых людей, счастье будущего представлялось в варварской форме: воины, павшие в боях, попадали во дворец Одина, где могли пить пиво долгими глотками из черепов своих врагов. Было бы интересно проследить историю учения о будущей жизни, проследить за странными изменениями, которым оно подвергалось; но тема огромна, я могу лишь обозначить основные вершины и дать вам быстрый, но, если возможно, верный обзор этого широкого круга мыслей.

В своей книге «Будущая жизнь по вере и по разуму» (второе издание) г-н Анри Мартин недавно посвятил несколько страниц изложению доктрин о загробной жизни у основных народов древнего языческого мира. Эти страницы недостаточны, но сопровождаются многочисленными ссылками на различные труды по этому вопросу. В этой третьей лекции я не затрагиваю вопрос о религиозных началах человечества, о первичных традициях и причинах их искажения. Я лишь намерен очертить в общих чертах состояние языческих верований о будущей жизни во времена рождения христианства и в наши дни.

Начало греческой цивилизации — цивилизации, оказавшей сильнейшее влияние на нашу, — требует прежде всего нашего внимания. Откроем вечные поэмы древнего Гомера; узнаем, что происходит по ту сторону могилы. Герой Одиссей желает поговорить с теми, кого уже нет на земле. Он выкапывает мечом яму, в которую льёт кровь жертвенных животных. Подчиняясь силе таинственного призыва, бледные тени появляются одна за другой, и после того, как они пьют чёрную кровь, начинают говорить. Герой узнаёт свою мать, которую оставил живой на Итаке; он спрашивает, как Парка подвергла её долгому сну смерти. Она отвечает: «Это тоска, забота о твоём отсутствии, о, мой сын, это память о твоей доброте, что лишила меня света дня». Она замолкает (рассказывает герой), а я, сильно потрясённый, хочу обнять душу матери, которой уже нет; трижды, ведомый желанием, я бросаюсь к ней; трижды она ускользает из моих объятий, словно тень, словно сон.

Острая боль проникает в мои чувства, и я говорю ей быстрые слова: «О, мать! Почему ты отказываешься уступить моей страсти прижать тебя к груди? Увы, даже в Плутоне, объятые объятиями, мы могли бы облегчить нашу боль горькими слезами. Неужели ты — пустой образ, посланный прославленной Персефоной, чтобы увеличить мои страдания и стоны?» — «Дорогой сын мой!» — отвечает моя почтенная мать, «о, самый несчастный из смертных! Увы, такова участь людей, когда они уходят из жизни: нервы уже не поддерживают ни мяса, ни костей, но неукротимый пламень костра одновременно покоряет нервы, плоть и кости, как только жизнь покидает тело; однако душа, покинувшая тело, летает, словно сон. Но поспеши вернуться к свету!»

После матери Одиссей встречает храброго Ахиллеса; он приветствует его словами: «Ахиллес, какой смертный когда-либо был, какой смертный когда-либо будет счастливее тебя? При жизни греки почитали тебя как божество, и здесь ты властвуешь над всеми душами». — «Благородный Одиссей!» — вдруг восклицает герой, — «не льсти мёртвому; я предпочёл бы быть наёмником у бедного соседа, едва имеющего средства к существованию, чем царствовать над всеми умершими. Но расскажи мне о моём благородном сыне: он сражается в первых рядах или остаётся в толпе?» Одиссей повествует о подвигах Неоптолема: «При этих словах душа пылкого Ахиллеса, радостная узнать, что его сын — герой, с гордым шагом пересекает широкую равнину Аида».

Можно легко привести множество подобных цитат. В поэмах Гомера и в мышлении древних греков есть будущее для душ; но это будущее — лишь печальное и смутное продолжение нынешней жизни; мёртвых интересует то, что происходит под солнцем. Жизнь на земле прекрасна; блеск света приятен, а в царстве мёртвых царит мрак. Обитатели этой мрачной обители смотрят на землю живых, как заключённый смотрит на светлый луч, падающий в его темницу. Эти же чувства позже выразит Ифигения Эврипида, и они вызовут её трогательное, едва ли не имеющее равных по силе жалобное стихотворение, если только

его не превзойдут прекрасные стихи Расина. Ифигения умоляет отца не жертвовать её на алтарь:

«Не заставляй меня умирать раньше времени,
Ведь так сладко видеть свет; не принуждай меня идти
В подземное царство мёртвых.
Первой я назвала тебя отцом, и ты называл меня дочерью;
Первой, сидя у тебя на коленях, я дарила и получала ласки…
Отец мой, взгляни на меня, даруй мне взгляд и поцелуй,
Чтобы умирать с этим последним твоим даром,
Если ты останешься глух к моим мольбам…
Скажу лишь одно: нет ничего слаще для смертных, чем видеть свет!
Жить жалко лучше, чем умирать с честью».

Неясное и тусклое видение будущего мира, которое мы находим в поэмах Гомера, постепенно окрашивается яркими красками греческого воображения. Царство мёртвых оживает и озаряется; оно населено героями, ставшими богами. Философские мысли, абстрактные идеи, суровые или грациозные истины, преображённые аллегорией, становятся живыми и движущимися персонажами.

«Греция обожает прекрасные сны,
Изобретённые её мягким гением,
И её таинственные выдумки —
Тени, полные истины».

Есть несомненный прогресс в некоторых аспектах представления о будущей жизни; но этот прогресс печально компенсируется. По мере того, как будущее оживает и окрашивается, в него переносится и настоящая жизнь со всеми своими страстями, радостями и пороками. Вечные обители населены богами и героями, которые недостойны считаться порядочными людьми. Минос судит в аду всех бледных смертных, но ему приходится бороться с распущенностью и жестокостью богов. Влияние подобной религии могло быть только пагубным. Однако признаем, что чувство поклонения по своей природе таково, что даже в присутствии недостойных объектов этого чувства права морального порядка сохраняются в некоторой мере.

Примеры из сферы человеческого — могут прояснить этот вопрос. Поэт Расин, в эпоху, когда его душа была полностью поглощена серьёзными мыслями, не имел возражений читать свои произведения в салоне мадам де Монтеспан, любовницы Людовика XIV. Дела короля не оценивались по той же мере, что и дела простых людей; его пример не разрешал ему следовать, ибо король был особой фигурой и объектом некоего культа. Это явление не ограничивается монархическими временами. Во все времена партийные лидеры и люди, достигшие большой известности, больше или меньше освобождались своими поклонниками от соблюдения моральных законов. Жизнь поэта Гёте содержит примеры твёрдого характера. Эгоизм? — скажете вы. Послушайте французского поклонника великого немца:

«Общество ошибается, пытаясь судить таких людей обычной критикой... Отлучать Гёте за то, что сегодня в Германии называют его эгоизмом — это детское восстание против власти величайшего поэтического гения нашего времени, шутка пьяных студентов, чтобы в последний раз рассмешить эти уста, где ирония оставила столь глубокий след».

Так вот, своим кумирам, сидящим на троне или окружённым славой, дают то, чего себе не позволили бы. Я допускаю, что безнравственные божества Олимпа не имели на своих поклонников такое разрушительное влияние, как можно было бы думать. Допускаю, что все

женщины, поклонявшиеся непристойной Венере, не подражали богине, и что римлянин жертвовал на алтарях Страха, оставаясь при этом бесстрашным. Но не забудем (чтобы не перейти из одной крайности в другую): поощрение идолопоклонством безнравственности — очевидный факт. По этому поводу жалобы мудрецов язычества предвосхитили и оправдали пламенные обвинения отцов Церкви.

История показывает, что греческая религия, либо своим развитием, либо под влиянием азиатских мерзостей, портила совесть, унижала человеческую природу и оставила неизгладимые пятна на закате древней цивилизации. Мифология была религией простонародья. Что думали мудрецы языческого мира? Мудрецы отвергали низменные ошибки; наряду с религиозным учением они основывали свободные философские изыскания. Разум отвергал богов, имеющих облик и страсти человека. Как сказал философ Ксенофан Колофонский: «Эфиопы изображают богов черными и курносыми, фракийцы — голубоглазыми и рыжеволосыми. Если бы быки, лошади и львы умели рисовать и создавать произведения искусства, они изображали бы богов похожими на самих себя — лошади подобными лошадям, быки — быкам».

Сознание протестовало против пороков Олимпа, и диалог Платона сохранил память и пример этой благородной протестации. Так для небольшой элиты мудрецов оправдывается эта фраза Руссо, которая в общем виде — лишь великолепный парадокс: «Порок, вооружённый священной властью, напрасно нисходил из вечных обителей... святая природа, чей голос сильнее голосов богов, заставляла уважать себя на земле и казалось, что она изгоняет с неба преступление вместе с преступниками». Разум, или, точнее, человеческая душа, озарённая размышлением, свидетельствовала, что грубое идолопоклонство не может удовлетворить её законные требования. Философы отвергали суеверные и губительные верования; что же они утверждали о будущем, предмет нашего изучения? Возьмём античную мысль в её наивысшем развитии.

В диалоге «Федон» Сократ защищает тезис, что человек носит в себе божественный принцип в преходящей оболочке. Мудрец должен отречься от мимолётных земных благ; философия — это учение умирать. После того, как он рассказал ученикам о надежде на бессмертие, он добавляет: «Нужно сделать всё, чтобы приобрести добродетель и мудрость в этой жизни, ибо награда достойна борьбы, и надежда велика... Это стоит риска верить в это; это риск, которым стоит очаровать самого себя».

Прочитайте, господа, страницы, из которых я цитирую; скажите мне, не завидуют ли многие из наших современников (в том числе крещёные и посещающие церковь) спокойному концу Сократа и спокойному свету, который, кажется, излучает чело древнего афинянина. Можно проследить влияние идей великого ученика Сократа в последующих писателях. Послушаем римского оратора Цицерона. Вот одна из его известных страниц — «Сон Сципиона». Великий Сципион является своему внуку во сне, переносит его в звёздные сферы и говорит:

«Знай, для поддержки добродетели, что на небе есть место, предназначенное для праведного человека. То, что называют жизнью на земле, есть смерть. Мы существуем лишь в вечном жилище душ, и достичь этого жилища можно лишь через святость, религию, справедливость, уважение к родителям и преданность Родине. Особенно презирай награды смертных. Ты видишь, как мала эта земля, как даже самые обширные королевства занимают мало места на твоём глазу почти неразличимой планете, как много пустынь и морей разделяют народы! К чему же тогда твои амбиции? Разве имя римлянина когда-либо выходило за вершины Кавказа или берега Ганга? Сколько народов на востоке, западе, юге и севере никогда не услышат об африканце! А те, кто говорит сегодня, как долго ещё будут говорить? Они умрут. В вихре империй, в великих переменах, что приносит время, моя память исчезнет навсегда. О, сын мой, думай только о божественных святилищах, где слышишь эту гармонию сфер, что сейчас чарует твои уши; стремись лишь к вечным храмам,

приготовленным для великих душ и возвышенных гениев, которые в жизни вознеслись к созерцанию небесных вещей».

Вот, несомненно, возвышенные мысли, и ясное выражение тех надежд на будущее, которые естественным образом присущи человеческой душе. Но не будем спешить с выводами. Не будем судить античную философию по отрывкам, которым легко противопоставить другие. Какова же, по вопросу о нашем будущем, подлинная, окончательная мысль греческой и римской философии?

Вернёмся к «Фэдону» — по всеобщему признанию, это самый полный и прекрасный из памятников, воздвигнутых человеческой мудростью в честь учения о бессмертии. Обратимся за толкованием смысла и значения этого текста не к апологету религии, а к представителю самой философии — господину Виктору Кузену. «Фэдон», — говорит он, — делится на две части. В первой автор устанавливает нетленность мыслящего начала: душа по природе не тождественна телу; она не может разрушиться; она не подвержена смерти. Обсуждение ведётся честно, строго, глубоко. Нематериальность души утверждается, абсолютное различие между духом и материей обосновывается вескими доводами. Это, без сомнения, не малое завоевание философии. Но учение о нематериальности души ещё не есть учение о личном бессмертии и будущем воздаянии: пантеизм, нередко признающий различие между телами и духами, отрицает при этом будущую жизнь в морально-религиозном смысле слова. Вопрос о бессмертии и вопрос о будущем воздаянии затрагиваются во второй части «Фэдона». Здесь Сократ обращается к религиозным традициям, которые он принимает — очищая их, принимает, если можно так выразиться, с оговоркой. Слишком просвещённый, чтобы без оговорок принять народные аллегории, которые он рассказывает друзьям, он слишком добродушен, чтобы отвергнуть их резко, — и мы видим, как на устах этого доброго и умного старца блуждает лишь полуулыбка, выдающая скепсис, но не презрение».

Я должен отметить, что г-н Кузен воспринимает это состояние духа как законный результат самой философии. Он пишет: «Философия доказывает, что в человеке есть принцип, который не может погибнуть. Но что этот принцип вновь явится в ином мире, с тем же строем способностей и теми же законами, какие он имел в этом мире, что он понесёт туда последствия добрых и дурных поступков, совершённых им... — это возвышенная вероятность, которая, быть может, ускользает от строгости доказательства, но которую оправдывают и освящают и тайное влечение сердца, и всенародное одобрение».

Вопрос о личном бессмертии — это единственный вопрос, имеющий в отношении будущего нравственную и религиозную ценность. Чисто философские доказательства не могут разрешить его с полной определённостью: в этом заключается признание самого Кузена. История учит нас, что греческая философия по данному вопросу останавливается в состоянии духа, которое вполне можно назвать сомнением, смешанным с надеждой. Что говорит Сократ судьям, готовящимся вынести ему смертный приговор? — «Знайте, что смерть определённо не есть зло, ибо возможны два случая: либо это уничтожение, сон без сновидений — и тогда это благо; какое из наших дней стоило бы полной ночи глубокого сна? — либо это состояние лучше нашего нынешнего, и тогда тем более — это благо».

Элемент сомнения, остававшийся в глубине античной мысли, не позволял религии занять в нравственном строе должное ей место. Мораль языческих мудрецов возвышенна, потому что совесть — реальность; она исполнена тонких и справедливых наблюдений; она порой окрашена отблеском религиозной мысли. Но в целом это мораль, рассчитанная на земное: она — плод размышления, приложенного к опыту здешних вещей. Религия её лишь окрашивает, но не проникает в неё; она вмешивается как украшение, которое можно убрать,

не нарушив фундамента и стройности здания. Это мудрость, взирающая на настоящее и лишь изредка бросающая украдкой взгляд в сторону будущего.

Мы рассмотрели древнюю философию в её наивысшем расцвете. Греческая цивилизация продолжает своё течение. Труды мыслителей всё более расшатывают мифологические верования, не предлагая при этом народам основания иной веры и иной надежды. Философы не могут приобщить народ к своим умозрениям; они даже не стремятся к этому. К тому же, начиная с эпохи Сократа и Платона, надежды на будущее постепенно угасают в сфере возвышенных размышлений. В религии, как и в философии, в храмах, как и в школах, последнее столетие античной мудрости отмечено не укреплением веры, а распространением духа сомнения и неверия. Всякое положительное убеждение, всякое определённое утверждение всё более теряет авторитет. Один из знаменитых писателей — Плиний Старший — ясно свидетельствует об этом всеобщем состоянии умов. Это стремление к жизни, к прочной и вечной жизни, которое живёт в глубине нашей души, он считает всего лишь претензией человеческой гордыни и произносит слова, полные печальной силы: «Человеческая природа есть ложь, ибо она соединяет в себе величайшую нищету и величайшую гордость».

Вывод. Античность, в своём классическом облике, обнаруживает в человеке стремление к вечной жизни. Униженная религия обманывает это стремление, но не удовлетворяет его. Философия очищает его, устраняя грубые образы мифологии, но при этом не освобождает его от тумана сомнения, который, как зловещие тени, застилает светлые горизонты бессмертия. Оставим теперь греко-римский мир и устремим взор в иное направление.

В то время как Греция развивалась на путях цивилизации, находясь под влиянием ближнего Востока, более далёкий и более обширный Восток развивался обособленно; он опередил греков в своём движении и существует доныне как продолжение древности в недрах современности. На обширных пространствах Индии, Тибета и Китая религиозное начало весьма заметно. Храмы повсюду открываются взору путешественника, и легионы монахов рассекают страну во всех направлениях.

Старейший из восточных культов берёт своё начало в Индии; его служителями являются брахманы, члены жреческой касты, и он изобилует грубым идолопоклонством. Если обратиться с вопросом об участи после смерти к этой религии — одной из древнейших на земле и всё ещё насчитывающей около шестидесяти миллионов последователей — вот что она, прежде всего, отвечает: «Добродетельных, как только они сбросили своё смертное тело, ведут по чудесным путям, затенённым благоухающими деревьями, по которым струятся ручьи, сплошь усыпанные лотосами. В этом радостном путешествии на них проливаются дожди из цветов, воздух наполняется гимнами блаженных. А злых, напротив, ведут по узким и мрачным тропам; им приходится пересекать раскалённые пески и поля из камней, ранящих их ступни на каждом шагу; они идут нагими, изнурённые жаждой, покрытые кровью и грязью, под дождём из горячего пепла и раскалённых углей; ужасающие видения приходят пугать их, наполняя воздух кругом жалобами и воплями» («Индия», М. М. Дюбуа́ де Жансиньи и Ксавье Реймонд, стр. 197).

Эти две дороги ведут одна — к блаженству, другая — к будущим мукам. Вот вам ад и рай, будущий мир и справедливость, которая там совершается; вот — удовлетворение той потребности, что побуждает человеческую душу заглядывать за пределы могилы. Но это народное верование — ещё не последнее слово мудрости брахманов. Последнее слово, в котором метафизическая концепция проникает религиозное чувство и в конечном итоге поглощает его, — вот каково оно: вся Вселенная — это арена непрестанного движения, в силу которого души оказываются в самых различных условиях. Одни и те же души поочерёдно обитают в телах людей, животных, растений, либо возносятся на степень высших духов в более высокой, чем земная, жизни. («Законы Ману», глава 12, стих 58)

Они поднимаются или опускаются по ступеням этой шкалы в зависимости от заслуг или проступков, совершённых ими. Но в конце этих эволюций все души снова поглощаются в Первопричину мира, который тогда один пребывает в бескрайнем пространстве, исполненном его одинокой величественности. Затем начинается новый круговорот; индивидуальные сущности появляются вновь на время — и снова исчезают, растворяясь в Великом Всём.

Эта доктрина хорошо известна, и была очень распространена в древности: её можно найти в Египте; следы её встречаются и в Греции, где она получила название Метемпсихоз (Перевоплощение).

(Метемпсихоз (от греч. μετεμψύχωσις — переселение души) — это философско-религиозное учение о переселении души после смерти из одного тела в другое, человеческое или животное. Оно предполагает, что душа бессмертна, но воплощается многократно в различных формах существования в зависимости от предыдущих поступков — как правило, в связи с идеей кармы.) Прим. Ред.

Попробуем проникнуть в её глубокий смысл, в её скрытую мысль, рассматривая её в той форме, в какой она развилась в Индии. Движение, составляющее суть жизни, переход душ из одной формы в другую — есть зло. Будущие муки — зло; грядущее блаженство — меньшее зло, но тоже зло, ибо сама по себе индивидуальная жизнь не есть добро. Целью стремлений разумного существа должно быть — выйти из круга перерождений, достичь окончательного растворения в Великом Всём, утратить чувство, личность, сознание, жизнь — чтобы навсегда избавиться от бедствия, коим является существование.

Таков конечный итог. И он может быть достигнут ещё до завершения всеобщей эволюции. Души, совершенно очищенные религиозными практиками, получают не просто награды, положенные добрым в будущей жизни; они удостаиваются высшей привилегии — быть выведенными из круговорота жизни. Мир, с этой точки зрения, есть грандиозный чистилищный огонь; рай — это прекращение движения, сознания, личности. Такова основная идея религии брахманов.

Внутри этой религии, около 700 года до нашей эры, возникло особое учение, имевшее впоследствии, великое будущее, известное под именем Буддизма. Его основатель — Шакьямуни, прозванный Буддой, то есть Мудрецом. Мне следует остановиться здесь на некоторых биографических подробностях, ибо учение Будды тесно связано с его жизнью.

Шакьямуни был царевичем. Однажды, когда он в сопровождении свиты выехал через восточные ворота своего города, направляясь в сад Лумбини, с которым были связаны все воспоминания его детства, он встретил на своём пути старика — согбенного, дряхлого; его зубы качались, он был покрыт морщинами, лысый, еле-еле произносил хриплые, отталкивающие звуки, он опирался на посох и весь дрожал.

— «Кто этот человек?» — спросил принц у своего возничего. — «Он без сил, его голова побелела, его зубы шатаются, тело истощено; он с трудом идёт, спотыкаясь на каждом шагу. Это судьба его семьи или закон для всех живых существ?»

— «Господин, — ответил возничий, — этот человек изнурён старостью; все его чувства ослабли; страдание уничтожило его силу; близкие его презирают и бросают, как сухое дерево в лесу. Но это не особая участь его семьи. Молодость всякого живого существа обречена на поражение старостью; иной участи не дано».

— «Значит, — продолжил принц, — неразумное, слабое, легкомысленное существо гордится своей молодостью, пьянеет от неё, и не видит, что старость его подстерегает. А я — я удаляюсь. Возничий, поверни мою колесницу. Я, который тоже должен быть обителью старости, что мне до удовольствий и радостей?»

И молодой принц, развернув колесницу, вернулся в свою обитель, не поехав в Лумбини. Аналогичные сцены повторяются: Шакьямуни встречает больного, умершего — и возвращается, исполненный печали, в город, из которого выходил в поисках развлечений и удовольствия. Последняя встреча определяет его судьбу. Он видит на своём пути человека, отрекшегося от мира, предавшегося религиозному подвигу; он решает подражать ему и чувствует, что призван воздействовать на своих собратьев. Царь противится этому, но напрасно.

— «Господин, — однажды говорит ему сын, — вот настало время моего пришествия в мир; не мешайте ему и не печальтесь. Позвольте, о, царь, позвольте мне уйти».

Царь, со слезами на глазах, отвечает:

— «Что нужно, о, мой сын, чтобы ты переменил своё намерение? Скажи, чего ты хочешь — я дам это тебе. Мои дворцы, слуги, царство — бери всё».

— «Господин, — ответил кротким голосом принц, — я желаю четырёх вещей: даруйте их мне. Если вы можете их дать, я останусь при вас. Пусть старость, Господин, никогда не овладеет мною; пусть я всегда владею юностью с её яркими красками; пусть болезнь не имеет власти надо мною; пусть моя жизнь не знает предела и упадка».

Царь, услышав эти слова, был сокрушён.

— «О, дитя моё, — воскликнул он, — то, чего ты просишь, невозможно, и я ничего не могу сделать».

— «Если вы не можете дать мне этих четырёх главных даров, — возразил юноша, — то, по крайней мере, дайте мне один иной: даруйте, чтобы, исчезнув с этой земли, я больше не был подвержен круговороту перерождений».

Царь пытался силой воспрепятствовать намерениям сына. Но Шакьямуни обманул отцовскую стражу. Его занимала одна-единственная мысль: он хочет избавить человечество от его бед. Он тайно покидает двор, покидает царский дом, покидает город; он меняет свои царские одежды на лохмотья нищего, живёт скитальцем в крайнем отказе от всяких удовольствий, в строжайшем воздержании. После многих лет истязаний и постов однажды к нему приходит озарение, и он чувствует, что стал избавителем мира. Он проповедует своё учение нескольким ученикам; те передают его другим; новое слово начинает распространяться.

Учение Будды стало поводом к ожесточённым войнам. Пролив реки крови, оно было изгнано из Индии — из той самой страны, где оно возникло. Его приняли другие народы. Сегодня Буддизм насчитывает в Монголии, Тибете и Китае, по меньшей мере, триста миллионов последователей. Ни одно другое вероисповедание на земном шаре не располагает столь многочисленным числом приверженцев. Каково же это учение?

Будда — это освободитель, и он всецело посвящает себя своей миссии. Он провозглашает «закон милости для всех», как он сам однажды выразился, обращаясь к гордым брахманам, насмехавшимся над ним за то, что он обратил в свою веру бедняка. Провозглашение религиозного равенства в стране каст было, несомненно, одним из источников его силы. Но что это за милость, которую он возвещает? Каково освобождение, которое он обещает?

Вид болезни, старости и смерти стал для него отправной точкой в его призвании. Жизнь печальна, жизнь есть зло — в этом суть его мысли, и вот как он рассуждает. Корень всех бед — желание, потому что стремление к счастью неизменно обмануто. Освобождение, следовательно, заключается в полном отказе от всякого желания; высшая цель мудреца — достичь состояния, которое на священном языке буддистов обозначается словом Нирвана.

Этот термин, тщательно исследованный европейскими учёными, означает, по мнению одних, абсолютное небытие, по мнению других — уничтожение личности. Желание — это фундаментальное проявление жизни. Пока мы живы, мы будем стремиться к счастью, а его поиск — лишь иллюзия. В иных жизнях нас ждут иные разочарования. Блаженство возможно только в уничтожении; чтобы избавиться от страданий, нужно перестать существовать — нужно войти в Нирвану.

Я хотел бы заранее снять подозрение, будто я, ради пользы своей аргументации, принимаю толкование учения Будды, несовместимое с серьёзной наукой. Вот точные слова одного знаменитого учёного, специально изучившего этот вопрос: «Надежда, которую Шакьямуни принёс людям, — говорит Эжен Бюрнуф, — заключалась в возможности избежать закона переселения душ, войдя в то, что он называет Нирваной, то есть в уничтожение».

Но — спросите вы (я сам задавал себе этот вопрос) — почему это учение не заканчивается, как у киренских философов? Если жизнь — зло, почему Шакьямуни не призывает к самоубийству? Дело в том, что существует опасность родиться снова, и только праведная жизнь может избавить от этого зла. Уничтожение — это привилегия мудреца и венец добродетели. И вот что поражает нас справедливо: эта религия, не знающая ни надежды, ни Бога, всё же часто проповедует чистую мораль и даже наделяет учение о небытии нравственной святостью.

Мрачные размышления, которые я только что изложил, конечно, не являются мыслями всех буддистов на земле. Идея будущего воздаяния, без сомнения, составляет народную сторону учения: буддизм сохраняет брахманскую идею переселения душ, вознаграждаемых или наказываемых в зависимости от их заслуг или проступков, в соответствии с местами, которые им отводятся в иерархии Вселенной. Но желание мудреца, воспитанного в школе Шакьямуни, — то самое желание, которое сам Шакьямуни выразил царю, своему отцу, и которое лежит в основе всего его дела и является ключом ко всей его теории, — это желание избежать перевоплощения, то есть избежать движения жизни. Есть будущее за пределами нынешнего бытия — на этом может остановиться мысль простолюдина; но индивидуальное существование, даже относительно счастливое, всё же остаётся страданием. Полное освобождение от всякого зла возможно лишь через прекращение личной жизни — вот суть этого учения.

Религия Будды завоевала Китай, где покорила народ, тогда как учёные, «люди письма», так называемые мандарины, исповедуют религию, основателем которой был знаменитый Конфуций, скорее, её реформатором. Конфуций был философом — но философом, которому воздаются такие почести, что это по существу представляет собой культ. Он был мудрым человеком, но с человеческой, земной мудростью: он отвратил умы своих учеников от мыслей о будущем и захотел преобразовать общество, не ища опоры за пределами земли. «Как бы велико ни было желание, — говорит один современный автор, специально изучавший восточные доктрины, — было бы очень трудно, после внимательного анализа текстов, найти в них догмат о будущей жизни» (Dictionnaire des sciences philosophiques, article «Chinois»).

Таким образом, учёные последователи Конфуция, как видите, не имеют более светлой надежды, чем брахманы и буддисты. Утверждали, что Конфуций исказил учение, которое он якобы продолжал; его обвиняли в том, что, составляя новую редакцию священных книг, он удалил из них догматы, содержащиеся в изначальном тексте. Я не исследовал все детали этого вопроса. Но спрошу вас: разве можно всерьёз вообразить, что один человек — пусть даже мудрец, каким бы авторитетом он ни обладал — мог бы в одиночку вычеркнуть из религиозного символа надежду на блаженную жизнь за пределами гроба?

Вот, кстати, свидетельство, которое имеет значение. В одном древнем китайском тексте — сочинении современника Конфуция, которого цитируют в споре, о котором я упомянул, как

человека, якобы сохранившего догматы, искажённые Конфуцием, — читаем следующие слова:

«Когда Мо-Чжо находился в царстве Цинь, Фан пришёл к нему и задал вопрос: — Люди древности говорили: умирают, но не погибают окончательно. Что означает эта пословица?

Мо-Чжо не ответил, и тогда Фан сказал: — Раньше предки Хай жили ещё до времён Шуня и происходили от рода Яо… Не имелась ли здесь в виду вечность родов?

Мо-Чжо ответил: — То, что я слышал, совсем не то, что вы называете земной вечностью родов. В царстве Лу был когда-то государственный министр, о котором после смерти говорили, что он по-прежнему существует — то есть, что его добрые наставления будут передаваться грядущим векам. Разве не в этом смысл пословицы? Я сам так её и понимаю. Святые обладают добродетелями, которые сохраняются бесконечно. Мудрецы имеют заслуги, которые также сохраняются бесконечно. Их преемники также имеют высказывания, которые передаются будущим поколениям. Хотя эти три разряда мудрых живут лишь определённое время, про них говорят, что они не погибают окончательно. Вот что означает выражение “не погибнуть совсем”» (Dictionnaire des sciences philosophiques, article «Chinois»).

Размышляя над смыслом этого диалога, можно, на мой взгляд, вывести два важных заключения: существование древней традиции, утверждавшей бессмертие души, от которой пословица «умирают, но не погибают совсем» — остаток; деятельность философии, проникнутой неверием, которая извратила смысл этой традиции, сведя религиозные верования к чистому символизму временных явлений. Культ предков, сохраняющийся у китайцев, кажется, всё ещё хранит след учения о будущей жизни; но это учение было затемнено или утрачено мудростью, недальновидной в своих горизонтах. Я не отрицаю, что Конфуций мог способствовать этому процессу и довести до конца секуляризацию мышления своего народа. Но движение в этом направлении, по-видимому, началось ещё до него.

То, что остаётся от мудреца, — это его полезные советы или добрые дела. Автор перевода, который я только что процитировал, утверждает, что во всей книге, из которой взят этот отрывок, нет ничего, что предполагало бы будущую жизнь; там даже не высказывается, как гипотеза, мысль о том, что индивид может обладать принципом бессмертного существования. Ничто не переживает человека, кроме его дел, которые остаются человечеству. Хотите услышать выражение этой мысли на хорошем французском?

«Мы утверждаем, что тот, кто избрал добро, был подлинным мудрецом. Он будет бессмертным, ибо его дела будут жить в окончательной победе справедливости... Тогда как злой человек, глупый или легкомысленный, умрёт целиком — в том смысле, что не оставит ничего в общем результате труда своего рода; человек, посвятивший себя добру и красоте, будет причастен к бессмертию того, что он любил... Только дела человека гения и человека добродетельного, таким образом, ускользают от всеобщего увядания, ибо только они засчитываются в суммарный итог накопленного, и их плоды продолжают расти, даже если неблагодарное человечество их забывает. Ничто не теряется» (Ernest Renan, Introduction au Livre de Job, p. XC–XCI).

Эти слова принадлежат человеку весьма умному — одному из самых проницательных противников христианского учения, господину Эрнесту Ренану. Однако г-н Ренан предлагает нам свою теорию бессмертия как некое новое учение. Я не осуждаю её как старую, но раз мы находим её в текстах, которым более двух тысяч трёхсот лет, — прошу, чтобы никто не принимал её за продукт современного духа и за одну из последних новинок человеческой мысли.

Во внутренней философской сути восточных религий бытие — это зло, и нужно как можно скорее из него выйти. Эта отчаянная точка зрения, это стремление к небытию — разумеется, не есть народное верование; мы уже сказали это о буддизме, и следует повторить это в более общем плане. Народы Азии исповедуют религии, изобилующие аллегориями, легендами, в которых доминирует идея жизни. Если у них, как и у нас, существует материализм, то обычная направленность их духа — скорее признание материи как иллюзии, тела — как призрачного видения. Узкое пространство между колыбелью и могилой не удовлетворяет их; их воображение обитает в безмерных сферах божественного мира. В этом отношении они подчиняются общей закономерности, они свидетельствуют об этом стремлении к жизни, к бесконечной жизни, которое есть желание — даже крик — самой человеческой природы.

Но скрытый смысл их символов, глубокий смысл их священных книг, философия их религии, словом — это идея, что личная жизнь есть преходящее и злое явление, это точное отрицание блаженной вечности. Я не хочу смешивать различное и отождествлять с учениями, утверждающими небытие в прямом смысле, ту абсорбцию (поглощение) в принцип Вселенной, которую учит пантеизм. Но это различие, важное для метафизики, исчезает в области религии. Пантеизм, не придавая сознанию устойчивой ценности, разрушает саму основу духовного порядка. И никто не отрицает, что пантеизм — преобладающая черта азиатских религий, и что эти религии ведут к отрицанию устойчивой жизни, вечной жизни творений.

Послушайте в этом отношении выводы одного члена Французского института: «Жизнь — это лишь длинная череда страданий и бедствий; спасение — в том, чтобы больше в неё не возвращаться. Такова, на всей территории Индии, где бы мы ни посмотрели, в какую бы эпоху ни обратились, — эта печальная вера, разделяемая всеми и исповедуемая брахманами и буддистами всех школ, всех сект, всех оттенков, всех времён» (Le Bouddha, par M. Barthélemy Saint-Hilaire, p. 122).

Брахманы, мудрецы-буддисты, китайские учёные не сумели сохранить надежду на бессмертие. Опыт наших страданий, не озарённый лучом вечной любви, убеждает их, что глубокий сон предпочтительнее даже самых прекрасных наших дней, и что, в конце концов, приятно будет умереть. Исчезнуть, погаснуть, уснуть, потерять чувство своих бед, утратой сознания самого себя — вот их высшая надежда. Восточная мудрость представляется как отчаянная борьба мысли с жизнью, как долгое усилие разума, чтобы погасить надежду в сердцах.

Знакомы ли вам те тягостные дни, что кажутся длинными не потому, что ждёшь завтра, а потому что спешишь увидеть их конец? Знакомы ли вам те ночи бессонницы, когда устаёт мысль, когда чувство жизни становится бременем, и сон призывается как благотворное божество? Кажется, что в этих огромных азиатских народах мудрецы никогда не воспринимали жизнь иначе. И когда проникаешься их мыслями, даже наши самые мрачные элегии кажутся розовыми, и Книга Иова — почти весёлой.

Вчера, господа, размышляя о том, что я скажу вам сегодня, мои мысли обратились к человеку, который много лет назад занимал это самое место, с которого я сейчас говорю, и который с тех пор вступил в ту вечную жизнь, которая является темой наших бесед. По крайней мере, часть моей аудитории не забыла миссионера Лакруа. Что до меня, то, так глубоко запечатлевшись в моей памяти, мне кажется, я всё ещё слышу его мощную речь, наполнявшую этот зал.

Когда я ближе познакомился с верованиями народов, которым он хотел проповедовать Евангелие, я лучше понял силу его призывов и пыл его рвения. Я лучше понял ту страстную красноречивость, с которой он взывал к нашему участию в своём святом деле — деле провозглашения слова жизни в тех обширных и мрачных краях, чьи обитатели, угнетённые

бесчисленными суевериями, если и обращаются к своим жрецам и мудрецам в поисках света, то получают в ответ символ, сводящийся к двум пунктам: ужас жизни и надежда на ничто.

Мы постепенно сосредоточили наше внимание на Греции и Индии, на Востоке и Западе. Настал день в истории мира, когда вследствие великих политических и военных событий Восток и Запад встретились на берегах Средиземного моря. Тогда и произошёл великий синтез человеческой мысли. И не только Восток и Запад встретились, но в то же самое время религия и философия протянули друг другу руку. Момент был торжественный. Каков же был его результат?

Перенесёмся в Грецию, в V век нашей эры. Афины — славные Афины, город мысли и искусств — собирались исчезнуть; эта чудесная звезда на небе интеллекта вот-вот должна была навсегда закатиться. Но светило, склоняясь к горизонту, испускало ещё один яркий и мощный луч. Толпы юношей, съехавшихся со всех концов огромной Римской империи, заполняли амфитеатры этого города, всё ещё бывшего в то время столицей интеллектуального мира. В этих обширных аудиториях звучала речь человека, которого некоторые почитали как божество. Он сам называл себя вселенским жрецом; он был самым уважаемым философом и самым учёным из жрецов; в его лице, казалось, воплощалась вся мудрость прошедших веков, вся философия и вся религия. Этот человек, чья слава не соответствует его значению, носил имя Прокл. Он был последним в длинной череде мудрецов, и его учение содержало в себе результат четырёхсотлетнего труда. Это учение — по определению историков — принадлежит Александрийской школе, названной так по городу, где она возникла. Для формирования этой школы Восток и Запад соединили усилия.

Здесь учили, что мифология — лишь оболочка истины, а пантеизм — её суть. Александрийцы заменили Живого Бога — Причину вселенной — отвлечённым и бесплодным понятием, богом без разума, без воли, без силы. Вместо того чтобы сохранить личное существование после смерти, вся их доктрина стремилась уничтожить его — насколько возможно — уже при жизни. Греческие мифы, эти изящные сказания, оживлявшие всё вокруг, стали лишь лёгким и прозрачным покровом мрачных азиатских представлений: догматы брахманов переселились, в другой форме, на родину Гомера и Платона. Таков был итог встречи греческой и восточной мысли.

Движение умов было грандиозным; древняя мудрость, казалось, собирала все свои силы, чтобы утвердить себя. Её активность была страстной, потому что это была борьба — яростная и безнадёжная. Представители старого мира тщетно пытались соединить блистательные вымыслы мифа с глубокими прозрениями гения: земля дрожала у них под ногами, и они чувствовали, что будущее ускользает от них.

Почему? Потому что в далёкой провинции некий неизвестный человек, не изучавший ни восточную мудрость, ни западную философию, начал проповедовать вечную жизнь нескольким рыбакам на берегу Геннисаретского озера; потому что некто по имени Павел, гражданин города Тарса в Киликии, подхватил эту безумную идею и разнёс её по четырём ветрам; потому что на эту проповедь повсюду откликалась столь сильная вера в бессмертное будущее, что люди спешили на мученичество как на праздник — не чтобы бежать от жизни, но чтобы схватить пальмовую ветвь бесконечной жизни.

Ничто не могло остановить развитие нового учения. Зерно стало ростком; росток вырос в могучее дерево. Как ель в наших лесах, раскинув ветви к солнцу, затеняет соседние кусты и поглощает их соки, так и христианство, разрастаясь, лишило воздуха и света олимпийских богов и покрыло землю обломками древних представлений, чья жизненная сила перетекла в него самого. Пытались ли вы представить себе эту борьбу, ареной которой стал тогдашний мир? Понимаете ли, что могли испытывать граждане Рима, когда от них требовали отказаться от их великолепия, где церемонии религии соединялись с величием государства,

от Капитолия, увенчанного трофеями всей вселенной, от триумфов, где князья земли склонялись перед народом-господином? Понимаете ли чувства этих юношей, у которых отнимали воспоминания юности, праздники, радовавшие глаз, яркую поэзию, пленявшую воображение, и всё это ради некой грубой и неотёсанной речи, о которой и не скажешь, что она — безумие для мудрецов или соблазн для светских людей?

Тем не менее, это слово победило! Древние религии, ослабленные нападками разума и протестами совести, окончательно умерли лишь в тот день, когда на холме Иудеи Иисуса из Назарета пригвоздили к кресту среди плачущих женщин и народа, издевавшегося над Ним. Скептицизм в истории народов — лишь временный кризис. Человеческая душа никогда не остаётся белым листом надолго; на ней стирают только для того — и с тем самым результатом — чтобы написать заново. Так померкла мудрость древности перед словом, которое явило миру жизнь и бессмертие. И этот факт уже сам по себе красноречиво говорит о значении Евангелия в рассматриваемом нами вопросе.

Но не является ли это значение чисто историческим? Где мы стоим сегодня в этом отношении? Современная философия, утверждая будущую жизнь, повторяет аргументы Платона, не добавляя, пожалуй, ничего особенно нового в области метафизики. Она лучше, чем древние, распознала путаницу понятий, на которых основывается материализм, и ясно провела непереходимую черту между физиологией и психологией. Она развила моральные доказательства будущего воздаяния и заложила основы так называемой естественной религии, наилучшим толкователем которой остаётся Савойский викарий. Некоторые умы полагают, что Евангелие, чьё историческое значение они не отрицают, утратило тем самым своё значение для самого учения о будущей жизни, поскольку теперь разум сам по себе способен прочно утвердить наши вечные надежды.

Немного философии ведёт к этой мысли; немного больше философии — отводит от неё. Я считаю доводы спиритуалистов полезными, хорошими и даже превосходными; я готов защищать их от своего имени. Но этим доводам придают значение, которого они лишаются, как только их вырывают из христианской истины и представляют в отрыве от её естественного основания — как будто они могут существовать сами по себе, без ствола, дающего им сок и жизнь. Когда, например, господин Жюль Симон утверждает, что один только разум делает очевидными и будущую жизнь, и справедливость в ином порядке вещей (Religion naturelle, p. 338.), — естественно напомнить ему слова его учителя, приводимые нами ранее, господина Кузена, заявлявшего, что философия не может дойти до этого.

Я подозреваю (чтобы не сказать больше), что в красноречивых страницах Руссо, в трактатах великого Канта, в трудах современных французских спиритуалистов можно уловить след положительного влияния христианской традиции. Что подтверждает меня в этой мысли — это то, что когда современные мыслители решительно порывают с Евангелием и даже с его косвенным влиянием, они впадают в материализм, возрождают метемпсихоз (перевоплощение) или же могут обещать нам только бессмертие наших дел в этом мире.

Если цель, которую я преследую, вызывает у вас подозрение в предвзятости, послушайте хотя бы человека, не способного вызвать у вас ту же степень недоверия — господина Бартелеми Сент-Илера: «Несчастье нашего времени, — говорит он, — состоит в том, что доктрины, составляющие суть буддизма среди нас, вновь обретают особую популярность, которой они, однако, совсем не заслуживают. В последние годы мы видели появление систем, в которых нам восхваляют метемпсихоз (перевоплощение) и переселение душ, в которых пытаются объяснить мир и человека без Бога и без Провидения, в которых человеческим надеждам отказывают в бессмертной жизни после этой, в которых бессмертие души заменяется бессмертием дел, а вместо Бога ставится человек, единственное существо, в котором, как утверждают, бесконечное осознаёт само себя.

Иногда это преподносится от имени науки, иногда от имени истории, философии или даже метафизики — но все эти теории, ни особенно новые, ни особенно оригинальные, могут причинить наибольший вред душам, уже и без того ослабленным» (Le Bouddha, Introduction, p. VI).

Таковы, господа, тревоги людей, находящихся в самом центре современного научного движения. При таких обстоятельствах не будет преувеличением заключить, что в том предмете, который нас занимает, это Евангелие — сохраняющее не просто смутную надежду, но твёрдое обетование вечной жизни — заслуживает того, чтобы быть принято в серьёзное рассмотрение.

† † †

Краткий обзор третьей лекции вернуться к содержанию >>>

Вера в жизнь после смерти — почти универсальна среди народов, исключения редки.

Греко-римский мир:

- У Гомера и древних греков жизнь после смерти — туманное, нечеткое представление.
- Мифология и религия греков переносили человеческие страсти на небеса, что порождало моральную коррупцию.
- Философы (Сократ, Цицерон) отвергали суеверия, надеясь на бессмертие, но с сомнениями.
- Высокие философские идеи оставались уделом немногих, а общее распространение идей о бессмертии ослабевало.

Восточные цивилизации (Индия, Китай):

- Народные религии провозглашают жизнь после смерти (рай, ад, переселение душ), но основа учений часто безнадежна.
- Брахманизм учит, что личная жизнь — зло, и высшая цель — растворение в безличном Абсолюте.
- Буддизм обещает нирвану — полное уничтожение личности.
- В Китае традиционно верили в выживание души и почитали предков, но философия Конфуция смещает упор на бессмертие дел и добрых поступков.
- Основной религиозный взгляд — пантеизм, который философски отличается от материализма, но религиозно разрушает личную моральную ответственность.

Слияние греческой и восточной мысли:

- Александрийская школа пыталась объединить западную и восточную философию, породив пантеистические взгляды, похожие на брахманизм и буддизм.

Роль Евангелия:

- Евангелие — уникальный источник живой и чистой веры в личное бессмертие, распространившийся во всех слоях общества.
- Современные мыслители, отвергая христианство, часто перестают верить в жизнь после смерти.

† † †

ЧЕТВЁРТАЯ ЛЕКЦИЯ

вернуться к содержанию >>>

ЕВАНГЕЛИЕ

Господа, Евангелие и должно сегодня стать предметом нашего исследования. Это слово, напоминая мне, прежде всего о той особенно серьёзной форме, которую должна принять моя речь, пробудило во мне затем и другое беспокойство. Возможно, будет трудно удержать ваше внимание на мыслях, которые, будучи нам привычными, слишком легко скользят по нашему уму. Я прошу вас — с помощью усилия внимания — восполнить тот незначительный недостаток, который в данный момент является для нас следствием величайшего блага: это то, что тема, о которой я намерен говорить, известна вам с самых юных лет. Чтобы облегчить вам задачу, я прибегну к одному сравнению.

Предположим, что, встретив ювелира, вы спросите его о сути его ремесла, и он ответил бы вам: «Я изготавливаю маленькие гильотины из золота и украшаю их драгоценными камнями для дамского туалета». Вы были бы удивлены, не правда ли? Так вот, что такое Крест, если не виселица, эшафот, орудие казни древности? И всё же кто из нас удивляется, видя, как крестьянка надевает его себе на шею в праздничный день, или как властители мира вручают его как знак отличия тем, чьи заслуги они хотят признать, или кому оказывают своё расположение? Этот знак утратил своё первоначальное значение, потому что стал нам привычным. То же самое и с этими словами, повсюду распространёнными в интеллектуальной атмосфере, окружающей нас, с этими словами, которые ребёнок с младенчества слышит из уст своей матери и которые благодаря этим далёким воспоминаниям несут в себе, конечно, некий поэтический и священный оттенок, но слишком часто скользят по разуму, не оставляя следа. Что я должен сказать вам сегодня? Ничего такого, что могло бы пленить вас новизной; ничего, о чём бы вы не слышали многократно; ничего, чего бы многие из вас не знали лучше меня. Однако приступим к делу.

Это было при императоре Тиберии — чудовище жестокости и разврата, омрачавшем Римскую империю и заставлявшем сожалеть о славном и сравнительно мирном правлении императора Августа. При Августе Рим — этот властитель мира — как бы в компенсацию за утраченные свободы, достиг расцвета литературы, искусства и цивилизации, соответствующего одной из блистательных эпох истории. Произведения того времени мы предлагаем на восхищение школьникам, и в них многие знатоки вкуса находят вдохновение для своих старческих лет.

И вот в ту эпоху блистательной цивилизации некие бедные люди начинают распространяться по всем уголкам Римской империи, обещая вечную жизнь во имя некоего человека по имени Иисус, умершего и, как они утверждали, воскресшего. На их слово повсюду расцветает живая и глубокая вера в бессмертное будущее. Это уже не смутные суеверные представления идолопоклоннических народов. Это уже не философские мысли, остающиеся достоянием немногих учёных. Дети знают то, что Сократ лишь смутно предчувствовал; скромные женщины исповедуют истины, которые бы восторгали Платона. Это не смутная надежда, но радостная и твёрдая уверенность. Вера так глубока, что на мгновение нарушает равновесие нашей хрупкой природы. Христиане бегут на мученичество как на праздник, и в Церкви слышатся строгие голоса, говорящие: «Вы не имеете права желать смерти с такой ненасытной страстью».

Христианское общество складывается, растёт, организуется. Оно собирает подлинные свидетельства, достоверные хроники своей веры и объединяет их в книге, которую отмечает своей печатью. Эта книга — Новый Завет — сегодня переведена примерно на двести языков, чтобы быть доступной всем народам земного шара; за один только год недавно было напечатано почти два миллиона экземпляров.

(Библия — самая издаваемая и распространённая книга в мире. По оценкам, с момента изобретения печатного станка было напечатано более 5 миллиардов экземпляров. Каждый год издаются десятки миллионов новых Библий. Библия остаётся непревзойдённой по тиражам, влиянию и географическому охвату. По состоянию на 2025 год, полные переводы Библии существуют на 774 языках, Новый Завет — на 1 773, а хотя бы часть Писания доступна на 3 932 языках мира. Полный перевод Библии охватывает ≈5,9 миллиарда человек (из ≈8,1 млрд) . С некоторой частью Писания (НЗ или отрывками) — более 7,2 млрд человек. Переводы ведутся ещё на более чем 4 200 языках. За 2024 год начаты переводы на 616 новых языков. Цель Библейских обществ — охватить все языки мира.) Прим.Ред.

Христианское общество, представляющее эту Книгу миру как основание своей веры, несёт на себе признаки такой бесспорной духовной власти, что даже его разумные противники признают и провозглашают: после такой религии не останется места ни для какой другой, и если она не есть истинная религия, то, по крайней мере, она последняя из всех. То, чему учит христианство, то, что содержит Книга христиан, обозначается одним словом — Евангелие, или, если перевести этот греческий термин — «Благая Весть». Прежде чем перейти к содержанию этого послания милости и мира, я хочу указать вам на один приём, часто применяемый с целью отвлечь умы от прямой и положительной постановки христианского вопроса.

«Все религии, — говорят люди, которых я имею в виду, — родились во мраке первых времён; человеческий разум ещё не пробудился, и воображение населило небо химерическими существами. Позже стало ясно, что религия — лишь оболочка метафизических истин, и умные люди разбили эту оболочку, к которой теперь привязаны только невежественные и отсталые умы». Безусловно, следует опасаться традиционных предрассудков — предрассудков происхождения и воспитания; но мне известны и не менее опасные — это предрассудки, прикрытые мантией науки, которые, будучи зачастую ещё более самоуверенными, бывают столь же слепыми в своей доверчивости. Поэтому будем настороже — то есть будем рассуждать.

Теория, которую я только что изложил, выдвигается людьми весьма учёными и повторяется с уверенностью другими, менее сведущими; но не требуют ли сами факты, чтобы мы сделали, в любом случае, существенные исключения? Если судить по числу последователей, в мире существуют три главные религии: религия Иисуса Христа, которая обещает вечную жизнь; религия Мухаммеда, которая искажает эту идею; и религия Будды, которая её отрицает. Все три религии имеют достоверную дату, подлинные документы, и возникли они в историческое время.

Что касается Евангелия в частности — эпоха, когда подданные Тиберия читали труды Цицерона, — это, согласитесь, не время духовного сумеречного сознания. Вряд ли можно говорить о детской доверчивости или первозданной наивности у людей, воспитанных на произведениях Вергилия и Горация. Им не недоставало ни развитости ума, ни утончённости духа, ни остроты иронии. И всё же именно тогда, в самый момент своего рождения, Евангелие распространяется в римском обществе. Именно в расцвете своей мощи, в расцвете своей цивилизации, древний мир сталкивается с безумием Креста — и разбивается об него.

Послушайте, как великий оратор Боссюэ рассказывает об апостоле Павле: «Он пойдёт, этот невежда в искусстве говорить, с его грубой речью, с его фразами, отдающими чужестраностью — он пойдёт в эту утончённую Грецию, мать философов и ораторов; и несмотря на сопротивление мира, он создаст там больше церквей, чем Платон обрёл учеников своей божественной, как считали, речью. Он будет проповедовать Иисуса в Афинах... и пойдёт дальше, завоёвывая души; он низвергнет к ногам Спасителя римское величие в лице проконсула и заставит содрогнуться судей в их судах. Сам Рим услышит его голос; и однажды этот господствующий город сочтёт более почётным получить письмо

Павла, адресованное его согражданам, чем все те знаменитые речи, что он слышал от своего Цицерона».

Присмотритесь по внимательнее, господа, — и под блеском этой великолепной речи вы обнаружите подлинный факт, историю. И теперь, что же это за Благая весть? Что это за учение, установленное таким удивительным образом? Рассказывали (то, что рассказывали тогда, то, что мы читаем сегодня), что оно берет начало у Иисуса из Назарета в Галилее. Говорили, что этот Иисус говорил с авторитетом; что он не пользовался длинными рассуждениями, а опирался на истину, присутствующую в Нём Самом, которой Он свидетельствовал; говорили, что Он не требовал от слушателей больших умственных усилий и большого знания, а лишь праведных совестей и сердец, жаждущих справедливости.

Он говорил о будущем, которое несомненно наступит после гроба, не как о новой истине — ведь часть тех, кто слушал его, уже принимала эту веру — но как об истине, которую Он освободил от всех туч и поставил на полный вид. Это будущее в Его речах не представлялось банальной гостиницей, где все путники получают одинаковый прием. Он говорил в пугающих образах о несчастьях, предназначенных для извращенных душ — таких бедствий, что тот, кто обрел бы все земные радости, должен был бы считать себя лишенным всего, если потерял бы душу. Он также говорил о тех радостях, которые ожидают чистые сердца, которые в интимном общении с Богом будут наслаждаться бесконечным блаженством. Это то, что Он называл вечной жизнью, или Царством Божьим.

Говоря о вечной жизни, он обозначал состояние постоянного, устойчивого счастья, в противоположность быстротечному потоку всего в нынешней земной жизни; говоря о Царстве Божьем, он имел в виду принятую и желанную Его созданием волю Божию как неисчерпаемый источник радости. Наконец, Он с полной уверенностью объявлял, что Его слово распространится по всей вселенной, что преграды между народами падут, бедные приблизятся к богатым, а неученые объединятся с учеными в единой вере и общей надежде. Все эти вещи Иисус провозглашал от имени Бога — Бога, которого почитал народ Израиля, Творца неба и земли, создавшего всё, и благодаря непрерывному действию Которого всё существует, но Который, вне своих дел, остается в Своей собственной Сущности, и чей необъятный мир является неистощимым проявлением Его неистощимой силы.

Отсутствие этой концепции свободного и всемогущего Бога помешало древности прийти к ясному пониманию вечной жизни. Древние, а затем и продленная древность Востока, рассматривали божественное, как некую сущность, пронизывающую вещи, не имеющую самостоятельной реальности вне мира. Бог — это лишь принцип, субстанция природы. С этой точки зрения будущее может быть представлено двумя способами: либо души остаются в этой жизни или в жизни, похожей на эту, переходя из одной формы в другую — это сущность мифологии и учения о переселении душ; либо, избегая этого беспрерывного круговорота, души теряются в принципе без сознания, — как в брахманизме, так и в нирване буддистов.

В любом случае мысль не поднимается до царства Божия, превосходящего изменчивость временного существования, потому что Бог не имеет жизни в Себе Самом, а мир является Его полным, единственным проявлением. Но Бог Иисуса Христа, Тот, Кто утвердил и проявил свою верховную власть через откровения народа Израиля, — этот Бог обладает жизнью, независимой от созданного мира, жизнью, созданной свободным актом Его воли, и которая прославляет Его славу, не ограничивая Его могущество.

Отныне Он может призвать нас к этой высшей жизни, может ввести нас в вечный покой, не поглощая нас в Себе, потому что Он — не только принцип жизни, но и её хозяин. Он может; Он хочет, — говорил Иисус Христос, — ибо Бог есть любовь, и эта любовь — тайна

творения. Бог создал Своё творение для счастья. Его воля — наш долг, Его воля — наше счастье; это лишь две стороны и два имени одного и того же.

В этом вопросе и древность разделилась. Человек желает счастья и носит в себе чувство долга. Эти две тенденции, кажущиеся противоречивыми, породили две секты: одна искала долг без учёта счастья, другая — счастье без учёта долга. Самые мудрые из язычников, особенно Сократ, утверждали, что добро и счастье должны быть неразрывны; но это утверждение оставалось шатким перед лицом жизненного опыта, сомнений о будущем и завесы, скрывающей планы вечной мудрости. Человеку из Назарета было уготовано дать решение проблемы и примирить противоположные учения силой истины. Бог хочет нашего счастья и хочет его навсегда. Его воля — наш закон, она составляет долг; но суть этой воли — наше счастье. Бог — наш Отец; долг и счастье — лишь разные имена единого замысла Его милосердия. Но этот Бог — Отец всех, и в Его Царстве нет места для личных радостей и эгоистического счастья.

Порядок, установленный Его всемогущей волей, — это разделённое счастье, которое излучается из сердца каждого к сердцу всех и отражается от сердца всех в сердце каждого. Нужно войти в план вечной любви; нужно отказаться от всего, что разделяет детей большой семьи: от жадности, превращающей их в соперников, от дурных страстей, заставляющих бороться друг с другом; нужно понять, что личные и нечистые радости угасают в пустоте и отвращении, а лишь чистые и разделённые радости — устойчивы и растут. Тот, кто сделает своё счастье счастьем других, свою радость — радостью всех своих ближних, — тот почувствует ценность существования; он увидит всё в спокойном и ясном свете Бога; возведя глаза к небу, он пройдёт жизнь, держась за руку своего ближнего, и сможет повторить прекрасные слова поэта:

> «Через любовь восхищаемся миром,
> И жизнь, опираясь, опирает в ответ,
> Это священный груз, который несем с любовью»
> — Ламартин.

Вот, господа, вечная жизнь, Царство Божие. И поймите хорошо: вечная жизнь — это не только будущая жизнь. Вечность охватывает настоящее и прошлое так же, как и будущее; вечность — мы в ней уже. Для того, кто вошёл в план Бога, небесное царство начинается здесь, на земле; только пока здесь всё подчинено ветру нестабильности, в том ином устройстве, которое мы называем небом, жизнь будет полной, устойчивой и постоянной, потому что радость — навсегда: «Любовью вечной Я возлюбил тебя…» (Иеремия 31:3). Кто доносил до людей эту истину? Иисус из Назарета в Галилее. И проповедуя ее, Он не спорил, не приводил доводы, а свидетельствовал истину, как обладающий ею по природе.

Вот как говорит история. Для христианина слово Иисуса из Назарета — это слово Бога, ставшего Человеком. Он слушает Его как брата, не подозревая во лжи, и продолжает внимать Ему, не считая богохульством Его утверждение, что Его слово — слово Божье, и что Он единосущен Отцу. Здесь история уступает место вере. Пока что я не спорю с верой христиан, я её излагаю. Примут её или отвергнут — прежде всего, надо признать её такой, какая она есть. Что касается вопроса о нашей судьбе, вера — это уверенность в будущем, где восторжествуют справедливость и исполнится любовь; это твёрдое ожидание, основанное на обетовании Богочеловека, вечной радости рядом с Отцом Небесным.

После смерти Паскаля в подкладке его одежды нашли свиток, который он всегда носил с собой и который хранил память о периоде своей жизни. Там были такие слова: «Уверенность… Радость… Бог Иисуса Христа, а не философов и учёных… Пусть я никогда не отделюсь от Него!» Он имел в виду, что в памятную ночь и в священное бдение он встретил уже не просто машиниста Вселенной, Бога как субстанцию или закон мира, а Отца,

который хочет и творит счастье Своих детей. Уверенность, радость — такова надежда христианина.

Теперь я хотел бы показать вам на фактах особое положение, обещания которые Евангелие дает тем, кто его принимает. Для этого возьмём некоторые точки сравнения. Возвращаюсь к умирающему Сократу. Он в тюрьме, собирается выпить яд, цикуту; ученики плачут вокруг него. После напоминания им основ мифологии, как мы указывали, он продолжает: «Утверждать, что всё, что я сказал, — именно так, не подобает человеку рассудительному; но что всё, что я рассказал вам о душах и их обиталище, либо точно так, либо приблизительно, если несомненно, что душа бессмертна, — это можно с некоторой долей вероятности признать, и стоит рискнуть поверить. Это благородный шанс, который стоит попытаться; это надежда, которой стоит восторгаться самому».

В этих словах есть свет и покой. Но сколько же теней! Какая печальная или, если хотите, мудрая нерешительность мысли! Теперь я обращаюсь к буддийскому памятнику: молодой человек по имени Пурна решается нести новую веру среди диких народов. Он собирается в путь, и вот его последний разговор с тем, кто обучил его святой доктрине:

> «Люди Кронапаранты, там, где ты хочешь поселиться, злобны, жестоки, гневливы, яростны и дерзки. Когда они обратятся к тебе словами злыми, грубыми и дерзкими; когда они разгневаются на тебя и оскорбят, что ты подумаешь?»
>
> «Если люди Кронапаранты обратятся ко мне злыми, грубыми и дерзкими словами; если они разгневаются на меня и оскорбят, я подумаю: это, без сомнения, хорошие люди — Кронапарантаки, ведь они не бьют меня ни рукой, ни камнями».
>
> «Если люди Кронапаранты ударят тебя рукой и камнями, что ты подумаешь?»
>
> «Я подумаю, что они хорошие и добрые, потому что не бьют меня палкой или мечом».
>
> «Если они ударят тебя палкой и мечом, что подумаешь?»
>
> «Я подумаю, что они хорошие и добрые, потому что не лишают меня жизни».
>
> «Если они полностью лишат тебя жизни, что подумаешь?»
>
> «Я подумаю, что люди Кронапаранты добры и добры тем, что избавляют меня с такой малой болью от этого тела, полного золы».
>
> «Хорошо, Пурна; с твоим совершенством терпения ты можешь поселиться среди Кронапарантаков. Иди же, Пурна; освобождённый, освобождай; достигнув другой стороны, приводи туда и других; утешённый — утешай; достигнув Нирваны — помогай другим достигать её».

Этот документ кажется мне очень интересным. Невозможно не удивиться высокой морали, которая в нём проявляется, и с не меньшим удивлением — природе надежд, которые он содержит. Это посвящение молодого миссионера, достаточно преданного, чтобы отдать жизнь делу, которое он собирается начать; и в словах, которые ему говорит в последний момент его духовный отец, нет никакого видения бессмертия, нет ни луча вечного света, только ожидание абсолютного покоя, прекращения жизни, чьё безразличие — здесь, на земле, начало. Пурна ничего не боится, потому что самое худшее, что с ним может случиться — это счастье умереть.

А теперь я вспоминаю человека, которого забрасывали камнями не Кронапарантаки, а жители берегов Иордана. Его забросали камнями до смерти; и в момент последнего ухода я не вижу, чтобы он радовался, что, наконец, сбросит бремя существования, но слышу, как он

восклицает: «Господи Иисусе, прими дух мой!» Деяния 7:59. Этот человек — Стефан. Я думаю о другом миссионере, который, после того как был в кандалах, избит, подвергался тысячам мучений, пишет из тюрьмы любимому ученику: «Ибо я уже становлюсь жертвою, и время моего отшествия настало. Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный...» 2 Тимофею 4:6–8. Этот человек — Павел.

Стефан и Павел были христианами. Сравните тон их последних слов с речами Сократа и с буддийским диалогом, который мы только что прочли. Такова вера Евангелия. И тогда как мудрецы древности могли донести своё учение только до немногих учеников, апостолы за короткое время распространили учение своего Учителя во всех слоях общества. Иисус это предсказал; и Он хорошо знал, что это будет чудом.

Однажды к Нему пришли с просьбой показать знаки Его миссии; упомянув исцелённых больных, воскрешённых мёртвых, Он искал чудо ещё большее и добавил: «Евангелие провозглашается бедным» Луки 4:18.

И теперь, рассказал ли я вам всё Евангелие? Конечно, нет. Я показал вам только одну его сторону; говорил о восстановлении первоначальных истин, которое является следствием дела Христа, а не о самом деле. Если бы я остановился на этом, если бы ограничился покрыть плечи Сократа лоскутками, вы бы обвинили меня в том, что я стираю характерные черты миссии Господа и проповеди Его апостолов — и вы были бы правы. Слова, открывающие нам замысел Божий и Его любовь, светлы, легки и приятны для принятия. Но вы, верующие, хорошо знаете, что эти слова не содержат всей вашей веры; а вы, неверующие, тоже знаете, что это не те слова, которые вы особенно отказываетесь принять.

Так давайте завершим наше изложение. С чего начинает Иисус? С проповеди покаяния и обращения. Он призывает человека отказаться от любви к деньгам, чтобы облечься в дух бедности, отказаться от гордыни, чтобы стать смиренным; просит отказаться от самого себя не для того, чтобы потеряться, а чтобы найти себя в порядке, в свете, в мире. Прочтите эти странные блаженства, которые удивили бы нас своей новизной, если бы не притупленность привычки, о которой мы говорили ранее.

Евангелие осуждает многое из того, что мы любим; оно предписывает нам любить многие вещи, которые мы ненавидим. Богатство, слава, почести — это возможности для искушений и падений; страдания, унижения, позор — часть царственных путей, ведущих к жизни вечной. И изменение, которого требует Иисус от своих учеников, настолько велико, настолько фундаментально, что Он сам называет его новым рождением. Что значит это слово? Кто способен на это? Кто здесь осмелится встать и сказать: «Это хорошо, и я делаю это естественно; я делаю это по своей силе; я ищу всё своё счастье в самоотвержении; исполнение Божьей воли, отказ от собственной воли — моё единственное правило и вся моя радость»? Если бы мои слушатели были только теми, кто смело так говорит, я думаю, господа, вы бы все покинули этот зал, и лучшие ушли бы первыми.

Мы не в порядке; мы нарушили основополагающий закон нашей природы и страдаем за это; мы потеряли право на жизнь вечную, и, отделённые от Бога, оказались в нищете. Иисус знает это и провозглашает: именно поэтому Он пришёл. Он — врач, который ищет больного, чтобы исцелить; Он — добрый Пастырь, бегущий за заблудшей овцой. Он — освободитель, не Будда, обещающий в покое смерти конец страданий, а Автор спасения, приносящий грешнику прощение и поддерживающий нашу нищету силой Своей благодати.

Он приходит — Он это говорит — приходит «искать и спасать погибшее» (Лука 19:10) и вернуть человека к счастью, восстанавливая его в святости. Это не просто учение, которое приносит Иисус Христос, не теория о природе вещей; Он объявляет акт милосердия, в котором Он Сам является исполнением. Он — Автор прощения, через Него мы получаем

силу и свет; Он — жизнь мира и победитель смерти, таково свидетельство, которое Он даёт Сам о Себе. Так говорят и апостолы. Они провозглашают прощение и спасение, приобретённое через их Учителя и силу Его жертвы; они говорят, что жизнь вечная — заповедь древних дней — стала новым даром благодати; они утверждают, что силой Иисуса душа, испытывая боль покаяния, должна возродиться к надежде жизни и силе добра.

Евангелие провозглашает прощение Бога и обещает возрождение падшего создания, восстановление порядка — это должна быть неизбежная плата за благодать. Эти два элемента неразделимы. Мораль — не вся религия, но нет ничего более опасного и ложного, чем представление о религии, которая не ведёт к восстановлению морального порядка. Так говорил, разными словами, человек, который положил богатства своего духа под покров смирения сердца: Александр Винэ. Одна из его самых любимых мыслей — что дело, начатое в глубинах божественной сущности и проявленное на Голгофе, завершится лишь в сознании прощённого и призванного к свету человека.

Вот Евангелие в истинном смысле этого слова. Это не просто учение о доброте принципа вселенной; Евангелие — это сострадание Бога, Его прощение и благодать; Евангелие — это Крест и Воскресение Спасителя. И, чтобы ничего не упустить, Евангелие имеет две стороны: одна — мир и свет, это провозглашение плана творческой любви; другая — мрачна (известный автор не побоялся назвать её отвратительной) — это грех, это жертва креста и жертва человеческого сердца в глубинах совести. Евангелие — свет, но оно проявляется только в страшной тьме; Евангелие — слово любви, но это слово борьбы, отказов и жертв.

Евангелие полно самых сильных контрастов. Хотите понять почему? Мы все желаем счастья, и когда нам говорят, что Бог хочет сделать нас счастливыми навсегда, мы охотно соглашаемся с этой мыслью. Но жизненные разочарования и неизбежность смерти заставляют каждое существо вздыхать, и когда не говорят о грехе, мы не понимаем, почему Бог, желающий нашего счастья, так часто скрывает своё лицо и оставляет нас в несчастье. В глубине нашей совести у всех нас есть представление о святости, и когда говорят, что Бог хочет, чтобы мы были чисты, как Он, лишь у немногих это пробуждает отклик. Но когда не упоминают благодать, мы не понимаем, почему Бог оставляет нас такими слабыми в жизненных испытаниях. Послушайте Расина, переводящего апостола, который сам переводит человеческое сердце:

«Боже мой, какая жестокая война!
Во мне двое людей:
Один хочет, полон любви к Тебе,
Чтоб сердце всегда было верно Тебе;
Другой, восставая против Твоей воли,
Бунтует против закона Твоего.
Один — весь дух и весь небесен,
Желает всегда быть привязан к небу
И к вечным благам прикоснуться,
Он ничего не считает важным, кроме их;
Другой, тяжким грузом обременённый,
Тянет меня к земле.
Ах! Война с самим собой —
Где же я найду мир?
Хочу — но никогда не совершаю;
Хочу, но, о, крайняя беда! —
Не делаю добра, что люблю,
А совершаю зло, что ненавижу».

Когда эти слова впервые произносились перед Людовиком XIV, для которого они были написаны, монарх, повернувшись к мадам де Ментенон, сказал: «Ах, мадам, как хорошо я знаю этих двух человек!». Мы тоже их знаем, хотя и не являемся Людовиком XIV. У нас есть желание добра, тайное ощущение, что нет устойчивого счастья вне порядка; и когда говорят нам о великих перспективах вечной и блаженной жизни, если бы мы могли выразить, что иногда происходит в нас, если бы мы могли открыть самих себе глубину наших мыслей, мы сказали бы: «Это красиво, это хорошо, это достойно желаний; я хотел бы верить, но не смею». Вы не смеете! Понимаете ли теперь, почему слово прощения — это слово жизни вечной? Понимаете ли, почему Крест Голгофы — кровавая дверь в Царство Небесное?

Сознание греха — это туча, закрывающая нам будущее. Чувство нашей недостойности проявляется в сомнении. Слово надежды может дойти до нас только в форме слова милосердия. Вот почему мудрецы древности ясно видели идеал на своём горизонте, но словно останавливались на пути, который хотели пройти, потому что чувство нищеты и зла преграждало им дорогу. «Другое, — говорит святой Августин, — видеть с вершины горы и из глубины дикого леса свою спокойную родину, не находя дороги; другое — действительно идти по дороге, которая ведёт к ней. Платоники в некотором смысле знают невидимую природу; но путь к этой верховной блаженности — Иисус Христос, распятый — кажется им презренным; они отказываются идти по нему и потому не могут достичь святилища, где пребывает покой, хотя свет, исходящий оттуда, озаряет их разум отдалённым сиянием».

Подведем итог. Цель создания разумных существ — их счастье. Эти существа созданы свободными, потому что свобода — образ божественной природы и сама условие счастья. Грех вошёл с последствиями: тьмой ума и нищетой сердца. Человек вступил в борьбу с самим собой; разум хотел вернуть лучи затемнённого света, совесть протестовала против течения падения; отсюда — борьба, развитие, отступления, страдания древней мысли. Затем Бог вмешался актом Своей высшей силы, движимый милосердием. Он вмешался, чтобы предложить Свою благодать, не навязывая её, чтобы просить свободу, не принуждая её.

В Боге есть две воли: творческая и искупительная; но эти две воли — одна, потому что исходят от единого Бога; одна, потому что проявляют одну любовь; одна, потому что дело Евангелия восстанавливает и завершает в человеке изначальный план творения. Вы слышали о древних манускриптах, чьи знаки были стёрты невежественными руками, и пергамент был использован повторно для записи другого текста. Учёные, желая найти давно зарытые сокровища, смогли прочесть на этих старых документах первоначальное письмо: «Человеческая душа — палимпсест*. Под банальным текстом жизни она скрывает таинственные и почти стертые символы возвышенной книги, Евангелия, открытого в начале времён».

**(Палимпсест (от греч. palin — снова, psēstos — соскабливаемый) — это переписанный рукописный текст, в котором старый текст был стёрт или смыт, а поверх него нанесён новый) Прим.Ред.*

Дело Иисуса Христа — стереть грех, чтобы дать жизнь в наших душах плану любви Создателя. Это вмешательство Бога для спасения человека — и есть сверхъестественный порядок в его сущности. Бог есть в природе, ибо все через Него имеет движение и бытие; но Он выше природы в полноте Своей силы и в тайнах Своей неизмеримой свободы. Свободная воля, божественные законы, по которым грех порождает тьму и нищету, неравная борьба человека, оставленного на собственные силы, против потока, что его уносит — вот что в нравственном порядке мы называем природой, то есть порядком вещей, открытым опытом.

Бог разорвал эту роковую цепь актом Своей любви; Иисус Христос явился. Всё Его предвещает, всё к Нему готовит. Иудеи и язычники, величия человечества и его бедствия — как в порядке Провидения, так и в порядке благодати — все они Его предвестники; Восток и

Запад вместе прокладывают Ему путь; религии и философии сходятся, чтобы воздвигнуть Ему тропы. Всё предвещает, всё готовит, но ничто не рождает Его. Когда ночь близится к концу, тьма на мгновение усиливается, звёзды меркнут, белый свет появляется на горизонте и скоро загорается; всё предвещает восход солнца, но не рассвет рождает солнце.

Иисус Христос — центр истории, цель всех процессов человечества; но Иисус Христос разрывает историю, чтобы показать, что любовь Божия превосходит указ создания, который породил и поддерживает свободу. Он разрывает и природу, чтобы после поклонения Богу в великолепии вселенной, мы поклонялись Ему в тайнах Его силы, которые вселенная не вмещает и не ограничивает. Христа кладут в гроб… Он выходит из него; и именно во имя Его воскресения провозглашают жизнь вечную. Евангелие по существу — это искупление человека. Искупление — акт бесконечного милосердия; и этот акт — основа сверхъестественного порядка, чудо в истории и природе — лишь внешнее и вторичное проявление.

Теперь вы можете судить, как некоторые утверждают, можно ли отделить дело Евангелия от дела сверхъестественного порядка. Мы можем мысленно стереть из новозаветных рассказов то или иное чудо, не исказив доброй вести. Нельзя на основании одного детали отвергать сам центр и начало всех евангельских событий. Но если оставить в стороне все особые проявления божественной силы, Иисус Христос останется — и это чудо превыше всего. Если убрать акт милосердия, который дал нам Его как Спасителя, мы убираем Евангелие в истинном смысле слова: Искупитель исчезает, остается только мудрец из Назарета. И всё же Иисус так глубоко оставил свой след на пути человечества, что даже после ухода Христа надо воздвигнуть Ему памятник в пантеоне истории — между мудрым Сократом и Буддой Шакьямуни.

Если убрать сверхъестественное — мы теряем Иисуса Христа; сохраняем ли хотя бы элементарные истины религии — Бога, бессмертие и мораль? Так утверждают. Когда Евангелие сводят только к естественной религии, подкреплённой чудом, говорят, что истина есть истина и её надо принимать за эту истину, неважно, была ли она открыта или нет, и что, поскольку великие религиозные догматы могут быть доказаны разумом, вопрос о сверхъестественном — пустой. Эти утверждения требуют обсуждения. Как мы сказали: мудрецы язычества догадывались о высоких истинах, и даже сегодня люди вне откровения приходят к подобным озарениям. Но когда человек узнал Евангелие и принял его обетования, если он отвернётся от него, будет ли он в положении Сократа? Нет, это не точно.

Когда человек отказывается от веры, после того как вкусил её света, может наступить в душе кризис, наглядно показывающий всю важность вопроса сверхъестественного. Чтобы описать этот кризис разума, я возьму слова человека, которого никто не заподозрит в защите моей позиции.

В диалоге, опубликованном в 1858 году в «Новой теологической рецензии» из Страсбурга, г-н Эдмон Шерер вводит двух собеседников, один из которых резко критикует сверхъестественный порядок, а другой слабо его защищает. Один из них в конце говорит так:

> «Когда я чувствую, что вера в чудо колеблется во мне, я вижу, как образ моего Бога тускнеет перед моими глазами; Он постепенно перестаёт быть для меня свободным, живым Богом, личным Богом, Богом, с Которым душа беседует, как с учителем и другом. И когда этот святой диалог прерван, что нам остаётся? Как печальна и разочарована тогда жизнь! Ограниченные лишь едой, сном и заработком, лишённые всяких перспектив, как детскими кажутся нам наши зрелые годы, как печальна старость, как бессмысленны наши суетные тревоги!»

> «Больше нет тайны — нет неизвестного, нет бесконечности, нет неба над головой, нет поэзии. Ах, будьте уверены — неверие, отвергающее чудо, ведёт к опустошению неба и разочарованию земли. Сверхъестественное — естественная сфера души. Это сущность её веры, надежды и любви. Я знаю, что критика изящна, что её аргументы часто кажутся победоносными; но я знаю ещё одно — и, возможно, мог бы обратиться к вашему опыту — что, перестав верить в чудо, душа теряет секрет божественной жизни; она начинает испытывать соблазны бездны; падение всё быстрее уносит её от Бога и святых ангелов; она теряет одно за другим благочестие, праведность, гений, и вскоре валяется на земле — иногда даже в грязи».

Другой собеседник отвечает после некоторого возражения:

> «В глубине души я согласен с вами. Я слишком хорошо знаю, что чудо — особая часть веры, и с исчезновением чуда могут исчезнуть небо и ад, Иисус Христос и даже Бог, и различение добра и зла, и всё, что возвысило нас над язычеством. Да, нам нужен живой и присутствующий Бог, и только сверхъестественное даёт нам Его. Бог, который не может или не хочет спуститься на нашу землю, чтобы проявить там Свою силу и славу — это Бог деизма, скрытый механик на небесах, абстракция духа, мёртвый Бог».

Эти слова выражают не только мою мысль — они её превосходят. Я лишь делаю вывод: вопрос сверхъестественного — для тех, кто понимает смысл слов — вопрос Евангелия, может стать для многих в христианстве вопросом Бога и вечного будущего. Скажите, цитируя эти слова, красивые своей глубокой печалью, я хочу напугать вас и держать в страхе? Да, я хочу вас напугать. Но разве это чувство недостойно человека — бояться потерять своего Бога, бояться тьмы, находясь в свете, бояться отчаяния, будучи утешённым?

Но наши чувства не являются абсолютным мерилом истины. Если бы наука однозначно доказала, что вмешательство Бога — это выдумка, нам оставалось бы только отвернуться и оплакать потерю наших надежд. Такое говорят. Утверждают, что критика нашего времени отнесла христианские доктрины к числу суеверий. Это утверждение станет предметом нашего рассмотрения. Но идут дальше — они не опираются лишь на результаты науки; утверждают, в общем, что вера в сверхъестественный порядок несовместима с развитием ума, что вмешательство Бога в мир — это грубая, механическая идея, недостойная образованного человека XIX века, и не заслуживающая серьёзного обсуждения. Голоса эти приходят отовсюду: Германия посылает их нам, Париж в ответ отправляет обратно, и я боюсь, что эхо наших гор отвечает им слишком охотно. Я слышу эти слова, огорчаюсь… но не паникую.

Что ж, если для определённой «мудрости» Евангелие — безумие, то так и быть! Апостол Павел говорит об этом ясно, и Иисус Христос тоже ясно даёт это понять. Но много вещей кажется безумием для определённой «мудрости»: долг — суровое безумие для человека удовольствий; самоотверженность — безумие для рассудительных расчётов человеческой мудрости. Кроме того, в этой униженной позиции, в которую ставит нас христианская вера между учёными, нам не занимать утешений и богатых подаяний для нашей гордости.

Учёные Александрийской школы, отвергавшие проповедь Креста, обладали блестящим умом и обширной учёностью. Но разве епископ Августин из Гиппона не был столь же образованным и глубокомысленным человеком? В более поздние времена можно вспомнить Лейбница — философа и математика вовсе не заурядного, который относился к истинам веры с уважением и стремился их защищать. Помню Паскаля, который мог без безумной амбиции претендовать стать первым физиком своего времени и одним из самых прославленных математиков мира, но однажды прервал свои вычисления и оставил барометры, чтобы полностью посвятить себя делу Иисуса Христа. Помню Ньютона,

неплохого астронома, который никогда не называл Бога Евангелия без знака уважения, и который смело завершал трактат по оптике напоминанием о главном законе: «любить Бога всем сердцем и ближнего как самого себя» Матфея 22:37–40.

Слышал, что в недавние времена выдающиеся учёные, историки и философы сходили с высот своих знаний, чтобы верить, поклоняться и молиться вместе с простыми людьми. Размышляя о судьбах этих великих ушедших, я принимаю для себя такой вывод: если сегодня какой-то современный гений или учёный, отметив меня ярлыком «малого ума», захочет закрыть передо мной двери науки и отказать в праве называться своим коллегой — пусть будет так. Это не доводы и даже не серьёзные претензии. Главное — показать, что современным предубеждениям можно противопоставить иные взгляды.

Но да храни нас Бог вводить в поиски истины мелочные соображения тщеславия! И горе нам, если, когда речь идёт о наших самых важных интересах, мы слепо поддаёмся этой капризной и переменчивой силе, которую называют духом времени, не размышляя, что, по самому определению, эта сила, рожденная вчера, вполне может исчезнуть завтра. Господа, если вы не считаете дело сверхъестественного порядка совершенно безнадёжным, я предлагаю выслушать, что можно сказать в его защиту, не мудрствуя лукаво и не пряча под старыми словами новые мысли, а понимая сверхъестественное так, как его понимали святой Павел, святой Августин, Паскаль и вся христианская традиция — так, как его понимают старушки и малыши. Перед идеей прямого вмешательства Бога я понимаю сомнения и отрицания; и к серьёзному сомнению, как и к серьёзному отрицанию, я не буду относиться ни с сарказмом, ни с презрением. Что же я до сих пор не могу понять — так это того, что может быть две манеры верить.

Краткий обзор четвертой лекции вернуться к содержанию >>>

Некоторые философы утверждают, что религии — лишь продукты человеческого воображения, а абсолютная истина религии — недопустима для серьёзного ума. Это противоречит истории.

- Иисус из Назарета обещал святым вечную жизнь — состояние постоянного счастья, основанное на полном единстве с Богом.
- В его учении долг и счастье — два аспекта одного факта: согласия воли человека и Божьей воли.
- Истинное счастье связано с любовью, и эгоистическое стремление к наслаждению противоречит воле Бога.
- Вечная жизнь начинается уже сейчас, через веру и единение с Богом, охватывая прошлое, настоящее и будущее.
- Контраст с сомнениями Сократа и безнадёжностью буддистов подчёркивает силу христианской веры.
- Евангелие — не только сообщение о Божьей любви, но и объявление милосердия, прощения и благодати через Иисуса Спасителя.
- Это восстановление первоначального замысла Бога о союзе человека с Ним, нарушенного грехом.

Сверхъестественный порядок:

- Вмешательство Бога в спасение — сверхъестественное чудо, основа Евангелия.
- Отрицание этого ведёт к потере веры в Бога и жизнь вечную, ниже даже философов-древних.
- Для многих современников вера в Евангелие и надежда на жизнь вечную тесно связаны.
- Современные аргументы против сверхъестественного порядка часто основаны на предвзятых «модных» взглядах, а не на объективных исследованиях.

ПЯТАЯ ЛЕКЦИЯ вернуться к содержанию >>>

ЕВАНГЕЛИЕ ПЕРЕД НАУКОЙ И ВЕРОЙ

Господа, Предметом нашего исследования не является какое-то абстрактное бессмертие душ, а именно вечная жизнь, предложенная и обещанная Иисусом Христом. По самой своей природе наша тема приводит нас непосредственно к Евангелию; а поскольку судьбы Евангелия связаны с вопросом сверхъестественного, то именно этот вопрос мы сегодня и рассмотрим.

Говорят, что вера в прямое вмешательство Бога несовместима с современной наукой; вот это утверждение нам предстоит проверить. Прежде всего, чётко сформулируем христианскую позицию.

Физический мир был создан и поддерживается непрерывным актом божественной воли; но в этом мире материи человеческий дух находит свои собственные законы: альманах может заранее предсказать разнообразные движения небесных светил, указать точный час и минуту затмения; учёный своими расчётами встречается, в своей комнате, с реальностями, происходящими на небесах. В природе существует определённый порядок, фиксированные законы, и творческая мысль раскрывает свой секрет человеческому разуму. Наряду с полезной наукой, которая питает промышленность, развивается наука, удовлетворяющая благородное любопытство духа, и для благочестивой души она становится гимном Вечному, к которому каждая новая гениальная находка добавляет новую ноту. Для верующего в Бога то, что называют законом природы, есть всего лишь способ действия Создателя неба и земли. Если теперь в истории встречается утверждение о событии, которое полностью отклоняется от обычного хода вещей — например, воскресение мёртвого, — то с точки зрения нашего опыта мы скажем, что этого не было или что это необычайное событие.

Рядом с материальным миром существует мир моральный, включающий явления разума и свободы. Здесь человеческий дух тоже обнаруживает регулярные проявления, которые он называет законами. Он замечает, например, что в жизни отдельного человека беспорядок воли приносит страдание; что в жизни народов вседозволенность и анархия предшествуют деспотизму. Но здесь наука уже не имеет дело с абсолютно строгими законами — почему? Потому что здесь мы имеем дело не с инертной и пассивной материей; мы уже не наблюдаем молекулы земли или небесных светил, повинующихся слову, которого никогда не слышали.

В духовном мире есть слово, которое слышат и которое можно либо нарушить, либо принять; есть две силы: божественная воля, создавшая и управляющая всем, и созданная воля, которая тоже проявляет свою власть. «Сердце человека обдумывает свой путь, но Господь направляет шаги его» (Притчи 16:9). Опыт, однако, открывает в моральных явлениях реальную, хоть и не абсолютно строгую, закономерность, и прежде всего — границы, которые никогда не пересекаются. Если же в этом новом порядке мы встречаем утверждение, совершенно выходящее за пределы наблюдаемого — например, что на этой земле появился совершенный человек, — мы опять скажем, что этого не было или что это исключение.

Христианская позиция такова: необычное существует, и его центр и высшая точка — Иисус Христос. Для них это необычное — сверхъестественное; вот как они это объясняют: Создание было сделано свободным, и в силу этой свободы оно могло нарушить божественный закон. Оно действительно нарушило его; грех вошёл в мир, и по предписанию, идущему с самого сотворения и составляющему моральную природу, за беспорядком воли последовали страдания сердца и мрак разума. Но Бог вмешался, чтобы разорвать рабство греха, чтобы восстановить свободу, не принуждая её, силой своего прощения и помощью своего духа. Искупленная воля, рассматриваемая в Боге как акт

милосердия, составляет сущность сверхъестественного, божественного сверхъестественного, в противоположность природному порядку, согласно которому творение было бы предано всем последствиям своего мятежа.

Историческое сверхъестественное, или чудо, — это лишь внешнее и вторичное проявление решения высшей любви. Таким образом, в Боге существуют две воли, но эти две воли едины в их источнике — в Боге, и в их мотиве — в любви; мы уже это сказали. Эти мысли касаются глубинных тайн христианства; но будь они истинными, ложными или сомнительными, они ясны сами по себе: те, кто их отрицает, прекрасно знают, что отвергают.

Термин «сверхъестественное», который мы употребляем, следуя обычаю, может вызвать ложные толкования, которые нужно предотвратить. Он мог бы ввести ум в опаснейшее заблуждение, если бы кто-то стал считать, будто природа — это некая самостоятельная сила, в которую Бог вмешивается извне, как чуждый ей агент. В действительности же природа — это не что иное, как замысел, по которому Бог одновременно творит и поддерживает бытие вселенной. Только по небрежности можно было бы назвать сверхъестественный порядок, то есть проявление высшей воли, движимой божественной любовью, произвольным действием. Следует помнить, что понятие произвольности исчезает перед Существом, являющимся абсолютным источником всякого закона.

Наконец, если под природой понимать человека таким, каким он должен был быть в замысле любящего Создателя свободы, то Иисус Христос — единственный настоящий человек, а мы, из-за греха, утратили полноту своей истинной природы, стали ниже ее, если так можно выразиться, или скорее стали противоестественными. Но главное — хорошо понять друг друга, и я верю, что после этих разъяснений в наших умах не останется двусмысленности. Двусмысленность была бы опасна, наоборот, если бы мы называли природой идеальный порядок, то, что должно быть, в обсуждении, где слово «природа» почти неизменно означает факт, выявленный в опыте обычного хода событий.

Две воли, которые мы признаём в Боге, едины в тесной гармонии. Эта тайна есть не только в высотах небес; мы её находим и в глубинах нашего сознания. Погрузимся в себя. Что такое усилие человека, то есть природа в нас? Что такое благодать Божия, то есть сверхъестественное в нас? Спросите христианина, который размышлял об этом. Спросите, может ли он указать границы этих двух сил? Он ответит, что нет, потому что Бог — абсолютная причина нашего бытия, и дело Его благодати — дать нам волю, которой нам не хватает. Спросите затем, означает ли отсутствие границ, что человеческая воля и божественная благодать — одно и то же? Вы услышите его ответ.

Природное и сверхъестественное в истории представлены в сходных условиях; их различие глубоко, их единство интимно; дело Евангелия сочетается с природой, не смешиваясь с ней. Всё происходит от Бога; но грех, плод свободного выбора, нарушил прямой и единственный луч вечной любви. Вопрос таков: является ли Евангелие сверхъестественным, или же оно лишь естественное развитие человечества? Евангелие — от Бога или от людей? Этот вопрос, поставленный в таких терминах, не нов. Иисус Христос задавал его евреям своего времени, в связи с крещением Иоанна. Начнём с того, что чётко признаем, что он подразумевает.

Вопрос: вмешался ли Бог? подразумевает Бога свободного по отношению к вселенной, Бога, который не просто субстанция или закон мира, но его Создатель и Верховный Властелин. Без этой веры ясно, что вопрос не может быть разумно поставлен. Тому, кто отрицает Бога, живого, настоящего Бога, я здесь не отвечаю. Я обращаюсь только к деистам, которые признают существование Творца, но объявляют чудо невозможным. Ж.-Ж. Руссо сказал в одной из своих колких фраз: «Если кто-то действительно осмелился бы сказать, что Бог не может творить чудеса, я думаю, не стоило бы настолько его уважать,

чтобы наказывать; достаточно было бы запереть» («Письмо к архиепископу Бомону» (Lettre à M. de Beaumont, 1763). Я же хочу ответить тем, кого мой знаменитый соотечественник просто хотел бы посадить за решётку. Я хочу ответить не атеистам и пантеистам, а деистам, утверждающим невозможность откровения.

Сверхъестественному порядку противопоставляют тройное возражение: наука о природе, философия и история.

Начнём с естествознания; буду краток. Возможности вмешательства Бога противопоставляют абсолютной неизменности законов Вселенной. Это — простое заблуждение ума. Физические науки, достигшие в нашем веке высокого уровня развития, констатируют явления и их законы; но ни один физик в мире не сможет на основании наблюдений доказать, что эти явления необходимы и что их порядок не может быть ни прерван, ни нарушен. Это утверждение, совершенно чуждое экспериментальной науке, исходит из философии, и я без промедления перейду ко второму пункту дискуссии.

Говорят, что Бог, согласно философии, слишком мудр, чтобы изменять свои законы. Поправлять своё творение — удел лишь неумелого мастера. Вмешательство Бога означало бы ограничение Его мудрости; признание этого — оскорбление Его величия. Это возражение заслуживает внимания хотя бы из-за своей частоты. Оно основано на путанице между материальным порядком и духовным порядком; оно было бы оправдано, если бы речь шла о небесных телах, но не применимо к моральному миру.

Когда говорят о мастере и творении, думают о неживых телах — дереве, камне или металле, которые остаются такими, какими их создали, и не сопротивляются действию, изменившему их. Но предмет нашего обсуждения — не дерево или камень, а творение, которое может само себя изменять. Верите ли вы, что в духовных существах есть принцип свободы? Верите ли вы, что мы ответственны за свои поступки и можем совершать зло? Кто осмелится ответить «нет»? Бог свят, Он желает добра, абсолютного добра; зло — значит воля Его отвергается. Если мы совершаем злой поступок, произносим богохульное слово, замышляем нечистую мысль, то эти поступки, слова и мысли восстают к небу как вызов и говорят Святому: «Твоя воля не исполняется». Нет, она не исполняется — и Он всемогущ!

Чтобы сохранить идею Его абсолютной власти, вы готовы пожертвовать своей совестью, сказать, что добро и зло — одно и то же? Готовы утверждать, что всё происходящее — воля Божия? Вы думаете сохранить всемогущество, но какой ценой? Ценой достоинства человеческого существования. К какому результату придёте? К самой явной противоречивости. Вы сделали из Бога механическую силу, порождающую все эффекты, но отказали Ему в праве создавать свободных существ. Чтобы сделать Его всемогущим, вы лишили Его высшего проявления власти. Вы путаетесь в собственных мыслях.

Ах! Ведь создание свободы — это чудо чудес! Грех — одновременно самая яркая демонстрация силы Бытия, способного сотворить свободу, и самое странное ограничение силы Святого Бытия, чья воля нарушается. Вы не хотите признавать в Боге две воли и по этой причине отвергаете Евангелие. Но если отвергнуть Евангелие, вопрос остаётся. В Боге всё равно остаются две воли: одна — та, что создала нас свободными существами, и она исполняется; другая — та, что желает нам добра и счастья, и она не исполняется.

Этот тайный парадокс — не только на Небесах, не только на Голгофе; он есть в глубине разума честного человека. Спустившись в эти глубины, долго всматриваясь в эти светлые тьмы, разум становится сдержаннее, и человек не так охотно решает великие вопросы простым здравым смыслом, который считает, что всё сказал, повторяя, что Бог слишком мудр, чтобы менять свои законы, и что только неумелый мастер исправляет своё творение. Мастер, который создаёт свободных существ, — один единственный, и именно поэтому любые аналогии в таком деле бесполезны и ведут к ошибке.

Если вы верите, что зло существует в мире, и что моральный закон — проявление вечной воли, подумайте, что вы отказываетесь признать в Боге. Во имя Его мудрости вы запрещаете Ему проявлять милосердие! Во имя Его силы вы отрицаете Ему власть восстановить волю, нарушенную чудом любви! Нет, нет, те, кто так говорит, плохо вдумываются в собственные мысли или не верят в живого и истинного Бога. Вот в чем суть трудности. Деизм уходит в современном движении мысли, уступая место доктринам, которые более или менее завуалированно отрицают нашего Бога. Того Бога, который Отец Своих творений, Бога, который знает и любит нас, Бога, который трепещет от наших страданий — я возвещаю всю эту возвышенную безумную веру христиан, Бога, который отдаёт Себя, чтобы человек мог отдаться Ему... Для некоторой философии это идол. Что ж, господа, если это идол, то я лучше буду язычником с Иисусом из Назарета, чем встану в ряд мудрецов в холодных храмах метафизики без надежды и утешения.

Идол! А кто же бог этих мудрецов? Безразличный геометр Вселенной? Даже меньше — субстанция, закон мира; существо (они особенно на этом настаивают), существо без сознания и воли... мёртвый бог. И эти люди чувствуют, что сердце и совесть протестуют против их доктрин, но осмеливаются бороться с самим собой; они делают своим суровым долгом принести в жертву всю свою человечность на алтарь чистой логики; утверждают, что сумерки религий уступили место свету философии, и что для мудреца теперь покой лишь на сверкающих вершинах, но где царят холод и смерть. Есть философия, безусловно, ведущая к таким результатам; есть и лучшая философия, которая от них отводит.

Я скажу это, я осмелюсь сказать, несмотря на страх показаться уступающим призывам собственного честолюбия: пусть мало значительна моя авторитетность, это не банальные слова человека, который никогда не смотрел за пределы узкого круга собственной мысли и традиций, в которых вырос. Вот уже почти двадцать лет метафизические спекуляции — предмет моих основных занятий и по вкусу, и по долгу. Я люблю эту благородную науку, которую называют философией; я с живой любовью люблю это гордое любопытство духа, который, желая постичь всё, свидетельствует сам себе о величии своего происхождения и благородстве своего предназначения.

И я говорю вам: несмотря на слабости моей веры и затемнения моего разума, я вижу в Евангелии не только лекарство от наших бед, поднятие в наших падениях, утешение в наших скорбях; я нахожу в смиренной вере христиан решение высочайших проблем, куда только может дойти философия, тайны, которым не учила Греция и которым не научились многие современные. Нет, нет! Разум заблуждается, когда думает удовлетвориться жертвой самых благородных инстинктов нашей природы. Истина узнаётся по тому, что она устанавливает гармонию в нашем внутреннем мире. Это не философия без Бога, а христианская наука способна оставить душу в покое и одновременно ответить на высшие требования человеческого духа.

Эти мысли не новы в нашей стране. Они часто встречаются в трудах Вине. В более метафизической форме они преподавались молодёжи Лозанны человеком, которого я мог бы назвать одним из своих учителей, если бы не предпочитал здесь пользоваться его дружбой, а не заслугами: господином Шарлем Секретаном. Книга Философия свободы — возможно, одна из немногих современных книг, где с большим умственным усердием и душевным теплом развиты доказательства моральной и метафизической ценности христианской веры. Я делаю вывод, что именно не философия отрицает сверхъестественное заранее, а определённая философия, которая по сути своей — замаскированный атеизм.

Перейдём к возражениям, основанным на критике и истории. Говорят нам, что история и критика доказывают: сверхъестественное, возможно или нет, не существовало. Утверждается, что вера в реальность чудесных проявлений была разрушена трудами

богословов; что, чтобы по-прежнему её принимать, надо оставаться вне научного течения. Я не отрицаю значительных изменений в богословской науке, вызванных открытиями и трудами современной науки, но отрицаю, что эти труды законно свергли веру в Божье Евангелие; отрицаю и приведу доказательства.

Наверное, вы слышали о докторе Штрауссе, чьё назначение на кафедру богословия около двадцати лет назад вызвало падение правительства кантона Цюрих. Он известен как один из самых учёных противников реальности евангельских рассказов, и его французский переводчик не преминул заявить в предисловии, что переводимое им произведение — результат немецкой науки. Однако у Штрауссa есть принципы, которым он следует и открыто излагает в начале своей работы. Вот они: «Всякое событие, несовместимое с известными законами природы, не является историческим. Психологические законы не позволяют верить, что человек мог действовать, мыслить, говорить иначе, чем остальные люди». Что это значит? Это значит, что этот доктор подошёл к евангельской истории с предвзятым убеждением, что сверхъестественных событий быть не может. Он пришёл к выводу, что их нет... что вполне ожидалось.

Возьмём другой пример, и выберу я его во Франции. Вы знаете позицию господина Ренана в религиозном мире. Он также отрицает сверхъестественное; и поскольку он обладает критическим умом, часто считают, что его отрицания — результат науки. Это заблуждение, быстро развенчиваемое внимательным изучением его трудов. Господин Ренан, как он сам признаётся, руководствуется принципом, предшествующим его историческим исследованиям и являющимся их руководящей нитью. Вот этот принцип: «Всякий факт, считающийся сверхъестественным, — ложь». Следовательно, он исключает из истории всё, что обладает характером прямого вмешательства Бога, после чего нигде не находит этого божественного вмешательства... что тоже было ожидаемо.

Но откуда у этого искусного литератора взялось это высшее правило исторической критики? Послушайте: «Бог, Провидение, бессмертие — всё это добрые старые слова, может быть, немного тяжеловесные, которые философия будет всё больше и больше интерпретировать в изысканных смыслах…» Вы слышите, господа? Имя Бога, это священное имя, перед которым хотя бы самые неверующие из нас склоняются с уважением, здесь — всего лишь старое слово, служащее не столько для выражения мудрой мысли, сколько для её прикрытия. А какая новая мысль скрывается за этим устаревшим словом? Слушайте дальше: «Вечная красота никогда не исчезнет в этом возвышенном имени, и человечество будет выбирать его как символ всего, что у него есть самого нежного, чистого, возвышенного, благородного. Вот поистине божественный человек, вот герой человечества».

Значит, не человек был создан по образу Бога, а то, что мы называем Богом, — это лишь блестящий фантом, подобный обманчивому миражу, в котором человечество восхищается собой. И не думайте, что я вырываю здесь из контекста какие-то фрагменты, вырванные из окружения и искажённые. Вы сможете найти ясное отрицание реальности Бога на страницах того же автора, опубликованных в последнем номере «Revue des Deux Mondes».

Я должен признаться, что испытываю особое отвращение к тем произведениям, которые заканчиваются как молитва, после того как утверждают, что абсолютный разум и абсолютная справедливость существуют только в человечестве, а вне человечества абсолютная справедливость и бесконечный разум — лишь абстракции. В такой системе вопрос о сверхъестественном, без сомнения, не может даже возникнуть; если Бога нет, было бы наивно спрашивать, как Он действует.

В недавнем произведении, которое имеет большую известность и поэтому важность, господин Ренан написал следующее утверждение, которое, если принимать его всерьёз, может опрокинуть основу моего рассуждения: «Это не во имя той или иной философии, а во

имя постоянного опыта мы отвергаем чудо в истории. Мы не говорим: чудо невозможно; мы говорим: до сих пор не было зафиксировано ни одного чуда».

Это утверждение не вызвало у меня никакого затруднения. Внимательный читатель без особого труда увидит его суть и значение. Достаточно открыть страницу 40 в том томе, где на странице LI расположены приведённые выше строки, чтобы убедиться, что автор чтит греческие школы, особенно Лукреция — искусного интерпретатора древнего атеизма, которого он в другом месте, и весьма необоснованно, приписывает опыту в целом и современной физике в частности исключение действия Бога в мире. Нужно быть либо очень невнимательным к самому себе, либо сильно рассчитывать на невнимательность читателей, чтобы утверждать, что чудо не объявляется невозможным в том же томе, где Лукреций представлен как истинный интерпретатор закона природы и вера в то, что «ход вещей — результат свободной воли божества», — лишь «красивая ошибка» (страница 41).

Когда отрицается существование Бога, независимого от природы, вопрос о сверхъестественном не решается ни опытом, ни философией; он не решается, потому что отказывается быть поставленным, отбрасывается как абсурдный сам по себе с презрительным отказом — по предвзятому мнению, которое можно назвать религиозным или метафизическим, и которое доминирует над всеми историческими исследованиями. Такая позиция неизбежно занимает господин Ренан, против которой он бесполезно протестует. Этот автор не философ в узком смысле слова; ему нельзя отказать в праве отказаться от этого титула, если он не знает или презирает его самые элементарные требования. Если утверждать, что у него есть своя система, и эта система — атеизм, этот колеблющийся и разносторонний ум мог бы с неким видимым основанием ответить, что его очень неправильно понимают и что он не заслужил ни чрезмерной чести, ни такого унижения.

На самом деле у него нет системы в смысле строгой и упорядоченной цепи мыслей; имя Бога — это слово, которое, кажется, отвечает некоторым чаяниям его души и которое ему нужно, чтобы обозначить объект своего культа, который он где-то называет менее лестно «бездной» или «трансцендентной природой человечества». Но под колебаниями его мысли, под противоречиями, численность и масштаб которых превосходят обычную меру, под извилинами, сложностями, нюансами и приёмами его стиля всё же можно распознать определённое течение, о котором, возможно, он сам не всегда ясно осознаёт.

Он объясняет природу и человечество без обращения к принципу, превосходящему человечество и природу. Атеизм, хоть и не является у него системой в строгом смысле, очевидно, вдохновляет его произведения. Я, кажется, доказал это в другом месте (в Revue chrétienne от 15 ноября 1862 года), опираясь на раннее его произведение. Внимательное чтение его новой книги лишь добавило мне новых и печальных доказательств в поддержку моей точки зрения. Книга господина Ренана под названием «Жизнь Иисуса» в своей общей концепции — отчаянная попытка объяснить Иисуса Христа и Его дело с точки зрения низшей философии истории, которая, устраняя Бога, лишает себя понимания величайшего в мире.

Итак, два учёных, которых я только что привёл в пример, не приходят к отрицанию сверхъестественного путём критики и истории; это отрицание — их исходный пункт, их аксиома. Думаю, что так обстоит дело во всех подобных случаях. Мои знания в этой области, правда, ограничены; но я не знаю ни одного теолога, который отрицал бы чудо, не заявив при этом каким-либо образом, что невозможность чуда является основой его мысли. Тогда феномен прост. В Средние века алхимики, искавшие философский камень, иногда находили золото в своих тиглях... когда они уже положили его туда с самого начала операции. Так поступают и наши знаменитые критики, когда по окончании своих исследований находят отрицание, которое было их исходной точкой.

Но, скажут, помимо всяких подробных обсуждений и специальных исследований документов, критический смысл сам по себе не допускает сверхъестественный порядок. Отвергнуть его — это законное исходное положение серьёзной работы; это не результат конкретного исследования, а общий итог привычки исследований и воспитания исторического чувства. Безусловно, я это признаю полностью, метод критика состоит и должен состоять в том, чтобы по возможности сводить факты к известным законам обычной жизни людей и развитию человеческих обществ. Но нельзя утверждать заранее, если только не исходить из метафизических принципов, что он не встретит фактов, которые ускользнут от его усилий и останутся исключениями в исторической ткани. Если он встретит такие факты и отвергнет их без достаточных оснований, только потому, что не хочет отказаться от своих обычных методов, не проявляет ли это слабость, а не силу его ума?

Критики нашего времени легко предрасположены отрицать сверхъестественный порядок — факт. Разве это предрасположение не является у них чистым предубеждением, следствием чрезмерно систематического мышления? Вот вопрос. Если они превращают этот факт в право и выдвигают это как аксиому, не подлежащую обсуждению, хотя, возможно, это просто предубеждение — в этом нет ничего удивительного. Но вопрос остаётся открытым, несмотря на их высокомерные утверждения, и аргумент, который нас интересует, при внимательном рассмотрении оказывается основанным лишь на авторитете тех, кто его выдвигает. Что делать? Против одной авторитетности противопоставлять другую.

Боссюэ показывает нам всемирную историю, вращающуюся вокруг Иисуса Христа как вокруг центра; но Боссюэ был епископом и историком по случаю; возможно, его имя не должно участвовать в этом споре. Давайте найдём что-то более значимое. Человек, написавший историю нашей родины — Швейцарии, который не был церковным человеком и, похоже, не был последовательным и практичным христианином, Жан де Мюллер, жил после Вольтера и Руссо, после всех усилий XVIII века. В 1782 году он находился в Касселе, в разгар своих огромных исторических исследований, и писал оттуда своему соотечественнику и другу Шарлю Бонне, который хорошо знал, насколько различалась их вера. Я беру одно из его писем от 27 мая:

> «Вы меня любите, мой дорогой и почтенный друг; не будете ли вы любить меня ещё больше, когда я стану больше похож на вас, когда вы узнаете, что ничто не разлучит нас никогда? С тех пор, как я в Касселе, я читаю древних авторов без исключения, в хронологическом порядке, и не пропускаю ни одного замечательного факта. Как-то два месяца назад мне пришло в голову заглянуть в Новый Завет, прежде чем я полностью добрался в своих чтениях до времени его написания. Как мне выразить то, что я там обнаружил? Я не читал его уже много лет, и, начиная чтение, был предубеждён против него. Свет, который ослепил святого Павла на пути в Дамаск, не был более поразительным и удивительным для него, чем для меня оказалось то, что я внезапно открыл: исполнение всех надежд, вершина всей философии, объяснение всех видимых противоречий физического и нравственного мира, жизнь и бессмертие.
>
> Я увидел самое удивительное, совершённое с помощью самых скромных средств. Я увидел связь всех революций Азии и Европы с этим жалким народом, который хранил завещание об обещаниях, как любят доверять Священные Писания кому-то, кто, не умея писать, не сможет их подделать. Я увидел, что религия появилась в самый благоприятный момент для своего утверждения и самым неподходящим способом для того, чтобы её приняли... Мир казался устроенным исключительно для того, чтобы содействовать религии Спасителя, я ничего больше не понимаю, если эта религия не от Бога. Я не читал никаких книг об этом; но изучая всё, что происходило до этого времени, я всегда находил нечто недостающее, и с тех пор как я познал нашего Господа, всё стало ясно для меня; с Ним нет ничего, что я не мог бы разрешить... Простите, что хвалю солнце, как слепой, который вдруг обрел дар зрения».

Видите ли вы? Вот историк, который подходит к Евангелию с равнодушием, более того — с враждебностью, как он сам заявляет; и, встретив Новый Завет, он начинает говорить об истории мира, как Боссюэ.

Но остаётся последнее возражение. Жан де Мюллер жил в прошлом веке, и то, что, как говорят, разрушило всякую веру в сверхъестественный порядок — это, прежде всего пробуждение исторических исследований, характерное для нашего века. Я ограничусь тем, чтобы ответить примером Огюстена Тьерри, одного из безусловных мастеров современной исторической науки. Я не говорю о его последних днях, моментах, когда всё объясняют, если нужно, старческим слабоумием. Огюстен Тьерри был в тесной дружбе с нашим соотечественником, недавно умершим господином Д'Эспином-старшим.

В письме, которое он написал ему в 1853 году, в то самое время, когда выходила одна из его важных публикаций, касающихся религиозного вопроса, он говорит о вере христиан как о гавани, к которой он стремится, «гавани, куда не ведёт чистый разум», этому разуму, «который утомляет его своими неуверенностями»; и добавляет строки, весьма значимые для тех, кто знает религиозную позицию его корреспондента: «То, чего я желаю, — это быть в моей общине тем, кем вы являетесь в вашей, — таким же твёрдым и в то же время таким же терпимым, как вы». Я не хочу придавать этим словам больший смысл, чем они содержат; я лишь делаю из них вывод: что в наше время человек, глубоко знакомый с историей, обладающий, по признанию всех, умом и гением, не нашёл в своих исследованиях ничего, что могло бы помешать ему искать ту гавань, которую предлагала ему вера христиан.

Таким образом, наука нашего века вовсе не решила вопрос о сверхъестественном, как нам говорят и громко утверждают. Дискуссия остаётся открытой. Всегда будут учёные, склонные отождествлять свои личные взгляды с наукой, считать поток собственных мыслей общей тенденцией духа времени. Всегда будут (и кто из нас не поддаётся иногда этому искушению) люди, готовые сказать, как Филандр из Мольера: «Души нет вне нас и наших друзей».

Но, глядя на вещи такими, какие они есть, никто не имеет права утверждать, что наука разрушила основы христианской веры; никто не имеет права утверждать это расплывчато, на основании чистого авторитета и без доказательств. Обратим внимание: этот постоянный призыв к современной науке, возможно, сам по себе уже свидетельствует против его законности. Когда точка доктрины действительно установлена, на неё опираются и при необходимости используют, но не возвращаются к ней каждую минуту. Когда возникает потребность так часто и громко провозглашать неоспоримость утверждения, не происходит ли это потому, что тайно ощущается, что оно может быть, что оно есть и что оно будет законно оспорено?

А теперь, какие доказательства мы можем привести, чтобы установить реальность сверхъестественного порядка? Прежде всего, важно чётко понять природу этих доказательств. Собираемся ли мы привести здесь абсолютные, неопровержимые доказательства, подобные тем, что дают геометры, — доказательства, которым невозможно возразить? Нет, это невозможно; легко это понять. Что же вы хотите, чтобы вам доказали таким образом? Сверхъестественные исторические чудеса? Если вы верите, что Бог был в Иисусе Христе, вы не будете удивлены, что послушная природа подчинилась своему Владыке, и что гробница отдала Князя жизни. Пока же вы не поверите, вас не заставить принять чудо.

Если вам о нём говорят, вы сначала ответите, что законы природы слишком хорошо известны, чтобы можно было допустить нечто подобное. Если настаивают на ценности свидетельств, вы ответите, что силы природы слишком плохо изучены, чтобы, учитывая установленный факт, можно было утверждать, что он выходит за пределы природы. Всегда найдётся способ избежать признания, если этого захотеть. И это могут быть одни и те же

люди, которые, в зависимости от нужд своего дела, будут поочерёдно давать эти два противоречивых ответа.

Для некоторых умов всё хорошо — и наше знание, и наше незнание, определённость и неопределённость законов, управляющих вселенной, — всё хорошо, лишь бы обойтись без Бога. А будет ли это сверхъестественное божественное, свободное решение любви Создателя, которое нужно установить логически, абсолютно? Что значит логически доказать и где искать наши аргументы? Логическое доказательство — это сведение к законам необходимости; это доказательство не того, что что-то есть, а того, что оно не может быть иначе. В области того, что доказывается таким образом, по самой природе вещей, не может быть ни свободы, ни любви. Говорить об акте любви, что он необходим, что он неизбежный результат цепочки логически связанных причин, — значит отрицать его в самой его сущности. Хотеть таким образом доказать божественное сверхъестественное значит предпринимать работу, противоречащую самому смыслу слов.

В нашем предмете не может быть доказательств в манере геометров. Претензия обладать доказательствами такого рода порождает высокомерие догматиков и, в естественной реакции, даёт оружие неверию: объявленное верующим доказательство оказывается недостаточным, и противник торжествует. Религиозные истины по самой своей природе ускользают от абсолютных доказательств. Это, впрочем, верно для всех моральных или исторических истин. Отсюда не следует, что наука не имеет большой задачи в их отношении. Есть христиане, которые, потому что научными методами злоупотребляли при применении к вопросам веры, хотят провести невозможное разделение между причиной Евангелия и разумным исследованием фактов, с которыми появление Евангелия тесно связано. Такие христиане поддаются необоснованному унынию, опасности которого очевидны.

Давайте чётко поставим вопрос. Предположим, я имею дело с человеком, знакомым с современной наукой, который нуждается в строгих методах и сомневается в Евангелии, не имея предвзятости против истины. Вот как я буду с ним поступать — не на поле моральных доказательств, которые всегда одинаковы, а на переменчивом поле научных споров. Я не буду пытаться напрямую доказывать ему Церковь или Новый Завет. Мой собеседник знает все споры о каноне Писаний. Что касается авторитета Церкви, создавшей этот сборник и гарантирующей его, очевидно, что этот авторитет зависит от решения главного и первостепенного вопроса — вопроса о природе и авторитете Иисуса Христа, основателя Церкви. Мне нужна историческая основа, содержащаяся в бесспорных документах.

И эта твёрдая основа у нас есть; эти бесспорные документы — у нас в руках. Отрицательные теологи из Германии оказали нам здесь настоящую услугу — добро выходит из зла. Они подвергли книги Нового Завета критике с духом разрушения, но очевидность фактов заставила их остановиться на четырёх посланиях апостола Павла: Послании к Римлянам, двух к Коринфянам и послании к Галатам. Таким образом, в нынешнем состоянии науки есть четыре послания Павла из Тарса, которые признают даже самые решительные сомневающиеся и которые были написаны приблизительно в 64 году нашей эры.

У нас есть основа, отправная точка, исторический факт, признанный учёными, далекими от веры. Я теперь открываю один из этих бесспорных документов, и вот что нахожу: «Напоминаю вам, братья, о Евангелии, которое я возвестил вам, а вы приняли и укрепились в нем. От него к вам и приходит спасение, если держитесь той Благой Вести, что я передал, если не зря уверовали. Прежде всего, я передал вам то, что и сам принял: Христос умер за наши грехи по Писаниям, был погребен и воскрес в третий день по Писаниям, явился Кифе, а затем и всем двенадцати апостолам, а потом явился более чем пятистам братьям сразу.

Большинство из них и поныне остаются с нами, а некоторые скончались. Потом Он явился Иакову, затем и всем апостолам. А после всех явился и мне…» (1 Коринфянам 15:1–8).

Что доказывают эти слова? Идеи Павла из Тарса? Гораздо больше. На момент написания письма была основана Церковь; Евангелие не только проповедовалось, но и принималось; христиане собрались в сообщество верующих на основе веры в Иисуса Христа, умершего и воскресшего. В этом отрывке Павел не учит, а напоминает об учении, полученном до даты письма. Павел свидетельствует о воскресении Иисуса Христа и ссылается на многочисленных свидетелей, многие из которых ещё живы. Он утверждает, что Господь явился и ему лично; а в послании к Галатам он говорит, что получил и узнал Евангелие не от человека, а через откровение Иисуса Христа (Галатам 1:11–12). Это положительные, категорические утверждения.

Теперь встаёт вопрос: апостол говорит, что получил откровения; что об этом думать? Обманывает ли он? Не осмеливаются уже так говорить. Был ли он жертвой галлюцинации, обманутым собственным воодушевлением, или же свидетельствует об Истине? Вопрос точен для верующих в Бога. Если решать его с позиции веры, исходя из бесспорной основы, которую дала нам наука, разум должен восстановить (если можно так выразиться) образ Иисуса Христа, Церкви, Писания. Если решать в духе рационализма, разум идёт другим путём — должен объяснять естественными средствами необычные явления, окружающие появление Евангелия. С одной стороны — изучается история откровений Бога, с другой — суеверные верования сводятся к рациональной истине. Как только отойти от немногих общепризнанных фактов, нет одной богословской науки — есть две, подчиняющиеся противоположным принципам. Нет одной критики — есть две: критика неверия и критика веры. Через бездну, разделяющую их, пока никто не смог проложить мост. Но как же принять сторону? Как решиться на веру или на отрицание? Продолжим собирать элементы этого вопроса.

Евангелие провозглашено; проследим за его судьбами в мире. Оно родилось в стране без культуры, и нельзя правдоподобно сказать, что оно является плодом светской античности. Его сразу же объявили в самых значимых центрах древней цивилизации, и нельзя сказать, что оно выросло во тьме. Оно утверждалось в течение трёх веков мученичества, и очевидно, что сила в успехах здесь ни при чём. В течение четырёх веков оно подвергалось нападкам самых известных учёных и философов, и нельзя сказать, что оно укреплялось вдали от споров, до того момента, когда было уже слишком поздно остановить его прогресс. После удивительного утверждения христианство сохраняется не менее чудесно. Оно одержало победу над атаками своих врагов и гонителей; одержало новую победу над слабостями, трусостью и предательствами своих учеников. Посреди всех человеческих бед, даже тех, которые оно само вызвало, я вижу, как оно сохраняет свой светлый и чистый след.

Я слышал, как один оратор публично обвинял Евангелие во всех преступлениях, совершённых во имя религии, во всех позорах христианства… Не знаю, есть ли более прекрасное доказательство его божественности, чем эта кровь и эта грязь! Послушайте поэта, обращающегося к Христу:

> «Человек не смог осквернить твой закон истины.
> Невежество затмило твой свет божественный,
> Ненависть спутала добродетели и грехи,
> Льстецы тиранов продали твои заповеди;
> Но всё ещё справедливость, любовь и свобода!
> И слепой разум спрашивает, какие чудеса
> Свидетельствуют о законах, что древние устои!
> Ах, чудо здесь — постоянное и бесконечное,
> Что эта истина сквозь потоки обмана,

Что светильник светит сквозь тьму мракобесия,
Что Слово Божие сквозь губы нечистые
Две тысячи лет прошло — и всё ещё божественно!»
(Ламартин, Hymne au Christ).

Красивые стихи могут содержать весомый аргумент; и, сказав прозой, что удивительно, как Евангелие устояло перед всеми нападками, которым оно подвергалось, и, быть может, ещё удивительнее, как оно устояло перед всеми слабостями своих учеников и преступлениями якобы христиан — будет сказано, по-моему, нечто серьёзное.

Вы же знаете, что Евангелие по-прежнему источник всего наилучшего на земле; вы знаете это глубоко, даже самый мало верующий из нас. Несмотря на всё, что вы скажете о лжебогобоязненных и лицемерах, если вы знаете хоть одного настоящего христианина — я говорю хотя бы одного — христианина, то есть человека, который, опираясь на Искупителя, ищет у своего Бога силы служить ближним, человека, предпочитающего скромные дела и неизвестные подвиги... не знаю, с кем вы обычно имеете общение, но в час беды именно такого человека вы захотите видеть рядом с собой.

Теперь, господа, я вкратце изложу основные идеи, которые легко будет развить далее.

Иисус сказал: «Я даю вам мир» (Иоанн 14:27). И вот уже восемнадцать веков тысячи голосов бедных и богатых, учёных и неучёных отвечают: «Да, Ты дал нам мир!»

Иисус сказал удивительную, если бы не привыкли, фразу: «Я — Истина». И с самых высоких вершин науки, истории и философии — люди, которые, может, и равны другим, но не имеют превосходящих их в мире, — ответили: «Да, Ты — Истина».

Иисус сказал: «Научите все народы» (Матфея 28:19–20); и это слово исполняется. И куда бы ни вела жажда наживы торговцев, куда бы ни влекло любопытство учёных, на самые знойные солнцем берега и на самые холодные побережья я вижу, как люди несут слово Евангелия и ставят Крест Спасителя.

Явление грандиозно, и я ещё не указал на влияние Иисуса на законы, нравы, учреждения; не сказал о цивилизации, которая властвует и господствует — это не цивилизация Востока, не цивилизация Запада, не цивилизация Севера или Юга, не цивилизация одной расы или другой, а христианская цивилизация, и она носит на челе знаки верховенства, которое никто не осмеливается оспаривать.

Да, христианская цивилизация покоряет мир, и соль, которая не даёт ей испортиться и погибнуть в собственной порче, — это Евангелие. И пусть не говорят нам, что, замкнувшись в нашем узком кругу, мы развиваем здесь риторическую тему, которую мог бы не хуже развернуть китайский учёный или индийский брахман. Всемирная история — это не простое сложение частных историй. Она представляет собой видимый поток, который несёт и ведёт нас к завоеванию Земли. Христианские народы имеют над всеми прочими превосходство, которым злоупотребляют, иногда отвратительно; но кто может этого не признать?

Это ли корабли Востока торгуют в наших портах? Армии Китая угрожают Лондону или Парижу? Брахманы и буддисты посылают к нам своих миссионеров? Это ли эти народы открывают и изучают нас? Разве не мы познаём их; не в библиотеках и университетах Европы в скором времени индус должен будет учиться истории своего народа и истинному смыслу документов своей литературы? И это бесспорное превосходство откуда? Опять же, не дело в расе или климате. Великие державы мира живут в разных климатах и происходят из разных рас; но все они основаны на базе этого Евангелия, которое они могут незаслуженно искажать, отвергать поступками, но которое всё же делает их силу и жизнь.

Эти народы, даже через насилие и преступления, становятся инструментами божественного плана и исполняют пророчество Жителя берегов Иордана, Который знал, что поле, где должно быть посеяно Его Слово, — это мир, и что все народы земли — Его наследие.

Говорят иногда, что более широкий взгляд на историю должен поколебать нашу веру, что изучение сравнительных религий возводит тучи, заслоняющие лучи божественности Евангелия. Поверьте, господа (и если я кажусь здесь говорящим с авторитетом, то лишь хочу обратиться к вашему рассуждению), поверьте, что мы движемся к совершенно противоположному результату. Евангелие уникально, так же как и цивилизация, выросшая на его основе. Чем глубже изучаются языческие религии, тем ярче выделяется сияющий венец на челе Сына Марии. Даже те, кто выступает против него, невольно признают его исключительность, когда ослабляют бдительность. Евангелие нельзя рассматривать как частный случай общего религиозного закона — оно выходит за пределы всех сравнений. В наши дни вряд ли найдётся серьёзный философ, который стал бы с этим спорить: вопрос о божественном происхождении религии поднимается, по сути, только в контексте христианства.

Таким образом, установление и сохранение Евангелия — это грандиозное, несравненное явление. И что мы находим в начале? Распятого на Кресте, на холме Иудеи, среди плачущих женщин и насмехающегося народа; и у подножия этого Креста несколько незначительных посланников, распространяющих по миру весть: «Этот повешенный на дереве — Сын Божий. Покайтесь!» Вот факты. Теперь я утверждаю, что их самое разумное объяснение — сказать: «Это дело Божье».

Задать вопрос, чётко сформулировать его, показать элементы ответа — вот всё, на что способно исследование и размышление по теме, которая нас занимает. Наука может разрешить возражения, которые сама же и породила в уме; но дело науки — не породить веру. Глубочайшие основания веры не лежат в области чистой мысли; их прочность не зависит от объёма наших знаний. Радуйтесь, что так и есть. Если бы для встречи с Богом нужно было быть учёным, то что бы стоили тогда все остальные неравенства человеческого бытия?

Работа ума может развеять враждебные предубеждения против религиозной истины, подготовить путь для Евангелия, установить его основания для доверия; но в формировании самой веры, той веры, что становится основой жизни, действует элемент другого рода. Почему же верующие верят? Спросите их. Они скажут, что источник их веры — встреча с обещаниями, милостями, светом, которые приносит Иисус Христос. Эта вера развивается постепенно у одних; у других внезапно овладевает душой в определённый момент; у всех же она — плод жизни, жизни души в самом широком смысле этого слова, жизни в отношениях с миром и с Богом. Чтобы понять ход их мыслей, формирование надежд, порой нужно, чтобы христианин рассказал вам всю свою жизнь и открыл последние тайны своей совести.

Можем ли мы указать всё, что ведёт к Евангелию? Боль, пресыщение удовольствиями, утраченные иллюзии, борьба со страстями, горькие падения, жизнь, разрушенная жестоким разрывом, нужда в силе, нужда в отдыхе, нужда в свете и разуме… Но кто сможет перечислить все пути, по которым идут души? Кто сможет назвать все точки горизонта, откуда приходят люди, встречающиеся у ног Иисуса Христа, чтобы в тысяче обличий засвидетельствовать Ему, как слепой из евангельской вести: «Был слеп, а теперь вижу» (Иоанн 9:25). Можно изучать и в некоторой мере распознавать различные пути, которыми верующие пришли к вере; но когда речь идёт о самом последнем факте, о формировании самой убеждённости — это остаётся тайной, секретом и делом Божьим.

Не подумайте, что я делаю исключение в пользу Евангелия или прибегаю к хитрости ради защиты религии Истины. Речь идёт об общем и глубоком законе нравственного и духовного

порядка: в этих сферах одного разума недостаточно для полного понимания. Паскаль сказал: «Если бы геометрия противоречила нашим страстям, нашлось бы достаточно людей, чтобы поставить под сомнение её доказательства». Также Лейбниц писал в «Размышление о метафизике»: «Истинные причины, почему люди не принимают очевидные истины, заключаются не в их разуме, а в их воле». Я не стану останавливаться на этом парадоксе, хотя вы могли бы копаться во всех анналах рода человеческого, не найдя людей более компетентных, чем Паскаль и Лейбниц, для высказываний на подобные темы. Я признаю, что в области наблюдения и расчёта не найдётся спора, который не мог бы быть разрешён самой наукой. Но стоит коснуться духовного мира — и всё иначе.

Вы верите в Бога, не так ли? При предложении стать атеистом вы, по крайней мере, ответите, как М. Вольтер: «Вселенная меня смущает, и я не могу думать, что часы идут без часовщика». Ну что ж, господа, разве вы не слышали, что существовали атеистические астрологи? Это вас удивляет, и меня тоже; но наше удивление лишь констатирует факт и не разрушает его. Небо и земля повествуют о могуществе и мудрости архитектора миров; но если вы не прославили Создателя, глядя на травинку или насекомое, пролетевшее мимо, самое глубокое изучение не приведёт вас к Нему ни в звёздах небесных, ни в чудесах земли. Вера в Бога предполагает, значит, нечто большее, чем чистая наука.

Вы верите в мораль. Вы бы сочли оскорблением того, кто бы в лицо сказал вам, что долг — это лишь приличное слово, под которым вы прячетесь в поисках собственного удовольствия. Разве не знаете вы, что реальность морального порядка отрицали не только грубые или легкомысленные люди, но и мыслители, уважаемые за силу разума? Разве не знаете вы, что серьёзные философы посвятили тома, доказывая, что долг — пустое слово и что мы всегда ищем лишь свою выгоду? Значит, вера в долг предполагает нечто большее, чем чистая наука. Что же произошло с теми, кто отрицает фундаментальные основы духовного порядка? Боролись ли они в своей совести против истины? Я не знаю. Не знаю, что Бог скажет им однажды. Многие из них показывают признаки нравственного характера, достойного уважения; и, не отрицая глубокой связи ошибки и греха, я не чувствую права говорить им, что они ошибаются, потому что злы. Но я имею право утверждать, ибо это очевидно из наблюдений: не наука копает пропасть, и не только наука способна заполнить её, открытую между богобоязненными и людьми, отрицающими Бога и Его закон.

В формировании самых элементарных верований духовного порядка рядом с умственной работой встречается тайна, которую я не могу уложить в рамки своих представлений. Говорить, что в рождении христианской веры, помимо науки, в душах происходит деяние другого рода — это тайна Бога, — значит не просить особого исключения для своей позиции. Но не злоупотребляйте этой истиной; не надейтесь на божественное действие, пребывая в трусливом сне — это прямое нарушение первого из наших обязанностей. Не ждите удара благодати; не ждите молнии, которая поразит Савла на пути в Дамаск. Обычные пути Провидения иные.

Вера по своему началу чаще всего — слабый отблеск, появляющийся в глубине сознания. Это та мысль, что однажды пришла вам в голову: Евангелие может быть истиной; это та потребность в прощении, которая повернула ваш взгляд к Искупителю; это то удивление, которое вызвала встреча с настоящим христианином. Это чувство сердца, эта мысль разума — бледный свет утренней зари, который, принятый в праведном сознании и поддержанный доброй волей, постепенно возрастёт до блеска полудня.

Чтобы идти этими путями, есть метод, указанный Иисусом Христом и подтверждённый опытом Его учеников. Он сводится к двум предписаниям: практике и молитве. Практика христианских дел ещё не рождается из веры, но из желания верить; молитва ещё не основана на уверенности в услышанности, а на надежде быть услышанным. В этом отношении позвольте привести вам факт, достойный вашего внимания. Один из членов

Национального собрания, Иснар, вызвал шепот в этом достаточно маловерующем собрании, произнеся атеистические слова: «Закон — вот мой Бог, другого я не знаю». Позже он подвергся преследованиям за то, что в разгар угрозы восстания воскликнул: «если Париж продолжит посягать на национальное представительство, скоро придётся искать место на берегах Сены, где когда-то был Париж». Скрываясь, он провёл шестнадцать месяцев в подвале Сен-Антуан. Там, словно потерянный в недрах земли, с перспективой лишь смерти, он обратился к Богу. Вот как он сам описывает свой опыт:

> «Я понял, что в окружении веры решение истины зависит не столько от усилий нашего разума, сколько от расположения нашего сердца... Я признал, что в тёмной ночи религиозной метафизики истина проявляется лишь во вспышках, которые нужно уловить, и подобна пламени, которое зажигает смиренная молитва и гасит гордыня... Я начал молиться, и чем ближе становился к Богу, тем я становился добрее, спокойнее и способнее распознавать истину».

Это не было мимолётным порывом: Иснар доказал своей скромной христианской жизнью в течение тридцати лет истинность своего обращения и силу молитвы, ведущей к вере. Метод внутренней и духовной жизни — дело проповедников напомнить вам его основы, дело христианских советников — помочь применить его на практике. Моя задача иная. Я обязан сказать вам, что могут дать изучение и размышление по таким вопросам. Я не проповедник с пастырской ответственностью, не аккредитованный богослов для изложения догм своей церкви. Я среди вас как простой человек, который имел вкус и время подумать об этих вещах и пришёл пригласить вас размышлять самостоятельно, не имея иной гарантии своих слов, кроме искренности своих поисков и серьёзного желания говорить вещи именно так, как он их понимает.

Сегодня я, прежде всего, стремился показать вам, что внешние черты откровения Иисуса Христа делают Его уважительным для разума. На нашей следующей лекции я постараюсь доказать, что учение Иисуса Христа о вечной жизни обращается к разуму, сердцу и совести людей с доброй волей.

† † †

Краткий обзор пятой лекции вернуться к содержанию >>>

Мир подчинён определённым законам, но явления, связанные с Иисусом Христом и его миссией, выходят за пределы этих законов и представляют собой сверхъестественный порядок.

- Вопрос историчности чудес — второстепенный; главное — признание особого божественного вмешательства через прощение и благодать.
- Противники сверхъестественного приводят аргументы из:
  - ✓ Естественных наук (закон физики) — но из постоянства явлений нельзя доказывать их необходимость.
  - ✓ Философии — утверждают, что Бог, как абсолютная мудрость, не может нарушать свои законы, но это проблема свободы творения, а не христианской веры.
  - ✓ Истории — критика сверхъестественного начинается с предвзятых гипотез, а не с фактов.
- Обоснование сверхъестественного порядка опирается на совокупность исторических фактов, влияния Евангелия и уникального положения христианской цивилизации.
- Вера основана не только на разуме, но и на моральных основаниях.

† † †

ШЕСТАЯ ЛЕКЦИЯ

вернуться к содержанию >>>

ХРИСТИАНСКОЕ УЧЕНИЕ О ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ

Господа, История показывает нам, что человек везде и всегда беспокоится о своём будущем. На вопросы, которые он себе задаёт по этому поводу, обширный Восток дал мрачный ответ, в основе которого мы находили лишь надежду на покой — глубокий сон без сновидений и без пробуждения.

В Греции, помимо ярких фантазий народного воображения, мы встретили слово мудрецов. Эти мыслители принесли важную пользу человеческому разуму: они подчеркнули отдельные черты нашего возвышенного достоинства, указали на духовную природу источника мышления. Однако, когда перед ними вставал вопрос о нашем личном и осознанном будущем, они проявляли нерешительность и в итоге прибегали к последнему утешению — мысли о том, что жизнь столь мала по своей ценности, что даже если её концом станет небытие, смерть покажется облегчением. Именно так говорил Сократ, и это всегда вызывало у меня удивление. Когда я представляю себе жизнь афинского философа — эту такую полную и живую жизнь под прекрасным греческим небом, в кругу самых благородных бесед, — меня поражает, что обладатель стольких благ так мало ценил жизнь. Но именно Сократ утверждал, что немногие из наших лучших дней стоят покоя сна.

Появляется Иисус Христос. Его голос наполняет сердца Его учеников глубокой верой в бессмертное будущее. Человечество встретило твердое слово, которое, отвечая на самые глубокие его потребности, превращает сомнения в радостную и спокойную уверенность. Можем ли мы всё ещё присоединиться к этим высоким надеждам? Перед болезнью, что нас съедает или угрожает, перед временем, что уносит нас, перед всеми этими голосами, говорящими: «Я веду тебя к смерти», можем ли мы, опираясь на слово Сына Божьего, ответить в смиренной и твёрдой надежде: «К жизни!»? И когда речь идёт о тех, кто покинул нас, вместо того, чтобы сказать: «Их больше нет», можем ли мы сказать: «Они родились к жизни небесной!»?

Это оспаривается; утверждается, что современная наука отнесла веру в Воскресшего к числу суеверий. Я старался доказать обратное, показать вам, что, учитывая всё, мы можем разделить великие мысли человека, который, к сожалению, служил разным целям, так что я могу позаимствовать у него лишь несколько пышных слов.

Как говорят некоторые, присутствуем ли мы на похоронах стареющего христианства? Было ли ему суждено износиться, как всему прочему? Должно ли было наступить время, когда оно станет лишь воспоминанием? Были ли надежды человечества, спасённого на Голгофе, лишь сном двадцати веков? Должны ли они встретить в конце второй гроб — запечатанный навсегда, а этот шум народов в движении — лишь процессия Христа? Нет, нет, оставьте эти пустые страхи слабым душам, тем, чьё сердце онемело и почти перестало биться, и чей взор ослабел во тьме. Не смущайтесь мрачной радостью этих бедных безумцев, которые, не имея ничего кроме смерти, чтобы утешиться смертью, считают солнце потушенным, когда вокруг них они воздвигают ночь, взметая пыль с гроба. Христос воскрес; он жив, и будет жить вечно.

Христос воскрес — это основа покоя, фундамент веры, которая надеется без гордыни и смиряется без уныния, потому что возложила свою надежду на любовь и прощение своего Бога. Иисус Христос — путь к жизни, к устойчивой и бесконечной жизни. Вечная жизнь — это примирение с Богом; и если вы размышляете о том, что только Бог вечен, вас не удивит услышать, что примириться с Ним — значит войти в вечность. Вечная жизнь — не только будущее, она охватывает настоящее и прошлое. Вечная жизнь существует уже сейчас в душах, соединённых со своим Творцом.

Я ограничусь своей особой темой: не буду касаться истории душ в момент их отделения от бренного тела, не буду говорить о страшных тайнах правосудия, применяемого к восстающим волям; я остановлюсь лишь на раздумьях о той цели, куда хочет привести нас высшая любовь.

Выражение «вечная жизнь», если я правильно посчитал, встречается около сорока раз в книгах Нового Завета, и сорок раз оно употреблено в одном и том же смысле — счастье, предназначенное нам Богом, состояние, ради которого мы были выведены из «ничто». Каково же это состояние? Что читаем мы в священных книгах? Мы — творение Бога. «Бог создал вещи, чтобы они были», — говорит Фома Аквинский. Впервые, когда я встретил эти слова, я увидел в них лишь некую наивность. Подумав же внимательнее, я обнаружил в них большую глубину, я признал, что они выражают мысль Иисуса Христа: «Бог — не Бог мёртвых, но живых» (Матфея 22:32). Бог создал вещи, чтобы они были; деяния Божьи не знают сожаления; Он не извлек нас из «ничто», чтобы вернуть обратно; Он не дал нам жизнь, чтобы уничтожить её. Мы не эфемерный продукт игры всеобщей жизни, не мимолётное проявление сил природы; мы — существа, и существа, желанные Богом, долговечны: это положение веры и даже предположение разума.

Ведомые твёрдым инстинктом, материалисты, отказывающие нам в бессмертии, начинают с отрицания самого нашего бытия; они сводят нас к разряду преходящих явлений, которые порождаются и уничтожаются движением материи, единственной реальностью в их сознании. Бог хочет, чтобы мы были. В каком состоянии? В святости — то есть, желая добра и находя в нём счастье. План Вечного был открыт нам. Он создал нас по Своему образу и дал нам привилегию установить наше господство над элементами природы в мере, установленной Его мудростью и добротой.

Разумная и свободная сила — суть человека; она есть в нас образ Того, Кто может всё. И творческая сила должна соединяться с планами творящей силы. «Да будет воля Твоя» (Матфея 6:10), — должны мы говорить, и это есть святость. Хотеть того, чего хочет Бог, — значит хотеть исполнения абсолютного порядка; это святость, и это же счастье. Если красота, как сказано, есть сияние истины, то счастье — лишь свет, исходящий от выполненного долга.

Здесь я должен остановиться на одном воззрении, слишком распространённом и слишком богатом последствиями, чтобы мы могли остаться к нему равнодушными. Певец застольных песен может, держа в руке бокал, воспевать бога добряков, встречающего с одинаковым снисхождением всех, кто к нему приходит. Мы сами, по легкомыслию, склонны говорить об ушедших от нас так, как будто их последний вздох на земле во всех случаях является первой вдохновенной тягой в жизни небесной. Так мы способствуем утверждению идеи доброго бога, чьё мягкосердечие не оставляет места для страха, — бога, у которого после смерти мы якобы неизбежно находим счастье.

Таким образом, в нас укореняется смутная надежда обрести счастье без святости; жало совести притупляется, и мы успокаиваем себя в грехе. Но того далёкого Бога, того Бога, который будто бы спит в настоящем мироустройстве, чтобы однажды проснуться, вспомнив о своей доброте, — я не знаю. Бог, которого я знаю, — это Бог, в Котором мы живём, движемся и существуем (Деяния 17:28); Бог, Который пребывает на земле, рядом с нами, не менее чем в глубинах небес; Бог, Который видит нас и знает наши беды лучше нас самих. Он знает наши страдания, Он ведает о наших скорбях — и допускает их. Бог здесь, и мы страдаем.

Эти страдания — печальная доля нашей падшей природы — ясно свидетельствуют мне, что счастье возможно только в порядке; что Бог хранит установленные Им законы; что в Его Царстве и под Его оком страдание сопровождает грех, бедствие следует за заблуждениями сердца, как тень следует за телом при солнечном свете.

В дрожи моего сердца и в ужасе моего разума сам разум, наученный опытом, заставляет меня заключить: там, где восстание против света будет продолжаться вечно, тьма не будет иметь конца. Это, впрочем, не предмет моего изложения, как я уже говорил. Но было бы с моей стороны трусостью — умолчать об этом совершенно. И я слишком уважаю вас, чтобы думать, будто вы стали бы меня ценить, если бы я здесь пожертвовал истиной ради вашего расположения.

Вечная жизнь — это святая жизнь. На вратах Царства Небесного начертано:

> «Ничто нечистое и осквернённое не войдёт сюда» (Откровение 21:27).

Следовательно, вечно пребывает только то, что свято или может быть освящено. А святость — это присутствие Самого Бога в нас, это общение нашей души с Вечным. Всё, что свято или может быть освящено, принадлежит жизни без конца. Итак, что может быть освящено в нас? — Всё наше существо, при условии, что оно пребывает в тех рамках, какие были определены Творцом. Ибо, как сказано, «Бог создал вещи для того, чтобы они были».

Так, на поставленный нами вопрос: что может быть освящено в нас? — апостол Павел отвечает с точностью: всё, и развивает эту мысль: всё — дух, душа и тело (1 Фес. 5:23).

Остановимся ненадолго на последнем из этих элементов. Тело не является преходящим элементом нашего существования. В грядущем устройстве, как и в нынешнем, оно должно составлять существенную часть нашей личности. Тело не должно уничтожиться, а должно подвергнуться преображению, которое сделает его нетленным и славным. Афиняне выслушали апостола терпеливо, пока он говорил им о Боге-Творце; но они насмехались, когда он возвестил им о воскресении. И сегодня эта истина вызывает множество возражений. Однако именно это — забытое и высмеиваемое учение — составляет одну из краеугольных основ подлинного знания о человеке.

У меня нет времени доказать это вам подробно. Позвольте, однако, указать хотя бы на несколько соображений. Довольно распространённой мыслью в древности, а также и в современных восточных философиях, является то, что тело — презренный элемент, зло. Отсюда рождаются два прямо противоположных направления.

Одни считают, что мудрец должен укрыться в высшей части своей природы, полностью игнорируя это грубое и недостойное его тело:

> «Тело, эта тряпка, разве заслуживает того, чтобы о нём думать?
> Разве не следует нам оставить его далеко позади?»

— Эти слова Филаминты из пьесы Мольера многократно разрабатывались определённой метафизикой. Тело презирают — а потому и оставляют на волю его влечений и страстей. Таким образом, распущенность оказывается под охраной философии.

Другие мыслители презирают тело не столько, сколько ненавидят его. Они стремятся подавлять этого врага души настолько, насколько возможно, отказывая ему во всём, что превышает строжайшую необходимость; и доходят до крайних форм истязания, образцы которых особенно часто встречаются в Индии.

Так из представления, что тело презренно и дурно, проистекают два прямо противоположных следствия: крайняя нравственная распущенность и крайний аскетизм. Евангелие пресекает источник этих заблуждений одним словом: тело должно быть освящено. Оно должно стать «храмом Святого Духа» (1 Коринфянам 6:19). Надо противостоять плоти — то есть дурным вожделениям и неупорядоченным желаниям. Надо обуздывать организм, потому что органы должны быть слугами духа. Но само по себе тело — благо, и, по-своему, оно призвано прославлять Бога.

Обратимся к другой мысли, родственной предыдущей. В тех же учениях, которые считают тело низшим и дурным элементом, обнаруживается настойчивая тенденция видеть в теле непременное условие личного существования, а отсюда — утверждать, будто душа без тела уже не будет иметь сознания самой себя. Физиология и психология действительно предоставляют довольно веские доводы в поддержку таких взглядов, так что философия, утверждающая существование души в чистом, бестелесном виде, часто оказывается в противоречии с экспериментальными науками. Но Евангелие говорит: тело воскреснет — и тем самым предлагает твёрдую почву, на которой натуралисты и философы могут встретиться в истине.

Вот каковы важные следствия христианского учения о воскресении тел. Но умы, обладающие лишь поверхностным знанием, и знающие лишь то, что молекулы материи переходят из одного организованного тела в другое, с улыбкой спрашивают, как же души при воскресении отыщут свою прежнюю оболочку, если одни и те же молекулы принадлежали последовательно множеству душ? «Немного философии склоняет ум человека к атеизму, но глубокое погружение в философию возвращает ум к религии» (О достоинстве и приумножении наук). Эта знаменитая фраза находит здесь своё полное применение.

Наука говорит не только о том, что разлагающееся тело передаёт свои молекулы другим организованным формам. Она также утверждает, что в течение самой жизни все материальные частицы одного и того же тела полностью обновляются. Ваш нынешний организм уже не содержит ни одной частицы того тела, которое у вас было десять лет назад. И, тем не менее, вы не колеблетесь утверждать, что ваше тело — то же самое. Так что же это за тело, которое сохраняет свою тождественность при постоянной смене всех своих частей? Это — принцип органической жизни, принцип, обладающий способностью захватывать элементы материи, придавать им форму и жизнь, а затем, спустя какое-то время, отторгать их, возвращая в общий круговорот, и заменять новыми элементами.

Этот принцип, таинственно и глубоко связанный с принципом мысли и воли, и есть то, что делает тело единым и постоянным. Вот чему учит наука. А до неё об этом же довольно ясно говорил святой Павел, когда, обращаясь к коринфянам, упоминал зерно, которое умирает, давая жизнь растению, не содержащему ни одной частицы самого семени. Прочтите, господа, полное изложение мысли апостола — и вы поймёте, что речь идёт о преображении тела, становящегося славным и духовным, — и поймёте также, насколько поверхностны некоторые возражения неверия.

Возвращаюсь к главному предмету. Я сказал: всё, что есть в нас, принадлежит вечной жизни: разум, воля, чистые радости, законные чувства и те, кто является объектом этих чувств, — ведь они неотделимы от них. Те, кто поистине умер, на самом деле живы; или, точнее, в небе и на земле мертвы только мы сами, мы и наши подобные, пока мы остаёмся отрешёнными от Того, Кто есть источник жизни. Приведу ли я вам здесь какие-либо тексты? — Нет. Возьмите Новый Завет; прочтите его внимательно и поищите там, есть ли хотя бы одна страница, одна строка, которая дала бы вам основание думать, что по ту сторону завесы смерти мы не обретём снова самосознание и не войдём в святое общество, в центре которого будет Тот, Кто захотел быть на земле нашим братом, и Кто будет вечным светом.

Послушаем по этому поводу двух представителей христианской мысли — разделённых веками, но соединённых одной и той же надеждой.

> «Наши узы, — говорит один из писателей древней Церкви, Тертуллиан, — станут тем теснее, чем выше жизнь, к которой мы призваны, — жизнь, в которой мы воскреснем для духовного общения. Когда мы будем близки к Богу, мы будем близки и друг к другу, ибо в Боге мы будем все едины».

Переписывая эти древние слова, профессор Нендер из Берлина добавляет от себя следующее:

> «Жить, оставаясь собой, но в прославленном теле, жить жизнью новой и славной — вот обетование Евангелия. Души, которые встретились здесь, узнали и полюбили друг друга, будут узнавать и любить ещё глубже, когда снова встретятся у Бога. Когда несовершенное уступит место совершенству, когда вера сменится видением, любовь, приблизившись к источнику всякой любви, приблизившись к самой Любви, Которой есть Бог, — только возрастёт и очистится».

Следовательно, всё, что есть в нас, должно войти в Царство Небесное. Всё — кроме греха, потому что грех — не субстанция, не сущность, но только искажение того, что есть. Грех — это восстание нашей воли, но не сама воля; это заблуждение разума, но не сам разум; это расстройство чувств, но не сама способность любить. Это искажение, это извращение природы — не дело Бога, но печальное творение самой твари.

Всё наше существо предназначено для небесного будущего, если оно будет освобождено от эгоизма, который и есть корень греха. Надо только отречься от этого "я", центра нашей жизни, этого малого божества, которому мы воздвигаем алтарь напротив Бога живого. Надо войти в замыслы общего Отца, любить себя как одного из членов великой семьи, той же любовью, которой мы любим других; нужно почувствовать, что всякая эгоистическая радость — зло, что наше счастье — в счастье всех.

Нужно разрушить стены, воздвигаемые гордостью; понять, что в обители вечной, если мы удостоимся войти в неё, мы встретим самого последнего, самого презираемого, самого презренного из наших ближних, если он откликнется на Божий призыв — пусть даже в одиннадцатый час. Я знаю, что эта мысль иногда вызывает у нас внутреннее отвращение. Я знаю, что найдётся такой из наших ближних, про которого нам захочется сказать: «Я бы не захотел попасть в рай, если бы он оказался там». Но, господа, если бы по какому-то скорбному распоряжению Провидения этот презираемый среди презренных, этот уничиженный среди ничтожных оказался вашим братом, вашим отцом, вашим сыном, — разве вы стали бы возмущаться против приговора, дарующего ему милость и благодать?

Поступайте с другими так, как вы хотели бы, чтобы поступали с вами (Матфея 7:12).

Всё, что может быть освящено, принадлежит, таким образом, вечности; и потому вечность, в некотором смысле, начинается уже здесь, на земле. То, что чисто, что хорошо, что угодно Богу, — угодно навсегда. Разве сама жизнь не даёт нам на этот счёт возвышенного поучения? Всякая виновная радость приносит отвращение; всякое незаконное наслаждение ведёт к пресыщению; душа, преданная вожделениям, без конца увлекается от одного желания к другому, от одного разочарования к другому, тогда как только чистые радости бывают твёрды и постоянны, и душа, обращённая к Богу, находящая в Нём свой покой, уже в какой-то мере ускользает от быстротечного течения земных вещей. Устойчивые элементы нашего бытия заранее как бы указываются самой своей прочностью. Царствие Небесное уже на земле, но оно скрыто под покровом, как свет звёзд — в самый мрачный день. Разгоните облака — и вы увидите сияющую вечную лазурь.

И вот почему Христос, Который есть для нас Путь, — есть Сам Жизнь, ибо, свободный от мрака греха, Он представляет собой живое воплощение изначального замысла творения. Он сверхъестественен в мире греха, и потому один Он — это природа согласно вечному замыслу любви. И Он пришёл к нам, чтобы подлинная жизнь началась уже здесь, в душе Его учеников. Вечная жизнь — это раскрытие того семени, которое уже сейчас пребывает в сердцах, отданных Богу. Семя, брошенное в землю, уже содержит в себе цветы и плоды, которые однажды прорастут под живительным дождём и согревающим солнцем. И в нас Бог вложил плодотворное семя, которому не хватает для полного раскрытия лишь небесного воздуха и солнца вечности.

Но будем остерегаться недооценивать глубину и значимость преображения, которое готовит нам будущее. Вечная жизнь — да, она уже начинается здесь, но в каких условиях? Святость рядом с нечистотой; мимолётные отблески, угасающие во тьме; мимолётные радости, вечно подверженные дыханию перемен. А ведь наша надежда — выше этого. Мы ожидаем не просто продолжения, пусть и светлого, этой жизни; мы ожидаем нового неба и новой земли, где, вне досягаемости страданий и греха, обитает правда.

Поднимемся к созерцанию грядущего устроения мира. Приступим к этому с верой детей, но с разумом зрелых людей — так завещал апостол Павел. Не приписывайте своей вере все капризы вашего ума и все фантазии вашего воображения. Каковы будут вечные царства? Предайтесь самым прекрасным мечтам: представьте себе в будущем мире холмы, покрытые цветами, неведомыми земле по своей красоте; пусть их отражения сияют в озёрах, более голубых и прозрачных, чем чистейший хрусталь; вообразите, как из долин Рая и с вершин Альп вечности восходят мелодии бесконечного Аллилуйя… Что вы сделали? Вы написали поэзию; вы лишь окрасили знакомыми красками идеала те образы, которые уже известны вам.

А теперь пусть заговорит разум. Разум учит нас, что звук зависит от уха, цвет — от глаза. Все образы, заимствованные у нынешней нашей организации, не имеют никакой ценности для представления иного способа существования. Земной глаз не может воспринять ничего, кроме земного света; земной слух не может дать нам никакого понятия о небесных мелодиях. Измените наши органы — и всё изменится для нас; и даже самая возвышенная поэзия не в состоянии приподнять ни малейшей части покрова, скрывающего от нас будущее.

Вот что говорит разум зрелых людей: небесный мир совершенно ускользает от нашего нынешнего воображения. Так что если вы ожидали, что я предложу вам историю Рая, описывающую картину будущей жизни, — вы будете разочарованы. Но пусть это не тревожит никого. Много верить — не значит много знать и много представлять себе; значит — много любить и много доверять. Вера — это удивительное знание, которое восполняет собственные пробелы, само по себе восполняет свою недостаточность; ибо вера — это уверенность в том, что воля Божия — благая и совершенная, и что, когда мы станем достойны познать её всю, она будет приятна нашему сердцу.

Не будем, следовательно, предпринимать напрасных попыток вообразить себе Рай; но, с другой стороны, не позволим абстрактному идеализму стереть те обетования, которые составляют нашу силу и нашу надежду. Наше будущее — это жизнь, реальная и полная. Мы будем облечены в духовные, прославленные тела, в святом общении; и если небесные славы не соответствуют нашим самым прекрасным мечтам, то это не потому, что наше воображение заходит слишком далеко, а потому, что оно бессильно достичь реальности, которая его превосходит.

Будем же исполнены надежды, торжествующей над смертью; и, не увлекаясь пустыми мечтаниями, постараемся, насколько позволяет наша немощь, постигнуть значение этого слова: вечность. Для этого нам нужно взять жизнь и отнять из неё смерть; не только её конец, но и то постоянное умирание, завершением которого и является то, что мы называем смертью. С первого взгляда, брошенного на вселенную, кажется, будто в нашем мире происходит лишь неизменная череда всегда одних и тех же явлений. Воды, истекающие из ледников наших Альп, устремляются в океан. Под действием солнечных лучей они испаряются, превращаются в облака, а затем вновь опускаются в виде дождя и снега, чтобы напитать те же самые источники, из которых вышли. Весна сменяет зиму, возвращая те цветы и ясные дни, которые осень отняла у лета. Всё будто бы меняется, но всё однообразно.

Посмотрим внимательнее. В действительности всё постепенно гибнет под медленным воздействием времени. Горы незаметно понижаются и сползают в долины. Наука говорит нам о вымерших видах животных, останки которых она находит, и всё яснее показывает, что поверхность нашей планеты — это огромное кладбище всего, что когда-либо жило. Астрономы, в свою очередь, говорят нам о звёздах, которые стареют и угасают в глубинах небес. Жизнь, правда, продолжается. Но что есть одно поколение среди тех, что уже исчезли, и тех, что ещё не появились? Так вокруг нас время везде выступает как власть смерти.

А если мы заглянем внутрь себя? Ни одна мысль не рождается в нашем уме иначе как ценой исчезновения предыдущей: мы не в состоянии удерживать две мысли одновременно. Если бы нам не было дано с помощью памяти удерживать клочки прошлого и посредством предвидения немного простираться в будущее, — если бы мы были сведены только к настоящему мгновению, — у нас не было бы и времени осознать самих себя и сказать: «я»; ибо настоящее — ничто иное, как неуловимая граница между тем, чего уже нет, и тем, чего ещё нет. Наши радости и наши страдания тоже убиваются временем. Что может быть мимолётнее, чем удовольствия нашего сердца? И разве мы не чувствовали на себе подлинность этих слов: «Наша беда так велика, что у нас нет даже силы быть долго несчастными»?

Итак, устраним это разрушение, это постоянное умирание; соединим зрелость опыта с порывом юности; соединим мудрость старцев с восторгом юных; пусть сердце, обогащённое радостью, сохраняет её, открываясь новым радостям — тогда у нас будет жизнь полная, устойчивая, возрастающая, жизнь, которая всегда поднимается и никогда не опускается, — по сравнению с которой нынешнее наше существование будет лишь подобием смерти. И даже тогда мы ещё не достигнем подлинного понятия вечной жизни. Чтобы обладать вечностью, недостаточно сменяющих друг друга мыслей — нужна одна, вечная мысль, постоянно живущая в душе; не достаточно череды желаний — требуется устремлённая навеки воля, неизменно направленная к своему предмету; не сумма радостей делает сердце вечным, а одна, всепоглощающая радость, целиком наполняющая его.

На все эти требования есть только один ответ: Бог — Бог познанный, желанный, возлюбленный; и в этом познании, этой воле, этой любви — вечное течение Божественной жизни. Именно это и учит нас откровение: «Мы увидим Бога», — сказал Иисус Христос (Матфея 5:8); «Мы познаем, как сами были познаны», — говорит святой Павел (1 Коринфянам 13:12).

А как познаёт нас Бог? Он знает не наши мысли по нашим словам, не наши желания по поступкам, не нашу сущность по внешним проявлениям; Он знает нас непосредственно — в нашем внутреннем центре. Сейчас мы не познаём Его так. Сейчас мы видим лишь отблески Его славы в природе и лучи Его любви — в человечестве. В ином бытии мы увидим природу и человечество в их самом центре; мы познаем все вещи в Боге, их источнике. И тогда, когда все покровы спадут, наш взор сможет проникнуть в сам источник бесконечной любви.

Тогда у нас будет одна мысль, но мысль, содержащая всё сущее; мы присоединимся к одной воле, но к воле, которая поддерживает всё. Тогда раскроются тайны, соединятся противоположности, и в неисчерпаемом разнообразии установится совершенное единство. Тогда природа станет благодатью, и благодать — природой; или скорее, вне действия греха, который раздробил единый луч вечной любви, благодать и природа в своём высшем единстве получат новое имя, которое никому не дано произнести здесь, на земле.

Итак, есть два взгляда на Бога: туманный — во времени, и ясный — в вечности. Но каким будет этот Бог, которого мы познаем? Будет ли это Бог, в Котором мы растворимся так, что забудем обо всех созданиях?

Остановимся на этой печальной мысли, уже опровергнутой сказанным выше, но которую нельзя опровергать слишком часто. Существует богословие, которое отрицает утверждение нашей веры: вечное общение детей Божиих. Есть учение, которое, исходя из идеи, что Бог всё создал для своей славы, заключает, будто в Его присутствии невозможно будет думать о других созданиях. Да, Бог всё создал для Своей славы; но вы, кто, кажется, забыли, что Его слава — в Его благости, читали ли вы Евангелие? Кто, кроме греховных привязанностей, научил вас противопоставлять Творца Его творениям, любовь Отца — любви к Его детям?

Бог есть любовь; познать Его — значит познать замысел и предметы Его милосердия; желать того, чего Он хочет, — значит желать счастья всех, кого Он любит. Конечно, Он — Бог ревнитель, ревнующий о сердце нашем, потому что только Он один может его удовлетворить. Но если Он хочет овладеть нашим сердцем, то для того, чтобы очистить его, вырвать из него эгоизм, отдаляющий нас от ближнего и от Него, чтобы мы могли в Нём и через Него любить всех членов Его великой семьи.

О, как трудно нам поверить в Божественную любовь! Вот Бог Вседержитель, Бог, Который во времена Моисея назывался «Сущий» (Исход 3:14), Бог, Который наполняет весь Ветхий Завет свидетельствами Своего величия, — в Евангельскую эпоху принимает новое Имя; и из всех имён, способных выразить Его совершенства, Он выбирает одно: Он называет Себя Отцом, и чтобы мы, обращаясь к Нему, никогда не отделяли себя от других, Он повелевает нам говорить: «Отче наш». Иисус Христос не упускает ни одной возможности напомнить, что любовь к Богу неотделима от любви к ближнему. Когда святой Павел говорит, что Бог будет всё во всём, он спешит добавить: во всех, чтобы никто не подумал, будто Бог поглотит созданных Им существ.

А всё это, увы, порой разбивается о суровое богословие, цельное и беспощадное, которое принимает за истину безжалостные выводы неукротимой логики! Чтобы ясно показать вам эту опасность, я хочу продемонстрировать её в действии — на примере человека, чьё величие вы не станете оспаривать: я говорю о Паскале. Во время своей последней болезни он глубоко огорчал свою сестру, отвергая проявления её нежной любви, потому что, как он говорил, несправедливо привязываться ко мне, «даже если это делают с радостью и по доброй воле. Я бы обманывал тех, в ком пробуждаю такое чувство, ибо я не являюсь целью для кого бы то ни было и не способен никого удовлетворить. Разве я не готов умереть? Следовательно, и предмет их привязанности умрёт».

Здесь Паскаль говорит так, будто забывает о бессмертной жизни, которая нам обещана. Такое направление мысли придаёт порой нечто суровое его сочинениям и даже поведению этого великого служителя Божьего. Однако подобным образом он рассуждал только по отношению к самому себе. Если он считал себя недостаточно реальным, чтобы позволить себя любить, то в других он верил настолько, что был готов без остатка посвятить себя им. Бедный Паскаль! Он огорчал свою сестру, отвергая её любовь, и чем больше он приближался к концу жизни, тем менее мог он понимать служение Богу иначе, как через служение ближнему.

Послушайте. Уже поражённый своей последней болезнью, он приютил у себя бедняка. Тот заразился инфекционным заболеванием, требовавшим изоляции. И Паскаль сам покинул собственный дом, в который уже не вернулся, чтобы оставить его в распоряжение своего гостя. Вот был христианин! И почти прекрасно ошибаться, когда своей жизнью опровергаешь собственные умственные заблуждения. Но нет, ошибка всегда остаётся злом. Бог создал всё, чтобы оно было; наши братья — это братья навеки; Творец сотворил сердце человека, чтобы любить его и любить в нём каждого из своих детей. Святые привязанности — вечны, ибо любовь пребывает вовек.

Так, господа, вечная жизнь представляется нам в двойственном облике: она начинается во времени, это — эпоха веры; она продолжается в вечности, это — эпоха созерцания; но по своей сущности она всегда одна и та же: хотеть того, чего хочет Бог. И вот теперь, находясь во времени, можем ли мы уловить что-то от вечности? Может ли душа наша, не предаваясь обманчивым фантазиям воображения, получить некое предвкушение своего будущего состояния?

Более четырнадцати веков назад, на берегах Итальянского моря, эта самая вечная жизнь, о которой мы говорим, стала предметом беседы женщины, готовой умереть, и молодого человека, только что умершего для страстей. Видели ли вы гравюру с картины Ария Шеффера, под которой написано: «Святой Августин и его мать, святая Моника»? Обратили ли вы внимание на два взгляда, направленных в одно небо, где один ищет предвкушение грядущего блаженства, а другой — силу для того дела, которое должно было всколыхнуть Церковь, и для того слова, чей голос звучит доныне?

Вот страница, вдохновившая художника. Это говорит сам Августин:

> "Когда наступил день, который должен был стать последним в жизни моей матери — ты, Господи, знал его, я же не ведал — мы остались одни в доме на пристани Остии, в доме с видом на сад. Там, вдали от людской суеты, после долгого пути мы стояли у окна. В уединении мы беседовали с необыкновенной сладостью: «забывая прошлое и простираясь в будущее», рассуждая о том, какова будет вечная жизнь святых — та, «которой ни глаз не видел, ни ухо слышало, и которая не приходила в сердце человеку» (1 Кор. 2:9)."
>
> "Порывом любви к Истине и Богу мы вознеслись в мыслях за пределы телесных чувств, пройдя через них и через небеса, даже туда, откуда луна, солнце и звёзды дарят свет. Мы не останавливались на наблюдении небесных тел, а далее стремились к высшему: к не созданной Мудрости, сущностному присутствию Бога, Который «есть, был и будет» — вне временен, и в Нём нет ни прошлого, ни будущего, а только вечное настоящее. В таком разговоре, устремлённые к этой жизни, мы — сердце и разум — почти коснулись её порывом любви. Наши начатки духа вознеслись в тех словах и дыхании. Но потом мы снова вернулись на уровень человеческого языка — в область звуков, в слова, которые имеют начало и конец."
>
> "Мы размышляли: что если бы плоть затихла, погрузившись в тишину, забыв себя, сделала внутренний шаг; что если бы ум молчал, когда душа восходит к Творцу; — и тогда в душе остался бы один Бог, уже не как творение, но как Сам Собою; уже не через свидетельства его творений, но в самом себе. Что если бы этот непрерывающий полёт мысли не сталкивался даже с низшими образами? Одна мысль увлекла бы созерцателя живыми тайнами... Не было бы ли это состояние духа подобно вечной жизни?"
>
> "Так мы говорили, и в тот самый день моя мать сказала мне: «Сын мой, меня больше ничто не привлекает в этой жизни; зачем мне здесь оставаться? Был один смысл — увидеть, что ты стал христианином перед моей смертью. Бог даровал мне это более чем обильно; что ещё может мне нужно в этой жизни? Вскоре после этого она тихо отошла ко Господу — её душа, обретя Царство, не желала более возвращения в мир бренный."

Господа, я привёл факт, а не установил доктрину. На этой странице, где вера христианина звучит на языке Платона, святой Августин говорит, что на одно мгновение он обрёл интуицию вечной жизни, вспышку, нечто, превосходящее разум и невыразимое словами и звуками человеческой речи. Я не отрицаю опасности стремления к таким состояниям, рисков мистицизма; но я также не отрицаю и опасности рассеянной религиозности, той

благочестивой суеты, что развевает по всем ветрам свет лампады, в которой, в конце концов, иссякает масло. Мы не вправе спрашивать у Бога отчёта за особые благодати, которые Он может даровать душам. В стремлении к глубокой близости с Ним нет опасности, если не забывать, что Бог признаёт подлинным лишь то поклонение, которое рождает любовь, если не забывать, что Бог Иисуса Христа — это Бог совести, Чья вечная воля среди людей получила священное имя: ДОЛГ.

† † †

Краткий обзор шестой лекции вернуться к содержанию >>>

Выражение "жизнь вечная" в Евангелиях означает состояние счастья, которое Бог предназначил человеку, начинающееся уже в настоящей жизни и продолжающееся в будущем мире.

- Истинное счастье связано с святостью и исполнением Божьей воли — счастье вне морального порядка невозможно.
- Вечность охватывает все части человеческой природы, включая тело, которое не является чем-то временным или плохим.
- Учение о воскресении сочетает философские и физиологические взгляды: тело — условие личности, но не просто материя.
- Все элементы человека, очищенные от греха, предназначены к вечной жизни; законные привязанности — бессмертны.
- Царство Божие — общество душ, сознающих себя, связанных святым единением вокруг Бога.
- Жизнь вечная начинается уже сейчас в душе; смерть — лишь переход к новому состоянию.
- Из-за зависимости нашего воображения от телесных органов мы не можем полно представить будущее, но уверены в его реальности.
- Чтобы постичь вечность, нужно устранить власть времени и понять жизнь, объединённую с Богом — абсолютным источником науки, любви и добра.
- Существует различие между смутным знанием Бога в настоящей жизни и ясным знанием в вечности.
- Бог и любовь к ближнему не противоположны; истинная любовь основана на единстве с Богом.
- Вечная жизнь имеет две фазы: вера (временная) и созерцание (вечная).
- Духовные усилия по осмыслению вечной жизни должны сопровождаться практикой любви и чувства долга, чтобы избежать мистицизма.

† † †

ВЕРА

Господа, В произведениях древнегреческого историка Ксенофонта есть небольшая книга, изображающая с большим очарованием и чистотой внутреннюю жизнь одной афинской семьи около 2200 лет назад. Эта книга называется «Экономик». Главный герой, по имени Исхомах, рассказывает о религиозной стороне своей жизни такими словами:

> «Я стараюсь заслужить посредством справедливых молитв силу, здоровье, уважение, благосклонность друзей, а также преимущество честно выйти из сражений. В конце концов, я прошу богов о богатстве — плод честного труда».

Эта молитва честного грека очень ясно выражает понимание религии, суть которого — ставить небо на службу земле. Если есть боги, влияющие на наши судьбы, разумно делать всё возможное, чтобы расположить их к себе и под защиту их поставить себя и свою собственность. Культ становится добавкой к обычным путям, которыми человек добивается благ и преимуществ этого мира. Молитва возносится к небу с надеждой, что она сойдёт вниз в виде приумножения состояния, репутации и благополучия. Благочестие привязывается к обещаниям земной жизни и на этом останавливается.

Не трудно заметить среди нас явные признаки религиозных мыслей, подобных мыслям Исхомаха. Не бывает ли так, что в тайне своего сердца мы просим у Бога гораздо больше, чем наш хлеб насущный, и призываем Того, Кто властен над радостями и скорбями жизни, больше, чем Бога вечности? Такая сугубо человеческая религия не вправе надолго удерживать наше внимание.

Есть иное, тоже ложное, но более высокое, более серьёзное понимание религии, которое, следовательно, заслуживает нашего более пристального внимания. Перед лицом явленных опытом реальностей человек обладает способностью задумываться о некоем лучшем, нежели эти реальности. Его мысль несовершенна, медленна, темна по сравнению с высшей, более быстрой и светлой мыслью, образ которой он ясно постигает. Его мимолётные и смешанные радости навевают мысль о полной и постоянной радости. Лучи красоты, которые он различает в природе и человечестве, поднимают его к представлению о совершенной красоте, в сравнении с которой земные красоты — лишь бледное отражение. Иначе говоря, у нас есть способность к постижению бесконечности, идеала.

Этой чудесной способности соответствуют чувства особой природы, которые явственно носят печать благородства и возвышения. Как только человек осознаёт это и принимает последствия, он может понять, что ценность жизни — не в деньгах, благополучии, мелких и тщеславных амбициях, обычно нас движущих, а в развитии ума, искусства, поэзии, в устремлении души выйти за узкие пределы реального, расправить крылья на ветру идеала и вознестись в полёт к бесконечности.

Послушайте по этому поводу одного человека, с которым я боролся перед вами и буду бороться снова, считая его одним из самых опасных противников истины, что в некотором смысле обязывает меня не скрывать от вас высокого уровня его мысли:

> «Подлинная вера, - говорит господин Ренан, - рождается в тишине и внутреннем сосредоточении. Она возникает из нравственной чуткости в тот момент, когда человек доброй воли, уединившись, начинает прислушиваться к голосам, звучащим в глубине его души. В этой тишине, когда стихают чувства и уходит шум внешнего мира, изнутри доносится тихий, глубокий шепот — словно отдалённый звон деревенского колокола — предвестник тайны бесконечности. Созерцающий человек чувствует себя потерянным, как ребёнок, тщетно пытающийся понять тайну своего происхождения. Он вспоминает о Родине, о далёком, светлом, и поднимается над грязью будней к возвышенным, залитым светом просторам. Ему чудятся ароматы

древности, что доносились с Южных морей, когда туда впервые приплыли корабли Александра. Смерть, как странник, вернувшийся из Святой Земли, подходит к его душе, и в этом внезапном просветлении он осознаёт: в шуме жизни он не знал, насколько отрадно — уйти».

Вот слова, которые не всегда следует понимать буквально, образы, которые не выдержат внимательного анализа, но, тем не менее, в определённом смысле, это красивые слова. Для человека, заточённого в вульгарность жизни и не желающего видеть ничего за пределами ограниченных горизонтов своих дел и удовольствий, нет ни поэзии, ни религии. Значит, действительно, как сказано, между поэзией и религией существует родственная сущность и природа. Это положение в своей общей форме безупречно, но — и здесь состоит высшая опасность, особенно для людей, посвящённых культуре искусства или мысли — как только эта идея конкретизируется, она порождает две религиозные концепции, не просто разные, а полностью противоречащие друг другу.

Потому что Бог — не только Всемогущий, но и абсолютная святость, идеальная красота, бесконечность во всех смыслах, — и как только Он будет познан и обожаем, душа всеми своими вершинами устремится к Отцу жизни. Каждая высокая мысль, каждое благородное стремление сердца, каждое восхищение красотой станет гимном Вечному. Однако в понимании идеала, и именно здесь, повторяю, заключается высшая опасность, можно обойтись без Бога и остаться лишь перед абстракциями, которые уже не являются атрибутами реального существа, всемогущего Творца.

Более того, находятся умы, которые во имя самой бесконечности и идеала претендуют запретить нам верить в живого и истинного Бога. Им слово «Бог» кажется устаревшим и тяжеловесным, само представление — детским и грубым. Реальность Бога ставит предел нашей мысли, а бесконечность, как утверждают, не признаёт пределов. Закон Бога ставит барьер воле нашей, а идеал не хочет преград. Утверждается, что единственный достойный почитания ум высокоразвитого духа — это молчание о бесконечном бытии. Приписывать Ему волю — значит уменьшать Его; говорить о Его любви — значит принижать и делать по своему образу; доходят до того, что провозглашают — монополия благочестия принадлежит некоему виду атеизма.

Если бы материя не была столь серьёзной, а заблуждение столь печальным, эта дерзость была бы забавной и могла бы увлечь ума людей. Такое понимание, увы, слишком широко распространяется в наши дни. И вот что серьёзно скрывается за этими ужасными парадоксами. Что же такое идеал без Бога? Это человеческая мысль. Человек поклоняется той силе, которая породила эту мысль; человек обожает собственный разум, представленный в своих высших проявлениях. Отсюда Вечный, Творец — идол, чьё изваяние нужно разрушить, чтобы освободить место святому образу человечества. Так, в сфере, превосходящей вульгарность жизни, проявляются две совершенно противоположные тенденции: человек возвышается в чувстве собственной божественности и полагается на собственные силы — или человек смиряется перед своим Творцом и опирается на любовь к Богу. Это две несовместимые религии — нужно выбрать.

Чтобы облегчить выбор, рассмотрим внимательнее религию чистого идеала. Посмотрим, чему она учит. Она учит, что человеческий дух заблуждается, когда, теряя из виду великие стороны своей природы, остаётся или падает в исключительное стремление к материальным интересам. Но человек не может согрешить против Бога, которого нет, и нарушить закон, который никогда не был провозглашён. Эта религия советует своим последователям возвышение мысли и благородство чувств как источник самых утончённых наслаждений, но это религия без покаяния, без смирения и без обращения.

Я не выдумываю здесь миф. Два века назад в Голландии жил еврей по имени Спиноза — выдающийся человек, который, кажется, прошёл весь круг ошибок, так что современный

скептицизм, осознавая это или не осознавая, часто просто воспроизводит его учения, созданные два века назад. Спиноза был мягким и чистым человеком, любимым соседями, полировавшим стекла, чтобы заработать на жизнь, не жаждавшим богатства и почестей и работавшим в скромном молчании над трудами, которые поставили его имя рядом с великими философами. Он имел высшее чувство бесконечности, её идею и культ. Однако этот человек, отрицающий свободу и даже реальность творений, считал смирение слабостью и полагал, что раскаяние — одна из самых глупых идей, когда-либо приходивших в человеческий ум.

Скажете ли вы теперь, что чувство бесконечности не может служить основой для двух противоположных религий? Учение Спинозы живо и ныне в особой форме. Чувство бесконечности рассматривается, прежде всего, согласно одной школе, в его применении к красоте. Красота оправдывает всё. Она — высшее понятие и должна быть высшим критерием наших суждений. Красота, без сомнения, божественна сама по себе — я не хотел бы это отрицать. Искусство, следуя собственным законам и развиваясь по своей природе, возвышает души и облагораживает их. Добро и красота — два луча высшего света, которые сближаются по мере своего возрастания; достаточно следовать их направлению, чтобы понять, что они исходят из одного источника. Так обстоит дело в порядке, в норме.

Но следует ли вам узнать, что происходит под влиянием человеческих заблуждений? Если потребность в идеале не ведёт к Богу, небесный луч ломается; рассеянный по низшим реалиям, он придаёт им ложное сияние, и красота может с тех пор примкнуть как к злу, так и к добру. Прочитайте Митридата Расина. Посмотрите, как старый враг Рима умирает так, как жил — в единстве и силе своего единственного чувства бытия; послушайте, как он принимает судьбу, говоря в последний вздох:

> Однако, умирая, меня радует
> Что я окружён врагами, которых истребляю;
> В их грязной крови я смог омыть руки,
> И мои последние взгляды видели бегство римлян.

В этих словах — ненависть; для христианина — грех. Отрицает ли христианин, что эти слова отмечены печатью красоты? Прочтите Потерянный рай Мильтона. Разве гений английского поэта не сумел наделить тёмной и величественной красотой врага Бога, автора гибели рода человеческого? Таким образом, баснописец прав, говоря, что добро не всегда соседствует с красотой. Поймите теперь, куда можно зайти, заменяя святого Бога абстракцией красоты. Месье Эрнест Ренан в той же статье, где содержались прочитанные мною выше слова, пишет фразу, которая для внимательного ума разрывает эти блестящие вуали и позволяет заглянуть в уродливую реальность, которую они скрывают.

Говоря об одном из самых аморальных прославленных писателей, о человеке, который более всего оскорбил человеческую нравственность, он говорит: «Боккаччо не покаялся. Всё просто: великое мышление не знает раскаяния, и великое искусство не должно раскаиваться». Так уходит мораль. Теряется не только святое имя Бога, но и благородное имя долга, которое сохраняется как старое слово, значение которого меняется. Различие добра и зла заменяется различием обыденного и изысканного; хороший вкус наследует совесть. Новая религия настолько широка и терпима, что принимает всё, включая грех, если тот блестит; всё, включая порок, при условии лишь, что он имеет благовидный вид и величественную манеру.

Я не сказал всего. Изыски мысли и вкуса не доступны каждому; не всем дано понять высшие абстракции человеческого духа, и религия без Бога всегда останется непонятной простым людям. Это принимается как данность, и это провозглашается. Провозглашается, что человечество безнадёжно разделено на две касты.

С одной стороны, множество узких и вульгарных умов, навсегда обречённых на суеверия; с другой стороны — небольшая аристократия мудрецов, которая, если ей позволят развиваться свободно, не заботится о судьбе остальных людей. Вы, господа, думали, что чувство человечности окончательно завоевало современный мир. Вы думали, что мысль о религиозном равенстве теперь стала общим сознанием. Ошибаетесь. В самом XIX веке можно прочесть в «Journal des Débats», что истинная религия — синоним утончённости и изящества.

Перед мыслями о тех бедных дикарях, обездоленных братьях нашей расы, согбенных под гнётом безымянных суеверий и погружённых в страшную нищету, в то время как христианин удивляется этим таинственным промыслам и молится, а миссионер волнуется и прощается со своей родиной — может быть, навсегда, чтобы донести слово жизни этим падшим и страдающим созданиям Божьим, — один умный человек, спокойно сидящий в одном из залов Французской академии, может написать жестокую фразу, недавно появившуюся в «Revue des Deux-Mondes»: «Лично я не вижу причин, чтобы папуас был бессмертен».

Чувство человечности протестует против таких печальных теорий. Но давайте разберёмся. Существует различие, к которому все должны стремиться. Искренняя вера облагораживает самые обычные поступки и может придать самым простым натурам какую-то неповторимую величавость. Но эта величие и благородство — не что иное, как дар тем, кто, прежде всего, ищет Царства Божьего и Его праведности. Если же искать их для самих себя, они трансформируются и исчезают, и вместо простой величавости христианина вы получите лишь ту изысканность, которую ищет светский ум.

Я всей душой верю в равенство людей перед Богом. Для земной жизни общества существуют временные неравенства, вполне легитимные, поскольку они абсолютно необходимы. Но под взглядом общего Отца, в области благочестия, между людьми нет иных различий, кроме тех, что возникают именно из этого благочестия. Религия, которая становится монополией науки и высокой культуры вкуса, религия, разрушающая, а не восстанавливающая единство человеческого рода, которая навсегда объявляет невозможным универсальное общение душ в свете и любви… такую религию я провозглашаю ложной. Нет, нет! Религия утончённости и изящества — не наша религия. По крайней мере, она не была религией скромного сына Марии, который призывал к покаянию бедняков Галилеи и обещал вечную жизнь рыбакам Генисаретского озера.

Бог Иисуса Христа — не абстракция мысли, не Бог, открытый лишь умам, привыкшим к спекуляциям философии, в то время как простая душа охватывает лишь обманчивый его образ. Это общий Отец, Которого самый высокий из людей может почитать рядом с самым скромным и самым маленьким, в одной вере и надежде. Всё Евангелие направлено на восстановление душ; и начало этого восстановления — не интеллектуальный акт и не эстетическое чувство, а обращение сердца, возвращение непокорной воли к закону. Вот где святое равенство. Чтобы принять искупительную работу, не нужны специальные учёные степени и тонкие чувства, рожденные из утончённой культуры, а лишь прямая совесть, которая чувствует свой грех и просит благодать.

И человек в самой скромной жизненной ситуации, неграмотный, занимающийся самым тяжёлым трудом, бедная женщина, всегда занятая невидимым трудом, могут быть столь же велики перед Богом, как и венценосные головы, увенчанные блестящей аурой науки или гения. То, что придаёт жизни ценность — это принцип, который её определяет, вне зависимости от того, проявляется ли он в изысканных или простых обстоятельствах. Луч солнца не менее ярок и чист в хижине бедняка, чем в пышном доме великого землевладельца. Дело Веры — изменить принцип нашей жизни. Пока душа не примет свободно замыслы вечного милосердия, пока эгоизм не уступит место любви, самое большое развитие ума и высочайшая культура идеала не имеют никакой религиозной

ценности. Самые мудрые из язычников это понимали, и в свете Евангелия уже нельзя в этом сомневаться. Такова Вера в Иисуса Христа.

Религия Ишомака, видящая в благочестии лишь средство земного процветания, и религия людей вкуса, смешивающих благочестие с развитием эстетического чувства, по сути дела имеют один и тот же характер. Мысль останавливается на элементах настоящей жизни. Здесь жизнь рассматривается с её положительной, если можно так выразиться, буржуазной стороны; там — с художественной, в её идеальных проявлениях. Но ни в том, ни в другом случае не поднимается взгляд к высшим реалиям, выходящим за пределы нашего непосредственного опыта: цель культуры души — здесь, на земле.

Вера Евангелия отрывает нас от почвы нынешней жизни, чтобы пустить корни в ином месте — это религия вечности. Прочитайте, в начале первого из наших Евангелий, речь Господа, обычно называемую Нагорной проповедью (Матфея, главы 5–7). Религиозная мысль здесь не добавляется извне к жизни, построенной на других соображениях; напротив, Царство Божие представляется как центр и цель всей жизни. Говорится, что это Царство должно искать прежде всего, и тогда всё остальное будет дано сверх того. Всё — то есть, по провидению, здоровье, уважение, успех; но также, по другим провиденциальным законам, дары более драгоценные, но горькие: испытания, болезни, несчастья. Всё должно способствовать благу тех, кто любит Бога, потому что всё — и радость, и страдание, успех и бедствия, исполненные надежды и разбитые желания — должно помочь душе отвернуться от любви к себе и созреть для вечной жизни.

Наша цель — не здесь, земля — не наша родина. Серьёзная душа, испытанная нестабильностью всего земного, легко приходит к пониманию, что вечность — единственная законная цель времени. Она тогда понимает, что Вера, связующее звено неба и земли, подготовка к бессмертному будущему в нашей мимолётной жизни, должна быть главным принципом всей жизни. Вера, действуя в мире, вынуждена использовать земные вещи; но она должна служить всему, и ничто не должно служить ей. Позвольте объяснить на примере. Вера — это венец и опора домашнего очага; но разве это всё? Разве она рассматривается только в отношениях с земной семьёй? Нет. Если считать её так, она теряет свою силу даже для этой земной цели.

«Вера, — говорит мадам Неккер-де Соссюр, — не должна иметь иной цели, кроме самой себя; будучи использована как средство, она теряет своё действие; она выполняет обещания земной жизни только для тех, кто ищет в ней триумф вечной истины». Вера должна пользоваться всем; но у неё есть свои особые проявления — культ, чтение и дела благочестия. Эти средства, с помощью которых Вера действует и проявляется, могут отделиться от духа, который должен их оживлять, стать пустыми формами — трупом без души. Вы знаете, что Иисус Христос говорил о добрых делах, совершённых из тщеславия; и вы наверняка помните слова апостола Павла: «И если я раздам всё имение моё и отдам тело моё на сожжение, но не имею любви, — нет мне в том никакой пользы» (1 Кор 13:3).

Дела благочестия, отделённые от духа благочестия, перестают быть таковыми. Чтение Священного Писания, если оно становится пустым удовлетворением любопытства, перестаёт быть религиозным. Это Слово — не энциклопедия человеческих знаний, это сокровище откровений Божьих для нашего спасения; и мы перестаём читать его религиозно, как только читаем не с вечной целью и без того духа, который оно нам открывает. «Если бы ты знал Библию наизусть, от начала до конца, — говорит Фома Кемпийский в «Подражание Христу», — и не имел бы любви, то это было бы тщетой». Святые чтения, культ, дела благочестия — если душа не тронута, если эгоизм не уменьшился, если любовь не возросла — всё это ничто; я говорю мягко; можно сказать — хуже, чем ничто. Вера — это единое целое, но это всё; она есть всё, не будучи ничем отдельным. Чтобы лучше понять, не побоюсь войти в подробности, может быть, обыденные.

Вера повсюду. Вы найдёте её на таможне государства или при сборе пошлин в городе — не для того, чтобы говорить, хороша ли торговая политика (это политика), а чтобы напомнить, что мошенничество — кража, а чаще вдвойне ложь. Вы найдёте Веру у биржевого маклера — не чтобы советовать выгодные сделки, а чтобы напомнить, что спекуляция — это часто азартная игра, а честное богатство добывается трудом и экономией. Вы встретите Веру в политике — не для того, чтобы определять форму правления или менять конституцию (это не её дело), а чтобы спросить себя: не есть ли ваша твёрдость слепотой страстей? Не является ли ваша мягкость трусостью? Не жертвуете ли вы справедливостью ради корысти? Не слишком ли упорствуете в отстаивании своих интересов?

Вера — всё, но ничто в отдельности, как солнце, распространяющее свет везде, хотя ни один предмет, отражающий свет, не есть сам свет. Но поймите меня правильно — я не призываю всегда говорить о Вере (слава Богу!); я говорю — нужно жить в Вере во всём. Невозможно постоянно совершать акты благочестия, но нужно проходить с благоговением весь круг жизни. Вера должна быть центром жизни, внутренним солнцем, всегда присутствующим, потому что она проявляется в форме долга — и долг должен быть главным принципом всей жизни. Мораль — не всё Евангелие; но всё Евангелие имеет одной целью восстановить моральный порядок. Именно потому, что моральный порядок был нарушен, Иисус Христос пришёл на землю.

«Прощение грехов, отмена нашего долга, решение считать грешного человека невиновным, прощение, скреплённое величайшей жертвой — всё это не новое рождение; но нас не могут спасти благодати, которые не изменяют нас. Никто из вас не станет спорить об этом. Не могут быть счастливы перед Богом души, чьи сердца отделены от Него. А что до других, так называемых моралистов, было бы отрицанием их принципов предполагать, что возможно счастье с Богом, которое не было бы счастьем по Божьему». Так говорит Вине.

Вера — это всё, потому что в своём внешнем проявлении она сводится к практике долга. Есть две морали: человеческая и Божья. Не стану делать произвольных классификаций или упрощать сложные вопросы. Но если речь идёт о морали, сведённой к её принципу и осознанной как таковой, способной охватить всю жизнь, их всего две: мораль эгоизма и мораль отказа. Человек слишком высоко ценит свою природу, чтобы отдаться кому-либо, кроме Создателя; он хранит себя до того дня, когда отдастся Богу, чтобы найти себя в Боге. Воля Божья — это всё для того, кто понял Евангелие; это единство и единственное возможное единство жизни. Воля Божья — это энергия в действии и терпение в страдании; это утешение в беде и умеренность в радости; это единство.

Нужно ли вам говорить, что это — счастье? Кто не знает, что раздвоенное сердце — источник наших несчастий? Если вы не понимаете небесных вещей, поймите хотя бы земные. Не встречали ли вы человека, который, находясь в обстоятельствах, вызывающих зависть других — в здоровье, в богатстве, в благополучии, — скучает от неизлечимой скуки? Почему? Потому что этому человеку не хватает цели, интереса; потому что его дни проходят один за другим без связующего звена; потому что в разнообразии удовольствий удовольствие притупляется и кончается отвращением.

Поверьте мне, это не только несчастные, но и, может быть, чаще всего счастливые мира сего ощущают тяжесть жизни и могут повторять эту поэтическую жалобу:

Однако жить нужно всё равно,
Спать и просыпаться по очереди,
И тащить из рассвета в рассвет
Этот вновь рождающийся груз дня.

Итак, мысленно придайте хоть какой-то смысл этим усталым жизни душам. Сердце этого молодого человека было наполнено романтической страстью. Этот зрелый человек привязался к полезному делу. Другой одержим живым и постоянным вкусом к искусству или науке. Ещё один просто потрясён одной из тех великих политических потрясений, которые глубоко волнуют нас и становятся постоянной заботой. Теперь у них есть одна мысль, которая постоянно с ними — с момента пробуждения и до сна... и вот они спасены от скуки. Но всё здесь, на земле, подвержено ветру нестабильности. Привязался к любимому — смерть забирает его. Отдал сердце благому делу — злые силы разрушают его или оно гибнет по своим собственным недостаткам. Посвятил себя родине... Есть лишь один постоянный город — Царство Небесное; Есть лишь один интерес, который может пережить всё, несмотря на колебания жизни — воля Божья; Есть лишь один Сущий, которого никогда не могут у нас отнять — Вечный.

Для Него надо жить. Понимаете ли вы тогда, что жизнь становится единой и счастливой? Слушайте Расина, который рассказал о муках раздвоенного сердца, послушайте, как он сегодня говорит о радостях души, умиротворённой в божественной любви:

> Сердце, которое любит Тебя,
> Мой Бог, кто может нарушить мир?
> Оно ищет во всём Твою высшую волю
> И никогда не ищет себя.
> На земле и даже на небе,
> Есть ли иное счастье, кроме спокойного мира
> Сердца, которое любит Тебя?

Вот оно, господа, вот покой; Вот вечная жизнь: хотеть того, чего хочет Бог. Вечная жизнь в своём начале уже есть то, чем будет; и она будет тем, чем уже есть — сейчас, в сумерках веры, и за завесой — в великолепии видения. Вот что такое Вера. Если вы принимаете это, вы — среди людей посланник вечной жизни. Идите и провозглашайте это. Я даже недостаточно говорю: идите и творите это, как Иисус Христос, который не только посеял Слово, но и орошал семена потом и затем своим жизненным потом и кровью смерти.

> Идите и реализуйте план всеобщей любви;
> Идите в мир скверны, чтобы нести туда чистоту;
> Идите в мир эгоизма, чтобы нести туда милосердие;
> Идите в мир страданий, чтобы нести туда счастье.

Программа прекрасна, не правда ли? И жизнь, наполненная этой мыслью, больше не знает пустоты и скуки. Скажете ли вы, что вам не хватает веры? Мне тоже не хватает; и ни одно слово не трогает меня больше, чем слова этого военного человека, который, как сказано в Писании, преклонил колени перед Спасителем мира и сказал: «Верую, Господи! помоги моему неверию!» — и Господь помог ему (Марка 9:24). Вам не хватает веры! Но разве вы не верите хотя бы во что-то? Разве не верите, что чистота лучше скверны? Что милосердие лучше эгоизма? Что мир лучше отчаяния от наших страданий или печали от наших удовольствий? Тогда поступайте согласно тому, во что верите.

Берегитесь этой безрассудного благочестия, которое рассеивается и испаряется, превосходя себя своими собственными проявлениями, и вместо источника живой воды оставляет вскоре потрескавшиеся цистерны, не содержащие воды. Но берегитесь также внутренней трусости, которая удерживает в плену ту долю истины, что есть в нас. Будьте тем, кто вы есть, ни больше, ни меньше; но тем, кто вы есть по благодати Божьей в вере и благочестии, будьте этим открыто, решительно и перед всеми. Вот что есть Вера, и теперь я перейду к проблеме, которую она содержит в себе.

Мы созданы для вечности, но поставлены во времени. Есть одно слово, которое суммирует всю нашу судьбу: послушание Тому, Кто любит нас. И этого послушания Он требует от нас уже сейчас, в мире, то есть исполнение Его воли в наших отношениях с вещами жизни и с людьми — отношениях, которые составляют наши обязанности. Вот в чём проблема. Не существует ни одного из объектов наших обязанностей, который не был бы для нас искушением, потому что зло в нашем сердце. Когда нам предлагают идти навстречу злу, чтобы бороться с ним, часто, увы! (я говорю даже о тех, кто знает источник силы), часто именно мы выходим из борьбы побитыми.

Более того: мы не только в опасности быть побеждёнными злом, которое нам надлежит победить, но и подвержены тому, что даже в добрых, честных делах, даже в делах благочестия, существует большая опасность — рассеяние духа. Дела, и я говорю о делах непосредственно религиозных, непосредственно милосердных, делах, которые должны исходить из божественного источника, отрываются от него и становятся лишь предметом чисто человеческого интереса. Занимаются хорошим делом, посещают собрание благочестия с таким же чувством, с каким идут на спектакль или среди суеты политического собрания. Трудно жить в мире и постоянно сохранять присутствие Бога; трудно пробежать карьеру времени и никогда не потерять чувство вечности. Вот проблема.

В этой борьбе есть две крайности. Одни, после некоторых усилий, отказываются от преследования идеала, который их разочаровывает. Они начинают жить одним днём; но не как верный рабочий, выполняющий свою работу. Они забывают себя, теряются в вещах, рассеиваются и больше не смотрят за горизонт жизни. Это — отречение, насколько это в их силах, от вечной жизни. Вторая крайность — порвать с миром, запереться в келье монастыря или в уединении своего дома, чтобы посвятить всё время практике святых дел, созерцанию и молитве, вдали от обычных отношений человеческого общества и связанных с этим искушений. Это попытка начать здесь, насколько возможно, жизнь вечности. Так поступают некоторые души. Если Бог призывает их туда, если Бог даёт им на это разрешение, что нам возразить? Кроме того, господа, я должен заметить, что эти уединённые от мира зачастую оказывают на мир самое энергичное влияние.

Паскаль, физик и дворянин, вряд ли написал бы книгу «Мысли»; и не был бы незначительным благодетелем рода человеческого монах, который составил для монастырей XV века то руководство для стольких благочестивых душ, которое мы называем «Подражание Христу». Но это не правило. Правило — это жизнь, это борьба жизни. Как же жить в мире, сохраняя всегда чувство присутствия Бога? Действовать и обновлять в созерцании и молитве живые источники действия; таким образом стремиться сделать созерцание всё более деятельным, а действие — всё более сосредоточенным: вот, несомненно, путь, которому следует идти. Этот путь не так труден, как можно было бы подумать.

«Не нужно много времени, чтобы любить Бога, чтобы обновляться в Его присутствии, чтобы возносить к Нему сердце, чтобы предлагать Ему то, что делаешь и что страдаешь; вот истинное Царство Божье внутри нас, которое ничто не может нарушить. Когда рассеянность чувств и живость воображения мешают душе собираться мягко и чувствительно, нужно, по крайней мере, успокоиться прямотой воли; тогда желание сосредоточения — это своего рода сосредоточение, которого достаточно: надо обратиться к Богу и с правым намерением делать всё, что Он хочет, чтобы мы делали». Это слова Фенелона.

Фенелон иногда слишком забывал, что мы не можем противопоставлять Бога творению, ибо Бог — наш Отец, и что не следует противопоставлять святость счастью, потому что в плане Того, Кто есть любовь, святость и счастье — это два названия одного и того же. Однако, несмотря на это замечание, Фенелон — один из великих учителей духовной жизни.

О присутствии Бога.

Жизнь должна питаться от своего источника. Нужно непрестанно черпать и заново черпать в Боге чувство вечности, которое неизменно рискует быть у нас отнятым необходимостями нашего временного бытия. Для этого нужно верить в реальность присутствия и действия Бога в нас. Этого нам не хватает. Слушайте здесь благородные слова одного современного писателя:

> «Верите ли вы во взаимопроникновение духов? Верите ли вы, что независимо от слова и голоса, независимо от расстояний — с одного конца света на другой — духи влияют друг на друга и проникают друг в друга? Верите ли вы, как говорит Фенелон, что в Боге люди касаются друг друга? Верите ли вы, что мысль, движение, любовь, порыв могут прийти к вам по тайному влиянию сердца и духа другого? Или же не знаете ли вы, что каждая душа постоянно живёт движением других душ, и борется, сопротивляется, соглашается, вечно согласуется с ними? Не знаете ли вы, что одна душа может чувствовать в себе другую душу, которая её касается?
>
> Если вы этого не знаете, то не знаете и земных повседневных вещей; как же тогда вы поймёте небесные? Если же знаете, если верите в эту общность между душами и созданными духами, тем более вы должны верить в это от Бога к вам. Вот, да! рядом с вами, в вас, глубже, чем может проникнуть любой созданный дух, и чем вы сами можете проникнуть, есть Бог, Его влияние и Его присутствие, распространившиеся в вашей душе, начиная с её корня и снизу, до предела всех сил и даже дальше. И это не только божественная и огромная сила, в которой вы погружены, это дух, который озаряет вас, это сердце, которое несёт ваше сердце.
>
> Да, внутри вас есть нечто большее, чем просто вы сами. «Это ли Он, это ли я, кто говорит во мне?» — вопрошал Августин. Именно — есть Кто-то в вас, Кто в этот самый миг смотрит на вас и любит вас. Но вы слабо это ощущаете и едва верите, потому что всё ваше внутреннее внимание захвачено другими вещами — иными радостями, мыслями, желаниями, привязанностями. Умолкните перед ними — и тогда скоро ощутите присутствие и зов Того, Кто давно уже говорит с вами, смотрит на вас и любит вас». (De la connaissance de Dieu, par Gratry)

Бог, дух Божий — вот источники духовной жизни. Но Евангелие, через которое Бог нам открыт и обещана помощь Божия, удерживается в мире посредством внешних институтов; и вы, возможно, упрекнули бы меня в том, что я остаюсь в области абстракций, если бы я не затронул, в заключение, эту сторону моего предмета. Иисус Христос стал отправной точкой христианского общества. По слову апостолов церкви поднимаются, словно семена. Они сближаются, эти странники вечности, чтобы говорить об обещаниях Учителя и радостях Отечества. Они объединяются, чтобы собрать святые архивы своих надежд и охранять этот драгоценный клад.

И каждый из нас, господа, получил от христианского общества Евангелие и тот особый образ, под которым он сначала его воспринял. Но христианское общество раздроблено — мы видим церкви, борющиеся друг с другом. Является ли это безразличным? Говорю — безразличным относительно темы, которая нас занимает. Является ли устройство церкви, её культ, влияние, которое она оказывает на души, правило её веры — всё это без эффекта на развитие благочестия и, следовательно, на развитие вечной жизни в нас? Кто осмелится так сказать? Значит, здесь, без сомнения, есть второстепенные, но реальные вопросы. Мы теперь сталкиваемся с предметом споров; и в той части Европы, где мы живём, мы видим споры, разделяющие католиков и протестантов с тех пор, как потрясение шестнадцатого века разорвало западную церковь. Эти вопросы серьёзны, они остры среди нас. Не волнуйтесь, я не буду вдаваться в них сейчас. Скоро я объясню почему.

Позвольте мне сначала посмотреть со стороны на эти вопросы, которые я отметил, и осветить их светом, исходящим от моего предмета. Что такое христианский спор? Это обсуждение между двумя людьми, которые оба исповедуют веру в Иисуса Христа и считают себя гражданами вечной жизни, к которой они стремятся. Что это значит для характера их обсуждения? Оно должно вестись по этому царскому закону: «Истина в любви».

Истина — это не только запрет приводить ложные факты, но и запрещать искажать истинные факты через свою интерпретацию; не только приписывать оппоненту мнимые слова, но и вырывать его слова из контекста и объяснения; истина — это не только избегать сознательной лжи, но и использовать осторожность, чтобы не допускать непреднамеренных ошибок.

Любовь — это не ослаблять мысль каким-то приторно-сладким языком, а уважать оппонента, не подозревать его без причины в дурных намерениях; когда в борьбе получили отравленную стрелу, запрещено подбирать её с земли или вырывать из раны, чтобы ответить тем же. Вот требования, которые предъявляет к обсуждению один только факт, что оно — христианское обсуждение.

И подобные обсуждения могут существовать; не всякий спор обязательно есть проклятый спор, который использует небо как повод для того, чтобы открыть шлюзы худших страстей земли. Правильную полемику я не осуждаю. Она законна; иногда необходима; порой может даже стать настоятельным долгом. Однако, что касается меня и нынешних обстоятельств, я в неё вступать не буду. Прежде чем сказать вам свои причины такого решения, позвольте поделиться с вами своими впечатлениями — и прошу вас понять, что почти невозможно серьёзно обсуждать тему, которая нас занимает, не открыв какую-то часть себя, не поведав слушателям какой-то тайны своей жизни.

Послушайте: Родившись в городе, который в каком-то смысле был обречён на конфессиональные столкновения между протестантами и католиками, я был сохранён, благодаря обстоятельствам, которые я считаю благом, от пылкости этих столкновений и пылкости споров. Мужчина, память о котором, я знаю, сохранена у многих из вас — человек, которого Бог дал мне в отцы, — воспитал меня в мысли, что в пределах долга лучше во всём держаться за то, что объединяет, а не за то, что разделяет. Он воспитал меня в привычке принимать от любого человека, не взирая на одежду, и из любой книги, не останавливаясь на обложке, всё, что есть доброе, чистое, возвышенное, и все благословенные следы живительного духа Евангелия. Это были мои первые впечатления.

Потом, воспитываясь в одной из протестантских церквей, я вскоре признал в других религиозных общинах явные плоды христианской жизни, которые доказали мне, что дух Божий парит над преградами, которые нас разделяют. Далее, я, не будучи католиком, не могу забыть, что обязан христианам Римской Церкви многими словами, которые меня укрепили, многими примерами благочестия, которые до сих пор меня вдохновляют. Я, не будучи католиком, не могу забыть, что именно во Фрибурге, в Швейцарии, и в келье францисканского монаха я получил одни из самых серьёзно спасительных впечатлений в жизни, услышал одни из самых благородных слов, которые произносила человеческая речь передо мной, и с наибольшей ясностью увидел, как сияют на лбу старца священные знаки наших бессмертных судеб. Такие воспоминания не забываются; их любят рассказывать, и если бы забывались — это была бы неблагодарность по отношению к Богу.

Послушайте ещё: Когда я вновь прокручиваю в памяти те дни, те печальные дни, когда вера колеблется в душе, когда кажется, что маяк гаснет, и весь свет исчезает во тьме, я нахожу один... Это было сияющее весеннее утро двадцать пять лет назад. Мне пришла печальная идея вытащить из библиотеки пыльный том старой богословской полемики и прочесть его на лоне природы. И контраст между увиденным мною пейзажем и мыслями, что пронеслись перед разумом, был горек. И я стал с тревогой спрашивать себя, могло ли Евангелие,

вызывающее эти горькие и мелочные слова, эти мелкие и страстные споры вместе взятые, быть творением великого Бога, создателя этой природы, что была передо мной в своём великолепии, спокойствии и величии. Евангелие велико, как и природа; любовь Божия спокойнее и умиротворённее самого яркого весеннего утра; и страшные тайны, в которых оно проявляется, — это лишь тень, отбрасываемая грехом на творение, полностью свет и любовь. Но есть книги, называемые религиозными, которые в определённом душевном состоянии и в определённые моменты жизни наносят душе глубокие раны. Я не люблю полемику, теперь вы знаете почему.

Это личные впечатления. Я сказал их, чтобы вы хорошо поняли суть моих мыслей и, возможно, для некоторых из вас смягчил их недостатки. Но, в конце концов, наши вкусы не являются правилом нашей жизни. Пришло время сказать вам мои обдуманные причины думать, что, какими бы ни были права конфессиональной полемики, в наши дни есть дела более неотложные. В мире существует доктрина, которая называется христианской доктриной, с точной датой, аутентичными документами и установленной историей. Кажется, что при всех наших разделениях смысл этой доктрины трудно определить; но нужно свести факт религиозных разногласий к его истинной ценности.

Дискуссии о смысле евангельских слов более остры и распространены, чем другие аналогичные дискуссии, которыми занимаются люди; согласия по поводу толкования религиозных догматов меньше, чем по поводу смыслов философских систем. Задумывались ли вы, почему? На это можно привести разные причины. Вот несколько, которые сейчас приходят мне в голову. Веками нужно было быть христианином под угрозой изгнания, тюрьмы или костра. Позже, там, где светская власть уважала религиозную свободу, общественное мнение продолжало сильно влиять на совести. Понятно, что при сильном давлении со стороны серьёзных и неотложных интересов изощрённый ум стал придавать наименее христианским мыслям вид христианства, поскольку христианство насаждалось силой правительств или мощью общественного мнения.

Отмечу также, что по привычке и вне настоящей веры у большинства умов установилась полная отождествлённость идеи Евангелия с идеей истины. Многие люди стараются убедить себя, очень искренне, что остаются в пределах Евангелия, даже когда они переступили все его границы. Никто не считает себя учеником Фурье, если насмехается над фаланстером; никто не считает себя учеником Гоббса, если верит в право и справедливость; не называют себя вольтерьенцами, если верят в откровение; но называют себя христианами и считают себя таковыми в таких условиях, что если бы речь шла о чём-то другом, это вызвало бы у любого историка идей едва ли не улыбку.

Причины искажений религиозной мысли постепенно исчезают. Мы свободны. В этой стране, слава Богу, мы пользуемся больше, чем где бы то ни было, полной свободой совести. Что касается власти общественного мнения, отрицание Евангелия больше не влечёт позора для значительной части современного общества. Учитывая поток современных трудов и религиозные тенденции главных средств массовой информации, можно сказать: настали времена, когда, соблюдая определённые приличия, можно без опаски разорвать с евангельскими традициями. Никто не должен чувствовать себя обязанным казаться христианином. За исключением некоторых частных ситуаций, ничто не препятствует мыслям, удаляющимся от Иисуса Христа, заявлять и подтверждать себя такими, какие они есть.

Таким образом, мы можем без предубеждений констатировать христианство таким, какое оно есть. Христианство утверждает реальность Бога, предназначающего свои творения к вечной жизни; грех творения, отделяющий его от Бога; благодать искупления, возвращающую к Богу при её принятии. Это основы Евангелия, так же ясно читаемые в первых документах и общей традиции, как основы учения Платона или религии Брахмы,

признанные и подтверждённые без колебаний историками. Но кто сохраняет эти основополагающие истины, фундамент христианской веры, в мире?

Католики говорят, что это их Церковь, и говорят правду, потому что эти статьи записаны в их символах, как и в символах всех крупных христианских общин. Протестанты говорят, что это Писание, и говорят правду; потому что если Евангелия нет в Новом Завете, его нет нигде. Христиане, не останавливаясь на том, что вас разделяет, вы должны утверждать, что эти истины сохраняются силой Бога, который не позволяет им исчезнуть с земли. Когда эти основы расшатываются сильнее обычного, разве не нужно прежде всего их поддерживать? Разве долг членов всех Церквей — не объединиться для общей борьбы? И поверьте, я не говорю вам о пустых утопиях и не мечтаю о какой-либо слиянии в одно религиозное общество между католиками и протестантами.

Внешнее единство христианства может быть лишь предметом веры, одной из тех вещей, которые надеются вопреки всякой надежде. Не знаю, может ли кто-то сегодня увидеть на горизонте хоть малейший предвестник этого великого события. Всё возможно для Бога; а что возможно человеку — вот оно. В борьбе, где поставлены на кон общие убеждения, христиане, не отказываясь от своих убеждений и не вступая в невозможные компромиссы, и, если позволите такую метафору, сохраняя каждый свою форму и свой флаг, могут сражаться вместе за то, что одинаково их всех касается.

Скажете, что это — жертва правды? Жертва правды! Кто сказал вам, что ваши споры и полемики — лучший способ добиться и защитить истину? Конечно, когда на Евангелие возводят науку и разум, нужно отвечать наукой и разумом. Когда хотят воздвигнуть стену между душами и Богом во имя интеллекта, разумом эту стену и нужно рушить. Но в пределах веры, если сказать, что подтверждение этой веры словами и особенно жизнью — самый мощный способ проповеди, если сказать, что дух мира может быть предвестником духа света — разве это противоречит Евангелию?

Вокруг нас живёт и крепнет борьба против веры, общей всем христианам. Её масштабы с каждым днём растут, пугая тех, кто следит за её развитием. Отрицают Бога, отрицают Иисуса Христа, отрицают вечную жизнь. Борьба открыта в Германии, где после идеалистической философии, пытавшейся объяснить всё через человека без Бога, появился грубый материализм, желающий объяснить всё природой без духа. Борьба очевидна во Франции, где учёные, историки, критики, кажется, сговорились, чтобы поколебать основы всякой религиозной веры.

Я приводил слова члена Института, господина Бартелеми Сен-Илера, который заявил, что во имя науки, истории, метафизики в Париже в середине XIX века под предлогом новизны пытаются возродить унылые учения Будды. Я могу также привести господина Сессэ, профессора Сорбонны, который в своей недавней книге громко бьёт тревогу и утверждает, что все великие течения мысли вокруг него ведут к отрицанию живого и личного Бога. И эти учения появляются не в тени, а демонстрируются на страницах самых распространённых изданий Европы без стыда со стороны редакторов и слишком часто без скандала среди читателей.

Это право свободы. И, будьте осторожны, я сожалею не о свободе (да хранит меня Бог!), а о мыслях, которые свобода проявляет, и которые, быть может, полезно, а быть может, и необходимо проявлять, если уж они существуют.

Но это ещё не всё. Пока Евангелие атакуют извне, внутри самой христианской общины в её внешнем и материальном смысле происходят, может быть, ещё более опасные нападения. В учёной Германии под её влиянием священнослужители отстаивают перед другими священнослужителями что? Церковный символ? Это нормально. Значение откровений Бога? Тоже нормально. Что же тогда? Видим, как священники вынуждены отстаивать перед

другими священниками реальность самих откровений Божиих, реальность воскресения Иисуса Христа — исторического основания всего апостольского учения. Святой Павел говорит нам: «Если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна, и вы ещё во грехах ваших» (1 Коринфянам 15:17). Нужно ли говорить всё? Видим, как священники вынуждены отстаивать перед священниками бессмертие наших личностей, эту славную надежду верующих всех времен. И не думайте, что я привожу забытый факт из пыльных учебников, чтобы неуклюже выставить его напоказ. Нет, эти факты происходят под ярким солнцем гласности. Вот где мы сейчас находимся!

В подобной ситуации христианским церквям, возможно, стоит заниматься не продолжением споров XVI века или менее важных споров. Им стоит не копать с наслаждением и с каждым днём всё шире ту пропасть, что их разделяет. Я порой думал, что лучше всего — просто спокойно исповедовать свою веру и никому не противоречить. Но если нужно вступить на арену человеческих мнений, то я чувствую большее стремление возразить тому, кто отрицает моего Бога, чем тому, кто Ему поклоняется. Больше спешу возразить тому, кто отрицает моего Спасителя, чем доказывать все мои разногласия с тем, кто надеется на Крест и воскресение Христа. Это тоже полемика — но великая, и, думаю, её надо вести. Вот, господа, дело, святое дело, которое нужно защищать. В пределах ваших убеждений я приглашаю вас стать его защитниками.

Слово «ничто» распространяется по миру; у него есть клубы, газеты, пропаганда. Это голос людей удовольствий, желающих наслаждаться жизнью и поющих: «Кто знает, будем ли завтра?» Это голос отчаявшихся, говорящих: «Мы стучали, и никто не открыл; небо пусто, или Бог глух». Это голос учёных, которые, вырвав всякую надежду из наших сердец, провозглашают себя единственными разумными и высшими мудрецами. Странный концерт, где безумный голос оргии, плачущий оттенок печали и улыбка удовлетворения сливаются в мрачное слово: «После смерти ждать нечего» и хотели бы вырезать на двери жизни страшные слова, которые Данте поместил на врата ада: «Вы, входящие, оставьте всякую надежду».

Нужно, господа, чтобы те, кто не оставил всякой надежды, чтобы бедный и богатый, невежественный и учёный, тот, кто встретил Воскресшего в страдании и у смертного одра, тот, кто встретил Спасителя в покаянии, тот, кто в учёбе увидел свет Вечного Слова, — чтобы все, кто ещё верит в Бога, душу, долг, святость и бессмертное будущее, приблизились, объединились и ответили слову «ничто», которое распространяется по земле, твёрдым возгласом: ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ!

† † †

Краткий обзор седьмой лекции вернуться к содержанию >>>

Религия истинная — это подготовка к вечности в пределах временного бытия.

- Цель Веры — просветлять совесть и менять естественное направление воли, заменяя эгоизм на любовь (милосердие) как главный принцип жизни.
- Противоположности истинной религии:
  - ✓ Вера, служащая временным, земным интересам (мало значимая ошибка).
  - ✓ Вера идеала, заменяющая сознание эстетическим чувством — при этом идеал перестаёт вести к Богу, превращается в поклонение человеку, отрицает моральную ответственность (примеры Спинозы и Ренана).
- Такая «религия идеала» ведёт к разделению человечества на две касты — «высших» духов и «простых» людей, культивируя презрение и элитаризм.
- Оба этих взгляда ограничиваются опытом, не признают ничего сверх земных интересов или человеческих чувств.
- Евангелие предлагает Веру вечности, которая делает земную жизнь подготовкой к Царству Небесному.
  1. Высшие духовные элементы человека — средства для восхождения к Богу.
  2. Вера — не отдельная часть жизни, а главный принцип, пронизывающий все аспекты существования.
  3. Суть Веры — послушание Божьей воле, которая регулирует жизнь и одновременно является условием счастья.
- Возникает внутренняя борьба:
  - ✓ Как совместить земную жизнь и подготовку к вечности?
  - ✓ Есть два выхода:
    1. Отказаться от вечной жизни, погрузившись в суету временного;
    2. Полностью порвать с миром ради исключительно духовной жизни.
- Норма: освящать земную жизнь, превращая её в подготовительный этап вечности через союз с Богом — источником силы для исполнения долга.
- Евангелие — фундамент христианской надежды, сохраняемый церковными институтами.
- Несмотря на единство христианства, разделения и споры между конфессиями не остаются без последствий для духовной жизни.
- В настоящее время, благодаря религиозной свободе, фундаментальные основания Евангелия видны яснее.
- Эти основы, признанные всеми христианскими конфессиями, подвергаются нападкам современного атеистического и материалистического мышления.
- Главный духовный вызов нашего времени — борьба между верой в жизнь вечную и её отрицанием.